№ 3 (94) 2012

абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

Старшыня журы творчага конкурсу «Вольнае слова» Юрась Карманаў і адна з пераможцаў Настасся Зелянкова

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Шаснаццаць беларускіх журналістаў

сталі пераможцамі ў намінацыях конкурсу «Вольнае слова», зарганізаванага БАЖ

Цырымонія ўганаравання пераможцаў творчага конкурсу адбылася ў Сусветны дзень свабоды прэсы.

«У конкурсе бралі ўдзел амаль паўсотні журналістаў, што падрыхтавалі больш за сотню тэкстаў, чытаючы якія, я нават аблысеў», — жартаўліва паведаміў старшыня вызначанага ГА «БАЖ» журы Юрась Карманаў.

Уладальнік першага месца ў намінацыі «Найлепшы інфармацыйны матэрыял» Сямён Печанко («Наша Ніва») сціпла прызнаўся: «Дагэтуль я не перамагаў у інфармацыйных жанрах — толькі ў мастацка-публіцыстычных».

Зміцер Лукашук («Еўрарадыё») заняў другое месца ў намінацыі «Найлепшы інфармацыйны матэрыял».

Конкурсныя артыкулы Кліма Халецкага (34mag.net) старшыня журы назваў «фантастычнымі». А прызёр «Вольнага слова» прызнаўся, што першы год працуе ў журналістыцы і яму прыемна, што «яго тэксты падабаюцца не толькі бацькам».

Святлана Калінкіна («Народная Воля») — уладальніца першага месца за найлепшы аналітычны матэрыял. «Ніколі не бачыла сябе ў аналітычнай журналістыцы — лічыла сябе “інфармацыйшчыкам”. Але падзеі паспрыялі таму, што большасць матэрыялаў за мінулы год былі якраз аналітычнага плану», — зазначыла пераможца.

«Некалькі гадоў таму дзякаваў “Вольнаму слову” за “аванс” — маўляў, не падкачаю. Вось і не падкачаў», — заўважыў Зміцер Панкавец («Наша Ніва»), які заняў трэцяе месца ў «аналітычнай» намінацыі. На другім месцы, паводле рашэння журы, — Алесь Герасіменка (Generation.by).

Пераможца ў «мастацка-публіцыстычнай» намінацыі Настасся Зелянкова («Салідарнасць») зрабіла рэмарку, нібы ў працяг свайго выбітнага конкурснага матэрыялу: «Гэтая прэмія для мяне вельмі прыемная і вельмі патрэбная. Мне важна нешта ўяўляць з сябе як маці і жонка, але важна і быць асобай у сваёй прафесіі...»

«Абажур» віншуе калегаў і абяцае аддаць свае старонкі пераможцам «Вольнага слова»!

абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 3 (94) 2012 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота
Photo.bymedia.net

На вокладках –
фота Сяргея Балая

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 10.05.2012 г.
Дата выхаду 18.05.2012 г.
Фармат 60x84 / 8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Жанна Літвіна дала інтэрв’ю адмыслова для «Абажура». З кіраўніком БАЖ гутарыў Юрась Карманаў.

Жанна Літвіна:

«Ёсць выданне — значыць, ёсць рэдакцыйны калектыў, ёсць журналістыка»

— Вацлаў Гавел, аналізуючы ролю незалежных СМІ ва Усходняй Еўропе, назваў вагу слова «мацнейшай за дзесяць вайсковых дывізій». Вы мяркуеце, што гэтае параўнанне актуальнае для сённяшняй Беларусі?

— Вольнае слова з’яўляецца аднолькава важнай каштоўнасцю і для ўлады, і для журналіста, і для ўсяго грамадства.

Як толькі ўлада пачынае губляць моц, хістацца, слабнуць, адразу большым становіцца ціск на СМІ, узмацняецца кантроль за абарачэннем інфармацыі ў грамадстве.

Адсутнасць традыцыі свабоды слова і патрыярхальныя, савецкія падыходы дыктуюць афіцыйным уладам разуменне ролі СМІ ў грамадстве. Вынікам такога стаўлення з’яўляецца тое, што ў самім грамадстве свабода слова, свабода выказвання, права на атрыманне інфармацыі не ўспрымаюцца як вельмі важныя каштоўнасці.

Аднак сітуацыя кардынальна мяняецца. Для мяне Рубікон — 19 снежня 2010-га. Гэта мяжа, пасля якой жыццё змянілася. Так, з аднаго боку, рэпрэсіі, а з другога — абуджэнне грамадства ў часе прэзідэнцкіх выбараў.

2011 год быў адным з самых складаных і цяжкіх, бо палітычныя працэсы ўпершыню накладися на эканамічны крызіс. Пачаў руйнавацца кантракт дзяржавы з грамадствам, эканамічныя працэсы сталі некіравальнымі, і ўладзе стала яшчэ цяжэй уздзейнічаць на настроі ў грамадстве. І таму ў эпіцэнтры ціску апынуліся сродкі масавай інфармацыі.

Улада пачала губляць магчымасць адэкватна рэагаваць на рэальны стан рэчаў у краіне, а прапагандысцкая і ідэалагічная машына прабуксоўвае. Таму ўлада ўсё больш імкнецца да бескантрольнасці і становіцца помслівай.

Першая хваля рэпрэсій прайшлася па палітыках, другая хваля — па праваабарончых арганізацыях і асобе Алеся Бяляцкага, наступная хваля накрыла СМІ.

Узбуджэнне крымінальных справаў супроць сябраў БАЖ за ўдзел у выбарчай кампаніі, канфіскацыя тэхнікі і ператрусы, папярэджанні пракуратуры за асвятленне тэракта, справа Пачобута, на мяжы закрыцця «Народная Воля» і «Наша Ніва», беспрэцэдэнтны праслед журналістаў у часе «маўклівых акцыяў пратэсту» — 95 калег былі затрыманыя. Гэта жудасная статыстыка апошняга года, гэта тое, чым беларускія журналісты разлічваюцца за свабоду слова.

— Назіральнікі кажуць пра яшчэ адну з'яву — беспрэцэдэнтную актывізацыю спецслужбаў Беларусі. Як журналісты спраўляюцца з гэтай падвышанай увагай?

— Пра актывізацыю спецслужбаў мы гаворым на працягу апошніх двух гадоў. Тут варта прыгадаць крымінальную справу, узбуджаную па ініцыятыве генерала КДБ супроць чатырох журналістак розных выданняў. Ператрусы ў рэдакцыях і дома выклікалі проста абурэнне. У еўрапейскіх краінах спецслужбы не маюць права ўмешвацца і праводзіць такога кшталту дзеянні ні ў месцы пражывання, ні ў самой рэдакцыі. Для гэтага патрэбная санкцыя суда. Тое, што адбываецца ў нас, немагчыма ўявіць у цывілізаваным грамадстве.

Наш калега Анатоль Санаценка, рэдактар «Бабруйскага кур'ера», 5 красавіка сёлета быў выкліканы па тэлефоне да падатковага інспектара, а там яго сустрэлі супрацоўнікі КДБ, якія праводзілі размову цягам дзвюх з паловай гадзінаў і пагражалі ўзбудзіць крымінальную справу «за дыскрэдытацыю Рэспублікі Беларусь».

Мы фіксуем шквал папярэджанняў ад пракуратуры і КДБ журналістам, якія не маюць акрэдытацыі МЗС і супрацоўнічаюць з замежнымі СМІ. Гэта азначае, што спецслужбы адсочваюць незалежных журналістаў і жадаюць трымаць усё пад кантролем.

— Мадэлі ўзаемадачыненняў улады і СМІ ў аўтарытарных грамадствах мала чым адрозніваюцца. Аднак за 16 гадоў беларускія ўлады прайшлі вялікі шлях ад банальных «белых плямаў» да адбудовы «ідэалагічнай вертыкалі». Ці набылі оруэлаўскія сюжэты беларускі акцэнт?

— Беларуская адметнасць палягае ў тым, што побач з праследам недзяржаўных СМІ афіцыйныя ўлады спрабуюць збудаваць ідэалагічную вертыкаль. Ганебнасць гэтай практыкі ў тым, што вертыкаль бярэ ня сябе неўласцівыя функцыі — яна становіцца бар'ерам на шляху журналіста да інфармацыі. Журналісты змушаныя ўзгадняць з ідэалагічнымі аддзеламі абсалютна нявінную інфармацыю. Абсурднасць гэтай мадэлі проста абурае.

У нашых маніторынгах мы зафіксавалі невытлумачальныя прыклады. Цэнтр турызму і краязнаўства ў Бабруйску адмаўляе «Бабруйскаму кур'еру» ў інфармацыі пра вынікі канферэнцыі. А забарона ідзе з гарвыканкама. У тым жа Бабруйску супрацоўніца краязнаўчага музея адмовілася пацвярджаць і ўдакладняць інфармацыю пра звычайную выставу са спасылкай на забарону гарвыканкама.

У Ганцавічах у раённы цэнтр гігіены і эпідэміялогіі звярнуўся карэспандэнт «Ганцавіцкага часу», з тым каб атрымаць парады на тэму: што рабіць з агрэсіўнасцю восаў, якія нападаюць на людзей; як сябе варта паводзіць; якія меры перасцярогі трэба ўжыць звычайнаму чалавеку. У адказ рэдакцыя пачула, што такую інфармацыю незалежным СМІ гэтая ўстанова не дае…

— Пры гэтым БАЖ аб'ядноўвае журналістаў розных мас-медыя. З улікам ацэнак, якія Вы далі беларускай сітуацыі, каму працаваць цяжэй: журналістам дзяржаўных ці недзяржаўных СМІ?

— Гэта ў першую чаргу пытанне выбару кожнага чалавека.

Ёсць прыклады, калі журналісты дзяржаўных выданняў адмаўляюцца ад гарантаванага, стабільнага і сытага жыцця і абсалютна свядома сыходзяць.

Я не думаю, што ў кожнага шараговага супрацоўніка дзяржаўнай рэдакцыі сытае жыццё. Упэўненая, што шмат людзей з задавальненнем змянілі б месца працы, але ў нас няма рынку працоўных месцаў для журналістаў, мы не ў стане прапанаваць працаўладкаванне для нашых калегаў, якія гатовыя пакінуць дзяржаўныя СМІ.

З іншага боку, частка журналісцкай супольнасці задаволеная станам, у якім яна апынулася, спакойна выконвае функцыю «абслугі», якую ёй прапанавалі. Гэта статысты ўлады. І таму яны ніяк не рэагуюць на заявы, што выклікаюць шмат пытанняў. Да прыкладу, першы намеснік міністра інфармацыі заявіла, што «СМІ — гэта не чацвёртая ўлада, а партнёр улады».

У Беларусі адбылася падмена паняццяў — журналіста прымушаюць быць прапагандыстам і ідэолагам, гэта абсалютна непрымальна. І калі б у самім грамадстве ўспрымалася як каштоўнасць права на інфармацыю, такая падмена паняццяў трактавалася б выключна як ганебная з'ява. На вялікі жаль, гэтага пакуль няма.

Паміж уладай і дзяржаўнымі СМІ існуе своеасаблівая «здзелка» — улада фінансуе і патрабуе ідэалагічнага і інфармацыйнага абслугоўвання сваіх дзеянняў.

— Парадокс беларускай сітуацыі ў тым, што, чым менш у краіне застаецца незалежных СМІ, тым больш сябраў становіцца ў БАЖ. Чым гэта тлумачыцца?

— Я тлумачу гэта жаданнем чалавека быць прыналежным да журналісцкай супольнасці, быць разам з тымі людзьмі, погляды якіх ён падзяляе. Нават калі сярод нас ёсць разыходжанні ў падыходах і поглядах. Разуменне таго, што трэба быць разам, падштурхоўвае да таго, што чалавек робіць грамадзянскі і прафесійны ўчынак, становіцца сябрам арганізацыі.

Нас ужо больш за тысячу. І гэта паказчык ролі і значэння арганізацыі ў самой журналісцкай супольнасці.

Адна з нашых асноўных мэтаў, з якой мы да апошняга моманту спраўляліся, — вытрымліваць лідарства ў адстойванні стандартаў прафесіі. Я вельмі рада, што сёлета значна пашырылася колькасць удзельнікаў нашага прафесійнага конкурсу «Вольнае слова», а сам конкурс становіцца прэстыжным.

Мы прапануем юрыдычную падтрымку, кансультуем па складаных пытаннях, даём магчымасць удзельнічаць у адукацыйных праграмах. І гэта для людзей вельмі важна.

БАЖ дае сябрам магчымасць ствараць пляцоўкі па інтарэсах і дапамагае арганізаваць дзейнасць. У нас узнікла фотафілія, ад якой мы чакаем большай актыўнасці.

БАЖ не толькі займаецца прафесійнымі праблемамі. Гэта яшчэ і чалавечая супольнасць сяброў. Мы прыдумалі свой фэст «Бажынкі», дзе журналісты сустракаюцца ў нефармальных абставінах.

Мы шмат намаганняў прыкладаем для таго, каб нашы рэгіянальныя калегі не адчувалі сябе адарванымі ад Мінска. Кожны год праводзяцца конкурсы на лепшую філію, мы спрыяем правядзенню ў рэгіёнах майстар-класаў, прэс-клубаў і г. д.

— Эканамічны крызіс паказаў, што не толькі палітычныя чыннікі, але і грошы становяцца для рэдакцыяў недзяржаўных выданняў адным з галоўных ворагаў. Вы ўлічваеце гэта, плануючы працу БАЖ?

— Крызіс паказаў, што незалежныя СМІ ў сярэдзіне года апынуліся на мяжы банкруцтва, яны сталі самымі безабароннымі.

Неверагоднымі намаганнямі ішоў пошук шляхоў для змяншэння выдаткаў, і выданні выстаялі.

Паралельна мы назіралі рэзкае змяншэнне працэнта спісання незалежных газет. Для мяне гэта таксама ілюстрацыя высокага ўзроўню менеджменту незалежных выданняў.

Ніводная недзяржаўная газета не закрылася за апошні год праз эканамічныя ўмовы.

— Рэпрэсіі, самацэнзура, эканамічныя цяжкасці вызначаюць для арганізацыі парадак дня. Ці не замінае гэтая «стратэгія выжывання» бачыць будучыню, ці здольная БАЖ адказваць на новыя выклікі?

— Разлічваць на радыкальныя змены ў медыясферы не даводзіцца, бо гэтыя змены будуць залежаць ад дэмакратычных пераўтварэнняў у самой краіне, трансфармацыі палітычнай сітуацыі.

Прыярытэтам дзейнасці БАЖ з'яўляецца дапамога ў выжыванні незалежных СМІ ў краіне. За 16 гадоў мы згубілі вельмі шмат сродкаў масавай інфармацыі, якія не вытрымлівалі ціску і альбо ў судовым парадку закрываліся, альбо самаліквідоўваліся.

Сёння мы павінны захаваць кожную рэдакцыю, дапамагчы пераадолець усе цяжкасці і выклікі. Ёсць выданне — значыць, ёсць рэдакцыйны калектыў, ёсць журналістыка.

Інстытуцыянальная падтрымка рэдакцый застаецца для нас галоўнай тэмай.

Канвергентнасць рэдакцыяў з'яўляецца яшчэ адным з прыярытэтаў дзейнасці БАЖ. Досвед складанага мінулага года падштурхнуў нас да гэтага. Мы зразумелі, наколькі няўстойлівым можа быць друкаванае выданне. І калі рэальнымі становяцца выклікі, звязаныя з прыпыненнем выхаду выданняў, то мы павінны ствараць новыя пляцоўкі для размяшчэння інфармацыі. Адсюль з'яўленне і развіццё інтэрнэт-версіяў выданняў. Гэта тое, чым павінна займацца БАЖ, падтрымліваючы прафесійны ўзровень рэдакцыяў. У гэтым я бачу адзін са шляхоў да ўстойлівасці рэдакцыйных калектываў.

Мы бачым, што працэсы прыватызацыі ўжо распачаліся. І колькі б ні паўтаралі чыноўнікі, што дзяржаўныя СМІ не будуць выстаўленыя на продаж, што ідэалогію нельга прыватызаваць, прыход замежнага капіталу і інвестара як у эканоміку, так і ў медыясферу непазбежны.

Мы павінны быць да гэтага падрыхтаваныя. Мусім умець складаць бізнес-планы, адбудоўваць рэдакцыйную палітыку, быць гатовымі да новых выклікаў і ўмець адстойваць правы журналістаў перад працадаўцамі і новымі гаспадарамі СМІ.

Мы асаблівую ўвагу надаём параўнальна новаму кірунку — медыякрытыцы. Гаворка ідзе пра нашае ўменне бачыць сябе, уменне гаварыць пра сябе, аналізаваць сябе. З пачуццём уласнай годнасці ўсведамляць тое, куды мы рухаемся ў прафесійным сэнсе.

Яшчэ адзін кірунак нашай дзейнасці — медыяадукацыя. Пасля масіраванай прапагандысцкай апрацоўкі свядомасці мы павінны пачаць вучыць людзей разумець вартасць і карыснасць інфармацыі. І БАЖ павінна ўзяць на сябе гэтую функцыю медыяадукацыі. Мы фіксуем вельмі нізкі ўзровень запатрабаванняў з боку грамадства, адсутнасць крытычнага стаўлення да таго, што

прапануюць мас-медыя, размытасць усведамлення ролі і месца СМІ ў грамадстве.

Мы не павінны абыходзіць увагай інтэрнэт і сацыяльныя сеткі, якія таксама ўжо сталі ўніверсальным інструментам для распаўсюду незалежнай інфармацыі. Мы мусім ісці ў сацыяльныя сеткі, прысутнічаць там са сваімі прафесійнымі стандартамі.

Вельмі важны кірунак дзейнасці — нашы фрылансеры, якія патрабуюць дапамогі і ўвагі да

сябе. У інтэрнэце распачаўся збор подпісаў пад петыцыяй у абарону журналістаў-фрылансераў. Прапановы аб змене закона аб СМІ будуць накіраваныя ў Палату прадстаўнікоў і Міністэрства інфармацыі Беларусі. Сёння закон утрымлівае вельмі вузкую трактоўку паняцця «журналіст». Мы выступаем за пашырэнне гэтага азначэння з тым, каб даць фрылансерам законнае права збору і распаўсюду інфармацыі. Гаворка ідзе пра права існавання фрылансерства ў нашай краіне, і БАЖ будзе за гэта змагацца.

— Гэтыя амбітныя планы могуць ацаніць не толькі сябры арганізацыі. Назавіце прычыну, па якой улады дагэтуль не зачынілі БАЖ.

— Я ўпэўненая, што ва ўладзе ёсць цвярозыя і адэкватныя людзі, якія разумеюць, што БАЖ з'яўляецца не палітычным, а прафесійным згуртаваннем людзей, кваліфікацыя якіх прызнаная ва ўсім свеце. Гэта залаты запас беларускай журналістыкі. Сябры БАЖ перамагаюць у прафесійных міжнародных журналісцкіх конкурсах, а сама арганізацыя ўганараваная вышэйшай прэміяй Еўрапарламента імя Сахарава. Я лічу, што гэта не толькі перамогі БАЖ, гэта перамогі ўсёй нашай краіны.

Нагадаю, што ў 2009 годзе Беларусь наведала міжнародная місія журналісцкіх арганізацый, якія займаюцца свабодай слова. Паводле вынікаў працы місія падрыхтавала рэкамендацыі і парады беларускаму ўраду. Гэта грунтоўны дакумент, «дарожная мапа», дзе пералічаныя крокі, якія трэба зрабіць для рэфармавання медыясферы і рэалізацыі права на свабоду слова.

БАЖ адчувае падтрымку і салідарнасць міжнародных журналісцкіх арганізацый, я магу сказаць, што мы пачуваемся часткай міжнароднай журналісцкай супольнасці.

— Праца БАЖ ужо ацэненая. Жанна Літвіна ўключана ў чорны спіс невыязных, а ў дзяржаўнай прэсе распачата шырокамаштабная кампанія па дыскрэдытацыі. Складаецца ўражанне, што Літвіну выштурхоўваюць?

— Ёсць відавочная мэта дыскрэдытаваць, прынізіць, зламаць мяне — усё гэта я адчуваю.

Калі б я была палітыкам і марыла ўдзельнічаць у выбарчай кампаніі, ісці ў парламент, то пра лепшы PR і раскрутку і марыць бы не магла... Толькі мне гэта не трэба.

Сама ўлада дала мне ацэнку і ўзняла на рэйтынгавую вяршыню значнасці і ўплывовасці, выкарыстаўшы такую абмежавальную меру — забарону на выезд.

За 16 гадоў працы ў арганізацыі я бачыла рознае і да цяперашняй сітуацыі стаўлюся па-філасофску. І гэта пройдзе...

Я люблю БАЖ, і мая галоўная мэта — захаваць асацыяцыю і не даць зрабіць з ёй тое, што здзейснена з іншымі беларускімі арганізацыямі. БАЖ стала часткай майго жыцця. Мой клопат з ранку і да вечара — бажаўцы. Гэта вельмі дарагая для мяне частка жыцця, якая дапамагае перажыць усе цяжкасці.

«Start» над Бугом

Жанна СИДОРУК

Проекты интернет-радио из Бреста уже дважды признавались лучшими в столичном PR-конкурсе. Между тем его зачинатели и репортеры — недавние выпускники «Школы молодого журналиста», патронируемой БАЖ.

В этих эфирах водятся «Мурены»-меломанки, можно отведать «Бугбургер» или встретиться с тяжелым «РадиоЛомом». Дюжина молодых брестчан создает единственное в 300-тысячном городе интернет-радио. И студия Radio START — не просто профессиональная мастерская. Для Бреста и (чтоб не сглазить!) для белорусской журналистики это действительно старт. При всех оговорках на непростые наши времена…

В тесноте, зато в эфире

Мы разуваемся в тесном коридорчике обычной «хрущевки» в центре Бреста. «Конечно, однокомнатная квартира — это не полноценная студия. Бывает сложно работать: ты ведешь передачу, а за окном то дерутся, то кричат, то тормоза визжат. И ты одним ухом в наушнике, а вторым — на улице. Плюс постоянно приходится доказывать бабулям-соседкам, что это не из-за нас вырубилось электричество в подъезде или сломался домофон», — рассказывает о взаимоотношениях Radio START и окружающего мира «родитель» проекта Дмитрий Романов.

Свое «убежище» стартовцы называют временным. «Хочется перебраться в нормальное помещение и обзавестись более профессиональной техникой, чтобы была возможность приглашать в гости музыкантов, целые группы для live-эфиров. Нам бы судно — мы бы по Мухавцу бороздили, как пиратская радиостанция из "Рок-волны", — шутит Дмитрий. — А если серьезно, я после университета устроился на "обычную" работу на предприятии, чтобы зарабатывать и вкладывать в радио. Недавно приобрел в Польше специальный пульт. Я не журналист, а инженер по образованию. Но "дипломная" профессия — явно не мое. Меня влекут радио, свои проекты».

У «истоков», в далеком уже по ощущениям молодых 2007 году, радиоэфир полностью состоял из популярных музыкальных треков и транслировался исключительно для друзей. Уже ближе к 2010 году идея вышла на новый уровень — стали выходить авторские программы в записи, например, «Новая жизнь старых хитов» от DJ R3m (Александр Каско). Родилось и амбициозное название — «Radio START».

«Это название — три в одном: английское слово “star” — “звезда”, “art” — “искусство” и само слово “start” — “начало”», — расшифровывает Дмитрий Романов.

От «Поджарки» до «ПроЧтения»

Постоянное вещание в прямом эфире началось осенью 2011-го. «Первой интерактивной программой была “Поджарка” с ее четырьмя рубриками: “Бугбургером”, т. е. новостями Бреста, “Беларахтунгом” — новостями страны, “Трубкой мира” — новостями из-за рубежа, и “Расчлененкой”, в которой мы обсуждали криминальные новости. Обычно мы работаем втроем, но иногда приглашаем гостей — опытных брестских журналистов — и просим их прокомментировать подобранные нами новости», — поясняет мой собеседник.

Основную ставку радийщики делают на молодежную аудиторию, хотя слушают их разные люди, «иногда совершенно неожиданного возраста».

«Но шансона у нас нет, чтобы таксистам угодить. Даже если заказывают — не ставим. Лучше хорошую белорусскую музыку из черных списков будем крутить, — с легкой иронией говорит Дмитрий. — А чем моложе аудитория, тем больше должно быть креатива и интерактива».

Дмитрий Романов

Для каждой программы придумывают звучное, интригующее название и сочную заставку: двухчасовое субботнее шоу «Murena Music» для ценителей Dubstep, Drum ’n’ Bass, Breaks, Jungle и прочих ломаных ритмов; фриковатое интерактивное шоу «Freak-A-Daily» через день по будням; «тяжелая» передача о настоящей музыке «РадиоЛом» с Кириллом Рычагом — поздним вечером в среду; дважды в месяц посиделки для книголюбов и меломанов «ПроЧтение» с радиодуэтом Марты Мартынюк и Сергея Егорова и многое другое. Все это рекламируется в социальных сетях, блогах, чатах, там же и обсуждается.

Каждый диджей может предложить свою концепцию программы — остальные помогут «докрутить» и реализовать. Идеи рождаются чуть ли не ежевечерне. «Вот можно сделать рубрику “Убей звезду”: пусть слушатели звонят и выбирают, кого отправить в топку. Ну или как-то поддругому обыграть, чтобы интерактивно было. Стопка же плакатов без дела лежит с Джастином Бибером и компанией. Пусть эта страшная попса нам послужит», — смеется диджей Дмитрий Босак.

Политигнор

А вот политиков и чиновников, кажется, они не слишком чествуют. Здесь свои черные списки. «Хватит единственного ньюсмейкера в эфире! Он не заслуживает того, чтобы о нем столько говорили: во всех газетах, на всех лентах информагентств», — это предложение «новенькой» Насти. В этот эфирный день так и поступают.

«Нет, мы иногда все-таки даем новости и на эти темы, но, мне кажется, современную молодежь подташнивает от политики. Поэтому я концепцию нашего радио определил так — без политики и рекламы», — заявляет Романов.

Попавшиеся в сети

Сотрудников Дмитрий Романов отбирает по следующему принципу: «Это должны быть люди, которым я могу доверять, которые заинтересованы в проекте, творчески мыслят — в общем, команда единомышленников». Поэтому здесь оказались студенты как недавно открывшейся в Бресте специальности «Журналистика (печатные СМИ)», так и будущие экономисты, работающие маркетологи и даже старшеклассники.

«В прошлом году Романов написал мне в социальных сетях, мол, читал мой Живой Журнал и предлагает попробовать себя в блоге их интернет-радио. Я согласилась. А потом он сказал на одной из планерок, что нужно, чтобы все себя попробовали в эфире, и кивнул на меня. Отлично помню: сижу, а у меня сердце "та-та-та-та, та-та-та-та" — в ритме поезда. Так я стала вести "Freak-a-Daily"», — вспоминает Виктория Гомолинская.

«Радио — это, наверное, мечта. Я когда-то пробовалась даже на наше Радио Брест, на ведущую новостей, но не срослось, — рассказывает Вика. — Почему не телевидение? Я боюсь своего изображения в телевизоре, оно меня полнит. А если серьезно, то радио дает полет воображению. Интересно, какой меня представляют слушатели с той стороны?»

Она считает, что у редакции Radio START хватит сил составить «достаточную конкуренцию нашему государственному радио». «Через год я выпускаюсь из университета. Уже сейчас не все предприятия хотят брать нас, экономистов, на практику. Но я надеюсь, что вот это мое хобби к тому времени перерастет в настоящую работу, источник доходов», — полагает Виктория.

Сорву, сорву «PR-кветку»

Впрочем, успешность проекта заметна уже сейчас. Так, два года подряд ребята отлично показывают себя на открытом студенческом форуме «PR-кветка», который проводит столичный Институт журналистики БГУ.

Весной 2011 года, когда радио еще не вещало постоянно, они представляли проект информационного студенческого центра Брестского государственного технического университета, в который входила и газета «The Tags», с чем заняли первое место в образовательном блоке. «Это была очень удачная газета, мы в нее душу вкладывали, конечно, под чутким руководством Татьяны Юрьевны Шульги. Много дало также участие в Брестской школе молодых журналистов, организованной БАЖ, которую посещали четыре человека из редколлегии. Мы научились делать наши материалы острее и вкуснее. Одни заголовки чего стоили! Ну и популярности это газете добавило, конечно. Например, только "ВКонтакте" на нас было подписано 2,5 тысячи читателей, до сих пор студенты заходят и смотрят pdf-версии. Жаль, что руководство университета так легко отказалось от продолжения этого проекта, не удержало в своих стенах людей, которые делали "The Tags", и

Ольга Малафеевча и Виктория Гомолинская

Виктория Гомолинская, Катерина Василюк, Дмитрий Босак на «PR-кветке-2012»

Планы у них действительно амбициозные. «В 2019 году Бресту исполнится 1000 лет. И мы хотим, чтобы наш проект стал к тому времени сильным, раскрученным. Думаю, что к тому времени интернет-радио станет слушать проще, чем FM, — рассказывает Дмитрий. — Мы могли бы сделать что-то действительно оригинальное для своего города, что прославило бы его если не на весь мир, то на какой-то значительной территории или в широкой группе людей. Пока не знаю, что именно. Может, собственный, чисто брестский музыкальный open-air».

Стартовцы прекрасно понимают: чтобы воплотить задуманное, нужно стать настоящими профессионалами, многому научиться. «Мы совершенствуемся всюду, где только возможно. Нас интересуют и журналистика, и пиар, и новые технологии в СМИ, потому что кроме эфиров мы развиваем сайт, блоги, продвигаем себя при помощи акций. Некоторые из нас в прошлом году вступили в Белорусскую ассоциацию журналистов и благодаря ей участвуют в различных образовательных программах и тренингах. Большое внимание уделяем мультимедиа, потому что за ним будущее. Буквально недавно были на мастер-классе Андрея Ленкевича по этой теме. Когда я услышал, что в этом году тоже будут набирать в "Школу молодого журналиста", то посоветовал девчонкам — Вике Гомолинской, Марте Мартынюк и Ольге Малафеечевой туда попасть», — очерчивает фронт заданий Дмитрий Романов.

Что ж, хочется пожелать этим отважным покорителям интернет-эфира не растерять своего энтузиазма и дружной атмосферы в коллективе. Ну и нового просторного помещения — чуточку раньше, чем к тысячелетию Бреста.

Фото Миланы Харитоновой

все развалилось», — в голосе Дмитрия слышатся нотки обиды.

В этом году они отвезли на конкурс в Минск социальный проект «Брест велосипедный» и тоже вернулись с главной наградой — в социальном блоке. «Хотелось бы начать этот проект реализовывать, с помощью радио тоже. А пока нас ставят в пример студентам столичного журфака, что, конечно, очень приятно», — говорит один из авторов Дмитрий Босак.

Понятно, что пока ребятам на все не хватает «ресурсов и рук». «Но зато почти не мешают соответствующие органы, хотя, наверняка, интересуются нами, наблюдают, — говорит Романов. — Например, если в Минске запрещают те же бои подушками, то в Бресте подобное мероприятие прошло без особых проблем. Наверное, сыграло роль то, что организовывали бои в "неполитический" период — до летних молчаливых акций и после. Думаю, в администрации города посмотрели, что мы адекватно все провели в первый раз, не агитировали и не призывали, и разрешили второй раз реализовать идею. Так что это уже традиция — летом хотим повторить».

Команда Radio START на «PR-кветке-2012»

Веб-журналистика: как не запутаться во Всемирной паутине

Photo.bymedia.net

Людмила ЯНЕНКО

Работа в интернет-пространстве подкидывает журналистам вопросы, ответов на которые пока нет в учебниках.

Интернет-медиа становятся все более популярными. Бесплатные, оперативные и мультимедийные, онлайн-СМИ отвоевывают аудиторию у традиционных: газет, радио и телевидения.

Число интернет-пользователей в Беларуси, по данным проекта Gemius Belarus, в конце 2011 года превысило 4 млн человек. Основная масса завсегдатаев интернета — люди в возрасте 25–34 лет и молодежь 19–24 лет. Впрочем, и белорусы постарше постепенно оценивают преимущества Всемирной паутины.

По мере развития байнета новостные сайты растут, как грибы. Казалось бы, вот оно — безграничное поле для журналистских экспериментов. Вместе с тем, осваивая интернет-пространство, журналисты задаются вопросами, ответов на которые пока нет в учебниках.

С какими трудностями сталкиваются первопроходцы белорусской онлайн-журналистики и как их преодолевают?

Ведешь блог — уже веб-журналист?

Обучать веб-журналистике в Беларуси начали только в 2008 году, когда Институт журналистики БГУ открыл набор на соответствующую специальность. Студенты с новой в отечественной журналистике специализацией еще тренируют свое перо в основном в учебных изданиях. Пока же в онлайн-медиа идут сотрудники традиционных СМИ, блогеры и новички из других сфер, желающие попытать счастья на творческой ниве. И едва ли не каждый думает, что он может без специальной подготовки заниматься интернет-журналистикой, замечает редактор белорусского портала TUT.BY, автор и ведущая программы «TUT-Бава» Алёна Шеремет.

— В интернет-журналистику идут и жук, и жаба. С убеждением, что это новая сфера, которая не принимает каких-то законов традиционной журналистики. Мол, давайте делать так, как душа лежит, — отмечает Алёна, которая проработала в онлайн-медиа не один год.

По ее мнению, главная беда многих сотрудников новых медиа — непрофессионализм и нежелание учиться.

Общение на форумах и в блогах не ограничивает «интернавтов» какими-либо канонами и этическими нормами. «Рамки» редакции и профстандарты многими из них воспринимаются как посягательство на интернет-свободу.

— В конце прошлого года, когда молодые журналисты одного из интернет-СМИ сказали: «Коллективная планерка? Зачем я буду тратить свое время? Это тупость», — я была в шоке. Не думала, что такое возможно, — говорит Алёна Шеремет, отмечая, что веб-журналистам нужно учиться

балансировать между вкусами аудитории и профессиональными стандартами.

— Если уйти в чрезмерную академичность, то придется жертвовать аудиторией. А если думать только о потребностях аудитории, то как ощущать себя профессионалом? — задается вопросом Алёна.

Впрочем, качество интернет-СМИ страдает не только из-за неумения или нежелания работать. Небольшие штаты редакций заставляют интернет-журналистов становиться мастерами на все руки, замечает медиаэксперт Павлюк Быковский. Сейчас никого не удивишь тем, что журналист одной рукой набирает текст, второй — снимает видео или фотографирует. Приходится осваивать навыки менеджера, водителя, веб-мастера... А ведь онлайн-формат требует еще и работы «с колес»: сделал кадр, написал текст — тут же выкладывай в сеть. Иначе опередят конкуренты. При таком ритме работы качество неминуемо пострадает.

Как решать эту проблему? По мнению Павлюка Быковского, в первую очередь нужно постоянно повышать квалификацию сотрудников. Сделать это можно без особых затрат: в сети достаточно пособий для начинающих, а интернет-журналисты со стажем готовы поделиться опытом на мастер-классах и тренингах, как правило, бесплатно. Если веб-журналист хочет развиваться сам и совершенствовать свои проекты, он должен работать практически круглосуточно, добавляет Алёна Шеремет. Успех в этой сфере в немалой степени зависит от работоспособности и даже «одержимости» своим делом.

Впрочем, искать средства для развития редакции также необходимо. Как ни крути, а качественный и популярный сайт на голом энтузиазме не создать.

Как перестать вариться в собственном соку?

Важное преимущество интернет-СМИ — возможность удаленной работы, как говорится, не выходя из дома. Именно такой вариант выбирают многие белорусские журналисты. Но в условиях «домашнего офиса», размышляет Павлюк Быковский, теряется возможность почувствовать плечо друга в редакции, обмениваться опытом и советами, ограничивается «взаимоопыление» идеями.

С экспертом соглашается Алёна Шеремет, которая последний год работает дома.

— Конечно, теряется контекст. Ведь бывают ситуации, когда можно передать обстановку просто взглядом. Да, когда мне нужны советы коллег, я пишу электронные письма, звоню по телефону. Но это совсем не то, как если бы я сидела с ними в общем пространстве, — говорит журналистка. — Спонтанный мозговой штурм в редакции часто более эффективен, чем те советы, которые приходят по почте или skype.

Вариться в собственном соку для журналиста недопустимо. Если вы работаете дома, не стоит пропускать редакционные планерки, семинары и даже корпоративы. Ведь коллеги по перу могут не только поделиться практическим опытом и свежими идеями, но и в случае чего проявить журналистскую солидарность, помочь, поддержать.

Чего не хватает в Кодексе журналистской этики?

Первые кодексы этики журналиста появились в Европе еще в начале XX века, когда об интернете и слыхом не слыхивали. Направления журналистики продолжают меняться вместе с носителями информации, а основополагающие принципы этики остаются практически неизменными. Между тем новые медиа открывают и новые «соблазны» для журналистов.

Самая больная проблема интернет-СМИ сегодня — нарушение авторских прав. Информации в сети столько, что проконтролировать, кто, что и у кого «позаимствовал», очень трудно. Согласитесь, интернет-ресурсов, паразитирующих на информации, которую добывают другие, полно.

— Журналисты не утруждают себя поиском информации, заимствуют ее у других, часто заимствуют некорректно, искажают, — отмечает председатель Комиссии по этике БАЖ Анатолий Гуляев.

И хотя пагубная тенденция только усиливается, обращений по вопросу авторских прав в комиссию немного. Причина в том, считает эксперт, что о проблемах качественной журналистики в Беларуси начали говорить только в последние лет 15, а

до недавнего времени каждый мог поступать, как считал нужным.

— А ведь от вседозволенности до профессиональной этики — как от Шклова до Вашингтона пешком, — шутит Анатолий Гуляев.

Кроме этого, отмечает председатель Комиссии по этике, все чаще в сети используется ненормативная лексика. Появляется соблазн использовать ее и в журналистских текстах — мол, в интернете можно все.

Не исключено, что Кодекс этики БАЖ в ближайшее время будет дополнен пунктом о недопустимости использования ненормативной лексики в журналистских материалах. С таким предложением Комиссия по этике намерена обратиться к делегатам ближайшего съезда организации.

К слову, старая советская истина: «Совесть — лучший контролер» — не теряет актуальности и сегодня. Можно запрещать, судиться, но, скажем, воровство материалов у коллег по цеху не прекратится, пока каждый журналист не решит сам для себя: это — стыдно. Так же стыдно, как украсть жвачку в супермаркете или выбросить окурок на детской площадке. Саморегулирование журналистского сообщества, пожалуй, может оказаться посильнее даже самых мощных репрессивных механизмов. Совесть-то не обманешь...

Закон — что дышло?

О стремлении регулировать деятельность интернет-СМИ белорусские власти заявили несколько лет назад. Для этого появились новая редакция Закона «О средствах массовой информации», знаменитый президентский указ № 60 и еще несколько документов.

Пока, правда, не удается не только управлять интернет-СМИ, но хотя бы определить, что это такое. В Законе «О СМИ» употребляется термин «средство массовой информации, которое распространяется через глобальную компьютерную сеть интернет». Однако определения этого понятия в законе нет, отмечает зампредседателя БАЖ Андрей Бастунец в пособии «Правовые аспекты онлайн-журналистики в Беларуси».

Каким должен быть порядок регистрации и работы онлайн-медиа, пока, похоже, не разобрались даже чиновники.

Известный белорусский журналист и юрист Юрий Топорашев в возможности регулировать веб-журналистику особыми методами сомневается. По его мнению, Закона «О СМИ», а также уголовного и гражданского законодательства достаточно, чтобы регулировать все правовые вопросы в журналистике — как в традиционной, так и в интернете.

— А что такое сегодня отрегулировать веб-журналистику? Это или закрыть полностью, или ничего не закрывать, — считает эксперт. — Можно просто перекрыть канал техническими средствами, как когда-то перекрывали ВВС и «Голос Америки» посредством глушилок.

В Беларуси в черный список сайтов попали несколько оппозиционных ресурсов, но доступ к ним провайдеры блокируют только в госучреждениях.

Вопросы регулирования и саморегулирования в интернете активно обсуждаются и в Европе. Но если там речь идет о фильтрации незаконной информации, то в Беларуси это очередная попытка «накинуть платок» на рот независимой прессы. И, похоже, попытки будут продолжаться...

Те, кто знает толк в чтении свежих газет за чашкой кофе, уверяют: интернет-журналистика все же не заменит традиционные СМИ. Но вот конкуренция между «старой» и «новой» журналистикой определенно будет журналистам и читателям только на руку. Первым, чтобы удержать аудиторию, придется идти в ногу со временем и постоянно совершенствовать мастерство. А вторые получат качественный медиапродукт — будь то газетная колонка, телепередача или новостная лента.

Яніна МЕЛЬНІКАВА

Знайсці чалавека пад панцырам чыноўніка,

альбо Як быць аб’ектыўным журналістам і здабыць інфармацыю

Падаецца, што цяжэй за ўсё даводзіцца журналістам, якія «палююць на інфармацыю» ў рэгіёнах. Штодня рэгіянальныя журналісты грукаюцца ў дзверы чынавенства і штодня атрымліваюць адмовы ў інфармацыі. Як у такіх умовах застацца прафесіяналам? І як не забыцца на журналісцкія стандарты?

Аб’ектыўнасць, ці, як зараз прынята казаць, бесстароннасць, — адзін з тых кітоў, на якіх стаіць прафесійная журналістыка. З першага дня навучання на факультэце журналістыкі будучых акулаў пяра і мікрафона вучаць, што для пацвярджэння інфармацыі трэба праверыць яе не меней чым па дзвюх не звязаных паміж сабой крыніцах. І падаваць не меней за два пункты гледжання на адну і тую ж праблему.

Але часам знайсці гэтыя крыніцы бывае не проста цяжка, а нават немагчыма. І пытанне не ў ляноце ці непрафесійнасці калегаў-журналістаў, але ў закрытасці беларускага грамадства, нежаданні нават тых, хто адказвае за кантакты з прэсаю ў розных дзяржаўных ці грамадскіх установах, на гэты кантакт ісці.

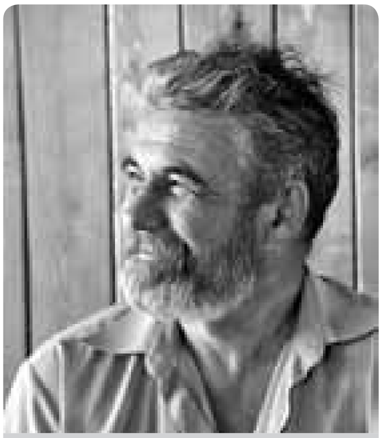

Таццяна Гусева:
У краіне, дзе чыноўнікі, суддзі, дэпутаты адказваюць толькі перад адным чалавекам, праблема доступу да інфармацыі стала сістэмаю

«У краіне, дзе чыноўнікі, суддзі, дэпутаты адказваюць толькі перад адным чалавекам, праблема доступу да інфармацыі стала сістэмаю, — кажа журналістка газеты “Салідарнасць” случчанка Таццяна Гусева. — Папрацаваўшы ў рэгіянальнай газеце, я бачыла прыклады, калі чыноўнікі пасля падвышэння службовага рангу змянялі стаўленне да журналістаў. І калі да падвышэння яны хоць інфармацыю “не для публікацыі” давалі, то, “выбіўшыся ў людзі”, закрывалі вусны на замок».

Але ж падачы афіцыйнага стаўлення да той ці іншай мясцовай праблемы вымагаюць амаль усе інфармацыйныя матэрыялы. Што ж робяць журналісты ў такіх выпадках?

«У праблемных матэрыялах стараюся паказваць абодва бакі, нават калі чыноўнікі ці іншы альтэрнатыўны бок не хочуць кантактаваць, — раскрывае "сакрэт" сваёй паўсядзённай журналісцкай працы журналістка "Брестского курьера" Іна Хоміч. — Праўда, у такім выпадку зварот да іх носіць чыста фармальны характар, раблю гэта хутчэй "для галачкі", толькі для таго, каб чытач зразумеў, што слова давалася ўсім, але не ўсе ім аднолькава скарысталіся».

Аляксандр Муждабаеў:
Бываюць шчырыя людзі, якія проста кажуць, што не супраць узаемадзеяння, але ж «аддзел ідэалогіі не рэкамендуе»

Наваполацкі журналіст Аляксандр Муждабаеў кажа, што ў ягонай практыцы «амаль не было выпадкаў», калі яму адмаўлялі ў інфармацыі, спасылаючыся на тое, што ён «не свой».

«Звычайна чыноўнікі проста цягнуць час, маўляў, прыйдзі ці патэлефануй праз тыдзень, месяц, паўгода... Але бываюць шчырыя людзі, якія проста кажуць, што не супраць узаемадзеяння, але ж "аддзел ідэалогіі не рэкамендуе"», — прызнаецца Аляксандр Муждабаеў.

Дамагчыся такой адкрыта-закрытай інфармацыі, як паказвае журналісцкая практыка абаіх рэпарцёраў, магчыма толькі на нейкіх «асабістых кантактах». То бок калі ўжо склаліся з кімсьці з чынавенства стасункі, то губляць іх для рэгіянальнага журналіста — раскоша. А калі не склаліся — то хоць «каравул!» крычы.

«Вось не палюбіла мяне адна чыноўніца наваполацкая і са скуры лезе, каб тую "нелюбоў" іншым напець. І што з гэтым рабіць можна? Я асабіста ведаю толькі два шляхі — "здабываць інфармацыю" па-ціхаму ці займацца тымі тэмамі, да якіх яшчэ яе "востры язык" не дацягнуўся», — разважае Аляксандр Муждабаеў. І тут жа аптымістычна дадае: «Але ёсць на свеце і такія людзі, якіх не тое што не палохаюць наказы зверху, а яны нават насуперак гэтым наказам жадаюць нешта распавесці».

Хрысціна Марчук:
Варта думаць і шукаць, з кім яшчэ можна паразмаўляць на гэту тэму, калі першая крыніца па нейкіх прычынах адмовілася гаварыць з журналістам

На думку гродзенскай фрыланс-журналісткі Хрысціны Марчук, яе калегі часам злоўжываюць немагчымасцю дамагчыся афіцыйнай інфармацыі.

«Такі стан рэчаў проста дазваляе калегам ленавацца», — кажа гродзенская журналістка.

Між тым з асабістага досведу і з досведу старэйшых калегаў Хрысціна ведае, што з пытаннямі варта ісці нават да тых, хто сто разоў табе адмовіў у інфармацыі.

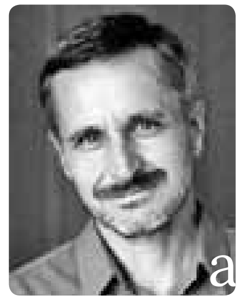
«Калі ты пра штосьці спытаеш, то верагоднасць, што атрымаеш адказ на сваё пытанне, — 50 на 50, але калі ты не спытаеш, то 100 адсоткаў, што табе нічога не скажуць», — упэўненая Хрысціна Марчук.

З ёю згодная і Таццяна Гусева: «Для мяне яскравы прыклад прафесійнай упартасці — журналіст Associated Press Юрась Карманаў. Ён тэлефануе ў праваахоўныя органы, каб пацікавіцца іх пазіцыяй, і чуе: "Карманаў, вы ж ведаеце, мы вам нічога не скажам!" Але ён кожны раз тэлефануе і задае адны і тыя ж пытанні. Таму што гэта яго праца. І нашая таксама».

Калі ж да інфармацыі нельга дабрацца з аднаго боку, то гэта не азначае, што не існуе іншых шляхоў яе знайсці. Рэдка калі бывае, што інфармацыяй валодае толькі адзін чалавек. «Варта думаць і шукаць, з кім яшчэ можна паразмаўляць на гэту тэму, калі першая крыніца па нейкіх прычынах адмовілася гаварыць з журналістам, — раіць Хрысціна Марчук. — Часта так можна адшукаць асобу, якая не горш, а можа, і лепш за першую разбіраецца ў пытанні».

«Ты заўсёды шукаеш чалавека пад панцырам чыноўніка, падбіраеш для яго ключык і так, у рэшце рэшт, здабываеш тую каштоўную інфармацыю, дзеля якой прыйшоў у ягоны кабінет», — тлумачыць Таццяна Гусева.

Асаблівасці нацыянальнага палявання на шкілеты ў шафе

Аляксандр КЛАСКОЎСКІ, кіраўнік аналітычных праектаў інфармацыйнай кампаніі БелаПАН

Сакрэты абараняюцца ў кожнай дзяржаве. Але ў Беларусі, па-першае, сакрэцяць з перагінам, а па-другое, чыноўнікі на практыцы абмяжоўваюць журналістаў яшчэ болей: «ніз-зя» — і ўвесь вам адказ. Іншая рэч, што спасылкамі на рэжым, які не дае інфы, некаторыя калегі і цэлыя рэдакцыі прыкрываюць элементарную ляноту.

Каб буржуіны не скралі лякалы «Камінтэрна»

Цяперашні закон «Аб дзяржаўных сакрэтах», што набыў моц у лютым 2011 года, паводле ацэнкі юрыста, намесніка старшыні БАЖ Андрэя Бастунца, «болей размыты», чым папярэдні. Ключавая фармулёўка стала цьмянай, лічы таўталагічнай: дзяржаўныя сакрэты вызначаны як «звесткі, аднесеныя ва ўстаноўленым парадку да дзяржаўных сакрэтаў». Класічнае «масла масленае»!

Пры гэтым пералік звестак, якія не могуць быць прылічаныя да дзяржаўных сакрэтаў, рэзка скараціўся. Фактычна сакрэціць зараз можна ўсё, бо адпаведныя крытэры — гумавыя. Усё залежыць ад ахавальнага імпэту чыноўнікаў. Права ж сакрэціць звесткі нададзена болей чым паўсотні дзяржаўных органаў ды арганізацый, уключна з такімі, напрыклад, як Мінспорту ды «Беллегпрам». Крый божа праклятыя буржуіны скрадуць лякалы гарнітураў «Камінтэрна»!

«Гэтая піраміда перакуленая, — рэзюмуе Андрэй Бастунец. — Дзяржаўная таямніца разглядаецца як правіла, а не як выключэнне». Больш за тое, нагадвае эксперт, існуе праблема і з доступам да інфармацыі, што не ёсць сакрэтнай. У прыватнасці, з уступленнем у сілу новага закона аб СМІ рэдакцыі пазбавіліся права на абавязковы адказ з тых ці іншых інстанцый. Прынятыя некалькі гадоў таму папраўкі ў закон аб дзяржаўнай службе змушаюць службоўцаў браць дазвол на каментары для прэсы ў кіраўніцтва. Прэзідэнцкі ўказ 2009 года № 65 аб удасканаленні працы дзяржаўных органаў са СМІ, на думку майго суразмоўцы, таксама стаў дадатковым фільтрам супраць журналістаў, бо дэ-факта надзяліў кіраўнікоў розных устаноў прэрагатывай даваць ці не даваць любую інфармацыю.

Яшчэ адзін сумна вядомы фільтр — акрэдытацыя. Найпрасцейшы для кожнай казённай канторы спосаб сказаць «ад вінта!» непажаданай прэсе.

За свіны грып — у лыч

Такім чынам, з самага верху чыноўніцтву дадзены шырокі абсяг для самавольства. Калі функцыянер хоча ўтаіць нейкія шкілеты ў сваёй ведамаснай шафе, перастрахоўваецца ці проста ўстаў не з тае нагі, ён можа адфутболіць «нячэснага» журналюгу, абсалютна не баючыся, што сам атрымае па шапцы. У крытычных жа выпадках спробы зафіксаваць падзею, факт блакуюцца зусім элементарна — пры дапамозе грубай фізічнай сілы. На вулічных акцыях «людзі ў цывільным» б'юць пад рэбры фотарэпарцёраў ды відэааператараў, псуюць ім апаратуру, змушаюць сцерці зняты матэрыял. «Вінцяць» і звычайных рэпарцёраў. Карацей, мала таго што законы драконаўскія, дык яшчэ і «практычнае выкарыстанне заканадаўства мае вельмі аддаленае дачыненне да літары закону», зазначае Бастунец.

Згадайма восень 2009 года, калі народ хадзіў у белых павязках, шалеючы ад чутак пра эпідэмію свінога грыпу. Чыноўнікі ж не прыдумалі нічога лепшага, як утойваць ды скажаць інфармацыю, каб, маўляў, не сеяць панікі. А тыя медыі, што дакапаліся да жахлівых фактаў (дыягназаў смерці ад A/H1N1), атрымалі ў лыч за нібыта дэзінфармацыю.

Мне падаецца надзвычай красамоўнай фраза Аляксандра Лукашэнкі на нарадзе па гарачых слядах леташняга выбуху ў мінскім метро, адрасаваная кіраўніку прэзідэнцкай адміністрацыі: «Людзям трэба даць поўную інфармацыю, не трэба нічога ўтойваць».

Як бачым, на поўнае і ўсебаковае інфармаванне суграмадзян, гарантаванае канстытуцыяй, патрабуецца адмашка першай асобы. І выглядае гэта як выключэнне з няпісаных правіл наменклатуры. Зрэшты, і зараз, праз год, гісторыя аб выбуху ў метро мае шмат белых плямаў.

Заўчасна — у Новы Свет

Але ёсць і другі бок медаля. Для каго-кольвек спасылка на закрытасць уладаў стала апраўданнем ляноты, аднабокай падачы сюжэтаў. У асобных рэдакцыях проста перасталі звяртацца па інфу ды каментары ў дзяржаўныя структуры: маўляў, усё адно прадынамяць!

Такі падыход сапраўды спрашчае справу. Нашто датэлефаноўвацца да няўлоўнага чыноўніка, траціць час ды нервы на акрэдытацыю, сядзець на нейкай сумнай калегіі?.. Пераказаў заметку БЕЛТА, дадаў сцёбу — і вось вам гатовы разухабісты каментар.

«Аднак тут паўстаюць пытанні прафесіяналізму і эфекту прысутнасці, — зазначыў у размове з аўтарам гэтых радкоў медыйны аналітык Паўлюк Быкоўскі. — Чалавек, які прысутнічае на мерапрыемстве, ведае не толькі змест выказвання, але і інтанацыю, і кантэкст. Калі журналіст піша выключна паводле паведамленняў іншых медыяў, карыстаецца, так бы мовіць, паўфабрыкатамі, то ён часта не ведае дакладна, што ж там насамрэч было». У якасці прыкладу суразмоўца прыводзіць скандальную прэс-канферэнцыю ізраільскага амбасадара Ёсефа Шагала ў лютым 2012 года, калі асобныя словы трактаваліся па-за кантэкстам і ў выніку іх сэнс значна скажаўся.

Быкоўскі кажа, што нават адсылаў аўдыязапіс той прэс-канферэнцыі ізраільскім калегам, якія хацелі да драбніц вывучыць сюжэт і мець адэкватнае ўражанне аб прамове пасла. Гэтаксама, кажа эксперт, тыя сапраўды прафесійныя журналісты, што мусяць працаваць з беларускай тэматыкай пераважна з-за мяжы, падчас прыездаў у краіну імкнуцца даведацца не столькі пра факты, колькі пра акалічнасці — «як гэта гучала, якімі плёткамі было абкручана, каб самім трапіць у кантэкст, каб разумець, чым гэта было прадыктавана».

Такім чынам, падстава нізкай якасці матэрыялаў часта — не кепскія чыноўнікі, а інертнасць, нежаданне лішні раз адарваць цела ад крэсла. Мой суразмоўца прыводзіць прыклад: маладая калега па тыднёвіку «Белорусы и рынок» паказала мэтрам, што звычайныя метадычныя звароты дазваляюць у многіх выпадках атрымліваць інфармацыю з розных установаў насуперак міфам пра іх непрыступнасць. Усё элементарна: стукайце, і вам адчыняць (ва ўсякім выпадку шанцы на гэта не прывідныя). Старэйшым жа газетчыкам часта замінае, па словах Быкоўскага, «досвед набітых гузакоў».

Іншым разам даходзіць да анекдатычных ляпаў, якія ў эпоху інтэрнэту тыражуюцца шалёна. Так, 11 сакавіка 2010 года з падачы АФН дзясяткі інтэрнэтрэсурсаў памылкова «накіравалі» Лукашэнку з візітам да Чавеса. Развянчаў псеўдасенсацыю БелаПАН: дастаткова было званка да кіраўніка прэзідэнцкай прэс-службы. Ну няўжо той не адказаў бы і агенцтву, што запусціла «качку»? Але ж пазваніць было, пэўна, у лом! Лукашэнка між тым сапраўды паляцеў у Венесуэлу праз некалькі дзён пасля «качкі».

Тоўстая кішка прэзідэнта і тонкая мяжа этыкі

Ёсць яшчэ і такое далікатнае паняцце, як таямніца асабістага і сямейнага жыцця. У нас і тут усё перакручана. З аднаго боку, абсалютна закрытым ёсць жыццё кіроўнай касты. Хаця паводле міжнароднай практыкі, публічныя асобы (у тым ліку палітыкі, дзяржаўныя дзеячы) мусяць быць болей адкрытыя, чым шараговы грамадзянін. Звесткі пра вынікі рэгулярнага медычнага абследавання амерыканскага прэзідэнта (якога змушаюць нават да каланаскапіі — праверкі тоўстай кішкі) цягам сутак абвяшчаюцца ўсёй нацыі. Але не пазайздросціш таму журналісту, які паставіць на мэце здабыць адпаведныя звесткі ў Беларусі!

З іншага боку, дзяржаўныя медыі нахабна ўлазяць, напрыклад, у прыватнае жыццё сваякоў апазіцыйных палітыкаў, здымаюць без дазволу, а то і скарыстоўваюць здымкі схаванай камерай (мяжа паміж працай такіх СМІ і спецслужбаў фактычна размылася).

Зрэшты, дзеля справядлівасці зазначу, што і калегам з недзяржаўных СМІ іншым разам нестае адчування этычнай мяжы. Ведаю выпадкі, калі сваякоў палітзняволеных «пісалі» без папярэджання і потым давалі ў эфір звесткі, якія не былі разлічаны на агалошванне ды балюча адбіваліся на становішчы палітвязняў.

Далікатным ёсць і пытанне пра здабычу інфы цераз нейкія нефармальныя сувязі з інсайдарамі — кшталту пасядзелак за «чаркай гарбаты». У амерыканскай журналістыцы, напрыклад, выкарыстоўваць сяброўкоў як крыніцу інфармацыі лічыцца парушэннем журналісцкай этыкі, падкрэслівае Паўлюк Быкоўскі. Ён жа звяртае ўвагу і на праблему злівання інфы так званымі кампетэнтнымі органамі. З аднаго боку, точыць спакуса завалодаць сенсацыйным эксклюзівам, з іншага — вас цераз прынаду непазбежна ўлучаюць у нейкі сцэнар маніпуляцыі.

Такім чынам, маралітэ простае, з двух пунктаў.

Першы пункт: насуперак міфам, і ў «апошняй дыктатуры Еўропы» можна здабываць багата інфы, у тым ліку і з дзяржаўных структур, за кошт элементарнага прафесіяналізму.

Другі пункт: у пагоні за сакрэтамі не ўлезьце ў — гм-гм… — шырокавядомую непрывабную субстанцыю. Сенсацыя з адпаведным амбрэ не ўпрыгожыць вашу творчую біяграфію.

Не верь, не бойся, не проси… во время допроса

Олег АГЕЕВ

Судя по количеству политически мотивированных уголовных дел, которые за последний год были возбуждены и рассмотрены в Беларуси, напрашивается вывод о том, что в стране началась «война», которую государство объявило гражданскому обществу.

Задействованы практически все имеющиеся в распоряжении государства институты: обслуживающие власти СМИ, следственные органы, суды, прокуратура…

А одним из самых применяемых механизмов является уголовный процесс.

Photo.bymedia.net

В 70-е годы минувшего века в СССР таким образом боролись с диссидентами, в 80-е в Польше волна репрессий накрыла участников профсоюзного движения «Солидарность». Как тогда, так и сейчас одним из основных способов ведения «боевых действий» является допрос гражданина в качестве свидетеля. Это самое распространенное следственное действие органы уголовного преследования применяют для давления на людей, занимающих активную гражданскую позицию.

В ходе допроса участниками противостояния оказываются, как правило, две стороны: следователь и гражданин (он же свидетель). Баланс сил в этом поединке чаще всего неравный, поскольку следователя обучали правилам этой игры, он знает особенности ведения допроса, различные хитрости и уловки, у него есть опыт. А человек, сидящий напротив, никогда не совершал преступлений и не имеет опыта дачи показаний. Его, попавшего в необычную ситуацию, преследует страх из-за незнания, чем эта «игра» может закончиться.

Не бойся

Чтобы побороть страхи, вам необходимо готовиться к допросу. Иногда даже в большей степени, чем следователю. Для вас самое главное — минимизировать лично для себя и для близких вам людей риск получить иной статус в политически мотивированном уголовном деле.

Следователь, как правило, вызывает человека на допрос повесткой, где должно быть указано: кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин. Вместе с тем следователю разрешается вызывать

на допрос, используя и другие средства коммуникации. Получив вызов, вы должны для себя решить, являться «в контору» или нет. На одной чаше весов находятся ваш гражданский долг и обязанность оказывать содействие государству и обществу в борьбе с преступностью. На другой — ваши сомнения, если есть основания предполагать, что вызов — только повод, чтобы оказать на вас как на активного гражданина давление. Плюс чувство самосохранения.

Если возможности не явиться на допрос у вас нет, значит, к нему надо основательно подготовиться. До встречи со следователем вы должны подумать о необходимости участия в следственном действии адвоката в качестве вашего представителя. Это право гарантировано статьей 62 Конституции Республики Беларусь, и только сам гражданин вправе решать, нужен ли ему адвокат на допросе. Это означает, что именно вам необходимо до явки на допрос заключить соглашение с адвокатом на представление ваших интересов в ходе допроса. Эта юридическая помощь является платной.

Накануне допроса запаситесь бумагой для записей и авторучкой.

Необходимо знать, что допрос — это следственное действие в форме беседы; порядок, условия проведения и оформления результатов допроса определяются уголовно-процессуальным кодексом (УПК).

Основная цель допроса — получение правдивой и по возможности полной информации об обстоятельствах, имеющих отношение к делу. При этом требуется либо получить новые, ранее не известные, сведения, касающиеся расследуемого события, либо подтвердить или опровергнуть уже имеющиеся, но не проверенные, которые пока не считаются достоверными.

Как и любое следственное действие (обыск, очная ставка и др.) допрос проводится после возбуждения уголовного дела. Это важно знать, поскольку протокол допроса является процессуальным документом лишь в случае возбуждения уголовного дела. До этого момента проводятся оперативно-розыскные мероприятия и сбор сведений в виде сообщений, заявлений, объяснений и т. п. Поэтому, прежде чем начать разговор с представителем правоохранительных органов, вежливо поинтересуйтесь, в чем, собственно, дело, в качестве кого вас вызвали, как называются ваш «разговор» и та «бумага», на которой что-то пишет ваш собеседник. Может, он зря тратит время...

До начала допроса следователь должен выяснить данные о личности свидетеля и его отношениях с подозреваемым или обвиняемым. Как правило, выясняется наличие либо отсутствие родственных связей между свидетелем и лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Также свидетелю в обязательном порядке должны сообщить, в качестве кого, по какому уголовному делу его будут допрашивать, а также разъяснить права и обязанности, предусмотренные УПК. Кроме того, свидетелю должны разъяснить требования Уголовного кодекса об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и заведомо ложные показания.

После этого, собственно, и начинается допрос.

В начале беседы следователь предлагает свидетелю рассказать все известное по расследуемому делу и выслушивает его. По ходу рассказа или после вам могут задавать уточняющие и дополнительные вопросы. Записанные в протокол пояснения, ответы на вопросы и составляют ваши показания.

ПЛОД

Для защиты свидетелей в ходе допроса от противоправных и незаконных действий сотрудников правоохранительных органов была разработана система ПЛОД. Эта аббревиатура обозначает некоторую систему фильтров, каждый из которых поможет при допросе не дать следователю нарушить ваши права, в итоге — вы получите возможность не навредить ни себе, ни людям, которые не совершали преступлений.

Однако не следует воспринимать систему защиты ПЛОД как догму, панацею, как полный «рецептурный» справочник. Жизнь сложна и многообразна, и поэтому невозможно дать рецепты на все случаи. Главное в общении с органами уголовного преследования — это сохранить чувство собственного достоинства, не впадать в панику и отчаяние, анализировать ситуацию и ДУМАТЬ.

Итак, в аббревиатуре каждая буква несет в себе следующие значения:

«П» — протокол;
«Л» — личное;
«О» — относящееся к делу;
«Д» — допустимое доказательство.

При допросе, когда наступит стадия вопросов следователя, все его посылы необходимо пропускать через указанную систему фильтров.

Фильтр «П» обозначает «протокол». При работе с этим фильтром необходимо помнить, что одним из основных требований, предъявляемых законом к протоколу, является его полнота. Также нужно иметь в виду, что УПК довольно четко и строго регламентирует порядок и правила составления протокола допроса. Об этих требованиях необходимо иметь представление, особенно о правах допрашиваемого при составлении протокола. Запомните: после свободного рассказа допрашиваемый вправе записать свои показания собственноручно. Ваши требования внести в протокол дополнения и уточнения подлежат обязательному исполнению.

На практике это означает, что протокол, являющийся источником доказательства, должен максимально соответствовать самой процедуре допроса. При этом предполагается, что ответственность за полноту и правильность протокола лежит как на следователе, составляющем этот протокол, так и на вас (свидетеле), который этот протокол подписывает. Из этого следует, что вы, исполняя свой гражданский долг, должны сделать все от вас зависящее, чтобы в протоколе, во-первых, ваши показания были отражены полно и достоверно и, во-вторых, чтобы сам ход допроса был правильно отражен.

Как этого добиться? Вот и пригодились те листы бумаги, которые вы благоразумно взяли с собой. Фактически это даст возможность вести свой дубликат протокола допроса. Т. е. все ходатайства или иные события, возникающие в ходе допроса, вы имеете право записывать на принесенной с собой бумаге и приобщать к протоколу. Это очень важное обстоятельство!

Например, если вы заявите перед началом допроса о желании пользоваться юридической помощью и об участии в ходе допроса адвоката, то, исходя из принципа полноты протокола, это ходатайство должно быть отражено в протоколе. Так гласит УПК. Однако что делать, если следователь отказывается допустить к участию в допросе адвоката, никак не мотивируя свой отказ, а также не хочет делать отметку в протоколе об отклонении ходатайства свидетеля? Если это происходит, то вы имеете право изложить свое ходатайство отдельно, т. е. написать его на листке бумаги и присвоить этому документу статус приложения к протоколу допроса с обязательной отметкой об этом в самом протоколе.

Photo.bymedia.net

Рукописные записи помогут вам избежать необдуманных и поспешных ответов на «сложные» вопросы. Саму процедуру вопросов-ответов рекомендуется проводить в следующем порядке.

- Следователь задает вопрос, который обязательно должен быть занесен в протокол допроса в соответствии с принципами полноты протокола.
- Свидетель тоже записывает вопрос следователя в свой дубликат протокола допроса. Пока это происходит, у свидетеля появляется уникальная возможность обдумать, не нарушает ли следователь закон, задавая этот вопрос, и обязан ли свидетель отвечать на него.
- После записи вопроса следователя свидетель записывает в дубликат протокола допроса свой точный ответ, дословно его формулируя. Это дает возможность избежать неточностей и ошибок при допросе.
- Свидетель зачитывает вслух свой ответ на поставленный вопрос и следит за тем, чтобы следователь именно в такой формулировке записал ответ в протоколе допроса.

Все вышесказанное основано на праве свидетеля в ходе допроса собственноручно записывать свои показания и пользоваться этими записями. Именно такая последовательность действий не позволяет следователю нарушить закон, а у свидетеля меньше шансов навредить себе или другим гражданам необдуманными словами, занесенными в протокол (источник доказательств), под которыми будет стоять его подпись.

Можно попытаться потребовать у следователя дать вам возможность вносить ответы в протокол собственноручно. Действующее законодательство это предусматривает, и хотя шансы на такой порядок составления протокола невелики, попытаться настоять на этом нужно.

Если в допросе участвуют, т. е. задают вопросы или иным образом помогают следователю, другие лица, необходимо попросить их представиться и показать документы, удостоверяющие личность. После этого заявить ходатайство о внесении в протокол допроса этих «участников» следственного действия. При этом они также должны подписать протокол после окончания допроса.

Перед подписанием внимательно прочитайте протокол, составленный следователем, сверьте его со своим дубликатом протокола и убедитесь, что показания точно и полно отражены в нем. Также

в протоколе должны быть указаны место, дата, время допроса и фамилия следователя, проводившего допрос.

В случае несоответствия протокола, составленного следователем, фактическому ходу допроса или ответам, которые вы давали, требуйте внести все исправления и ваши замечания. Эти требования подлежат обязательному исполнению. Только после этого подписывайте каждую страницу протокола, ставьте свою подпись и удостоверительную надпись на последнем листе. Но перед этим все свои замечания, если они имели место, обязательно внесите в оригинал протокола. Для замечаний можно использовать собственные листы бумаги с отметкой об этом в самом протоколе.

Фильтр «Л» в системе защиты ПЛОД обозначает право свидетеля не отвечать на вопросы, касающиеся лично его.

В соответствии с Конституцией и УПК свидетель имеет право не свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников. Под членами семьи в данном случае понимаются все лица, проживающие совместно со свидетелем и ведущие с ним общее хозяйство. А вот к близким родственникам относятся родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки, а также супруг допрашиваемого лица.

Это значит, что если свидетель решит не отвечать на вопрос следователя, касающийся лично его, то он имеет на это полное право. На такой вопрос следователя в протоколе допроса необходимо указать примерно следующее: «Желаю воспользоваться своим правом не свидетельствовать против себя и отвечать на данный вопрос отказываюсь, поскольку ответ на него может мне навредить». Причем свидетель вовсе не обязан объяснять следователю, чем именно ответ может ему навредить. Достаточно просто об этом заявить, поскольку никто, кроме самого свидетеля, не может оценить, имеется данный риск или нет.

Надо отметить, что отказ от ответа на вопрос, который зачастую ставит свидетеля в положение подозреваемого, нередко психологически труден, особенно в щекотливых ситуациях, когда это можно расценить как трусость. Но никакой трусости в этом нет! Это разумный подход к своим правам в сложной ситуации. И не более.

Фильтр «О» — относящееся к делу. Мы ведь помним, что перед началом допроса следователь обязан поставить свидетеля в известность, в рамках какого уголовного дела будет производиться данное процессуальное действие. Т. е. свидетель представляет, какие обстоятельства должны выясняться следователем в рамках данного допроса.

Например, если вас вызвали на допрос по уголовному делу о хищении автомобильных колес у вашего соседа, а следователь начинает спрашивать о том, кто и чем занимался в районе площади Независимости в Минске 19 декабря 2010 года, то очень уместно будет заявить ходатайство о том, чтобы вам разъяснили, какое отношение имеет этот вопрос к данному уголовному делу.

Понятно, что и само ваше ходатайство-вопрос, и ответ на него следователя должны быть отражены в протоколе допроса с учетом требований о полноте протокола. После этого, как показывает практика, следователь прекращает задавать вопросы, не относящиеся непосредственно к делу.

Фильтр «Д» расшифровывается как «допустимость доказательств». Эта буква аббревиатуры ПЛОД базируется на требованиях УПК, предъявляемых к доказательствам, к которым относятся и протокол допроса свидетеля, и сами свидетельские показания, отраженные в нем. Пожалуй, самым важным требованием является обязанность следователя добывать доказательства исключительно законными способами. Ведь доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют законной силы.

Применительно к процедуре допроса в УПК закреплен прямой запрет задавать наводящие вопросы. Отличие допустимого в процессуальном отношении вопроса от наводящего состоит не в том, что в последнем имеется подсказывающая информация, а в правомерном вопросе ее нет. А в том, что содержащаяся в наводящем вопросе информация (как словесная, так и несловесная: мимика, жесты, эмоционально-интонационный подтекст) внушает, наводит, подсказывает определенный ответ. Наводящий вопрос не только содержанием, но еще и формулировкой может побуждать, ориентировать на подтверждение определенной информации. И ответ на него по имеющимся в нем фактическим сведениям полностью соответствует содержанию вопроса, не выходит за его рамки, не дает новой, дополнительной, ценной в доказательственном отношении информации, кроме как почерпнутой из заданного вопроса.

Ответы свидетеля на наводящие вопросы следователя не имеют законной силы.

Классический пример наводящего вопроса: «Вы были на конференции, проходившей 15 октября 2011 года в городе Энске в помещении Дворца культуры железнодорожников?» Если даже предположить, что вы решили отвечать на него, несмотря на фильтр «личное», то в вопросе уже утверждается, что: 1) некая конференция проходила; 2) 15 октября 2011 года; 3) во Дворце культуры железнодорожников; 4) города Энска, а следователя интересует только, были ли вы на ней. Даже однозначный ответ на данный вопрос «нет» в протоколе допроса может означать, что вы знали о месте и времени конференции, соответственно, отвечая на вопрос, заданный с нарушением закона, вы уже навредили себе и дали следователю возможность задавать вам вопросы об этой конференции.

Поэтому, если даже очень отдаленно покажется, что вопрос следователя может считаться наводящим, вам необходимо указать на это в ходе допроса. Возможно, записать в протоколе допроса вместо ответа следующее: «Считаю, что данный вопрос является наводящим и прошу его переформулировать». Это поможет вам как свидетелю не оказывать следствию содействия в фальсификации доказательств, основанных на ответах на запрещенные законом наводящие вопросы.

Таким образом, работая с системой защиты ПЛОД, внимательно анализируя каждый вопрос следователя и пропуская его через каждый фильтр, вы сможете не навредить ни себе, ни другим лицам, которые не совершали преступлений.

Помимо данной системы необходимо еще учитывать и аспекты психологического контакта, который происходит в ходе допроса между свидетелем и следователем.

Стратегическую линию поведения на допросе (чистосердечные показания, отказ от ответов на ряд вопросов, лавирование) свидетель выбирает сам, исходя из сути расследуемого события, степени своего участия в деле, своего реального положения. Отказы от ответа на каждый отдельный вопрос со ссылкой на различные причины, предусмотренные системой ПЛОД, требование вести допрос по-белорусски, ответы не по существу задаваемых вопросов, запись в протоколе процессуальных нарушений и т. п. приводят к конфликту со следователем. Но такие действия целесообразны, если последствия показаний могут быть тяжелее, чем последствия конфликта.

Общее же правило таково: не надо торопиться с ответом, не следует много болтать, и не стоит идти без необходимости на конфликт. Ведь можно сказать: «Я точно не знаю», а можно: «Ничего я тебе не скажу!» Результат таких ответов одинаков, а возможные последствия для свидетеля разные.

Не надо пытаться переиграть следователя. Ваша задача — не проиграть самому и не «подставить» товарищей и коллег. Не надо лгать! Лучше не сказать правду, чем сказать неправду.

Тройка, семерка, туз...

У свидетеля на руках всегда должны быть, как минимум, пять «козырей».

1-й — уверенность свидетеля в том, что он не совершал преступлений. Он не виноват. И, поскольку он — свидетель, его никто не привлекает в качестве подозреваемого или обвиняемого. Свидетелю нечего стыдиться и нечего бояться. Виноват не он, а тот, кто его деятельность хочет представить криминальной и сам нарушает закон.

2-й — элементарные знания своих прав и юридических процедур. Для этого не нужно иметь юридическое образование. Просто перед походом к следователю можно посмотреть несколько статей УПК в части порядка проведения допроса, собственных прав и обязанностей. Это позволит вежливо апеллировать к нормам и статьям законов, что дисциплинирует собеседника и поможет ему избежать «случайных» нарушений ваших прав.

3-й (самый важный!) — здравый рассудок. Ведь, оставаясь самим собой, человек сохраняет устойчивость. Умный и честный, притворяясь дураком или начиная лгать, теряет устойчивость. Необходимо быть спокойным, вежливым, рассудительным и немногословным. Если в ходе допроса свидетель почувствует ухудшение состояния своего здоровья, то не надо этого скрывать, ведь закон допускает перерывы и даже приостановление допроса.

4-й — готовность к несправедливому и неправовому отношению к вам. Ведь, если «вдруг, иногда, кое-где, порой» законы нарушаются, лучше, чтобы это не было для вас неожиданным. На хамство, брань, угрозы не надо реагировать как на опасность. Это «стиль работы» и «тактические приемчики» отдельных следователей. Поэтому при нарушении процессуальных норм вы имеете право:

а) указать на нарушения следователю;

б) отметить это обстоятельство в протоколе;

в) после допроса подать жалобу надзирающему прокурору или начальнику следственного подразделения;

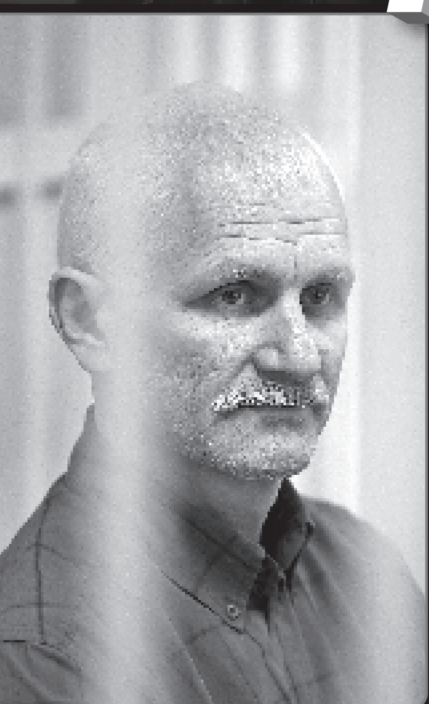
г) вымыть уши...

При попытках физического воздействия (что на следствии бывает крайне редко, скорее, это просто угрозы) необходимо шуметь, кричать, притворяться гипертоником, сердечником, требовать нитроглицерин и т. д. В крайнем случае — перетерпеть, но ни при каких обстоятельствах не оказывать физического сопротивления! Потом — в обязательном порядке (!) — обжаловать такие действия следователя.

5-й козырь — знание основного правила взаимоотношений человека и представителя наших «правоохранительных» органов: никому НЕ ВЕРЬ, ничего НЕ БОЙСЯ, ни у кого ничего НЕ ПРОСИ. Следуйте этому триединому правилу, ведь оно проверено временем, и у вас все получится: вы сохраните достоинство и уважение к самому себе.

БАЖава справа

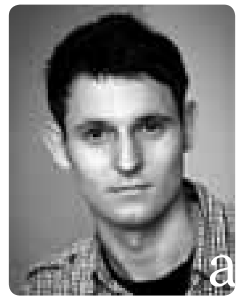

Телекартинка в стране без света и цвета

Олег РОЖКОВ

Кажется, профессия твоя самая обычная – журналист. Каждый день ты собираешь информацию и готовишь новостные сообщения. Но, к сожалению, информация далеко не всегда лежит на поверхности, и достать ее бывает очень не просто, потому что нет у нас «волшебной палочки», которая открывала бы для тебя все двери и защищала от хамства и произвола.

Собирать информацию тележурналистам труднее — она требует визуализации, что не всегда нужно газетчикам или радиожурналистам. В телесюжете без картинки не обойтись, и единственный способ ее получить — попасть в самый центр событий. Поговорить с очевидцами, снять на камеру комментарий героев и экспертов.

Есть, конечно, и у телевизионщиков свои хитрости: с помощью только монтажа из старых архивных записей можно собрать самую актуальную историю. Под видеоряд прочитают текст журналиста, и зритель будет уверен, что не только слышит, но и видит события сегодняшнего дня. Не заметит даже, что в кадре на каком-нибудь известном здании лежит снег, хотя на улице май.

К сожалению, а скорее, к счастью, не все и не всегда можно найти в архиве. На то они и новости — должно быть что-то новое, оперативное, единственное и уникальное, чего еще никогда не было, что случается редко. Еще один вид информации, который нужен изо дня в день, — комментарий. Один из самых важных и самых сложных жанров на телевидении. Журналисту необходимо быть готовым к разговору «на тему», а интервьюируемому — перебороть страх перед камерой. Людей, которые чаще всего появляются в новостях, условно можно поделить на три группы: медиаперсоны, обыватели и чиновники.

Медиаперсоны — это эксперты, которые постоянно комментируют какие-либо события и процессы. Это политологи, экономисты, юристы, экологи — специалисты в своей области. А также те, кто событие создает вокруг себя: звезды шоу-бизнеса, спортсмены, политики, блогеры, люди искусства, активисты партий и движений. В группу обывателей попадают люди, которые оказались в ленте новостей случайно, — герои необычных жизненных ситуаций или происшествий, свидетели важного события или просто опрошенные на улице. Последняя группа — чиновники. Тут все понятно: правящая верхушка, служащие госаппарата и руководители всех уровней.

Медиаперсоны

С этой группой работать, как правило, одно удовольствие. Они привыкли к общению с журналистами, свободно держатся перед камерой и, что важно, знают, о чем говорят. Единственной проблемой может стать чрезмерное красноречие. Бывает, собеседник так увлекается деталями, что остановить его невозможно. Ответ, который в идеале эфирных рамок должен занимать около 10–15 секунд, растягивается на половину кассеты. В таких случаях журналист договаривается с оператором о тайных жестах: когда писать, а когда стоит поберечь пленку.

Обыватели

Самое сложное — работа со случайными людьми. Некоторые из них просто панически боятся говорить на камеру. В Беларуси это просто какая-то закомплексованность. Если в Италии на журналиста с микрофоном прохожие сами охотно слетаются, то у нас — шарахаются в сторону. Увидев человека с телекамерой, переходят на другую сторону улицы или делают вид, что разговаривают по телефону. Или, ускоряя шаг, на ходу бросают: «У меня слишком мало времени».

Бывает, очевидец, который минуту назад свободно с тобой разговаривал, при виде телекамеры и двух слов связать не может. В таких случаях помимо банального «установите контакт с человеком» помогает прием — «с выключенной камерой». Если вы понимаете, что собраться с мыслями собеседнику мешает только включенная камера, можно предложить ему прорепетировать без записи. Оператор же в это время незаметно нажимает кнопку REC. При этом обязательно делает вид, что камера не работает, а он — вообще не оператор: демонстративно закрывает видоискатель или отходит на перекур. Почти всегда после такого маленького спектакля человек начинает говорить свободнее, а уже после «репетиции» ему сообщают, что на самом деле запись состоялась. Обычно человек вздыхает с облегчением.

Чиновники

Самая сложная для коммуникации группа — это чиновники. На контакт с журналистами они охотно идут только тогда, когда им это надо, и только с теми, кому можно «подсказать», как именно должен выглядеть материал. Если вы работаете в независимом СМИ, скорее всего, времени на встречу с вами они вовсе не найдут. Поэтому мне и моим коллегам приходится прибегать к разным уловкам, чтобы получить официальный комментарий.

В регионах и маленьких городах срабатывает эффект неожиданности. Оператор заранее готовит технику, журналист — микрофон и удостоверение. С этим арсеналом команда входит в кабинет чиновника. И тут — два варианта. Или он, смутившись, начнет отвечать на ваши вопросы, или начнет вас выгонять. Любой из этих вариантов пригодится для сюжета.

Однако такой метод не срабатывает в столице. В Минске при подобном штурме кабинета чиновники вызывают охрану или вовсе милицию. Последствия могут быть разные, самое малое — стирают запись, хуже, когда вас задерживают «для выяснения обстоятельств». Поэтому независимые столичные журналисты все чаще задают вопросы чиновникам не в их кабинетах, а в публичных местах.

Вариант первый — пресс-конференции и круглые столы. Одна моя коллега готовит для таких мероприятий целый список вопросов, и не только на заявленную тему. Второстепенные вопросы тоже могут пригодиться для будущего сюжета.

Второй вариант — общественные мероприятия: открытие памятников, выставок, приемы в посольствах, презентации, праздничные или трагические события. Например, не так давно мне с напарницей удалось записать мэра Минска Николая Ладутько, когда тот пришел почтить память погибшего хоккеиста Руслана Салея.

Есть еще один вариант для тех случаев, когда комментарий ну просто необходим, а «выловить» человека не представляется возможным. Это запись телефонного разговора. Находясь в своем кабинете и не видя собеседника, люди чувствуют себя более уверенно, защищенно и чаще идут на контакт. Тут главное, как говорится, — уболтать. Поэтому сразу же после того, как представился, я начинаю вводить собеседника в тему материала. Потом убеждаю, что никто, кроме него, не может дать компетентного комментария по теме. Затем, все еще не давая ему и слова сказать, оглашаю список вопросов, на которые он может помочь мне найти ответы, или прошу подсказать кого-нибудь из его коллег, кто бы так же хорошо разбирался в данной проблеме.

После такого информационного вливания собеседник уже и не помнит, как вас зовут и какое СМИ вы представляете. Думает он только о том, что бы вам ответить или на кого бы вас перенаправить, чтобы побыстрее распрощаться. Причем, если он даст контакт кого-то из своих сотрудников, это еще и лучше. Тогда можно смело начинать разговор: «Ваш телефон мне дал Иван Иванович Пупкин, рекомендовал Вас как лучшего эксперта в этой области…»

Работа в публичных местах

Еще одна особенность работы тележурналистов в нашей стране заключается в том, что неприятности могут возникнуть на ровном месте. Сотрудники правоохранительных органов, увидев телекамеру, ну просто не могут пройти мимо. За четыре года много раз мне пытались запретить снимать в парках, около рынков, поликлиник, судов, исполкомов, вокзалов и просто на улице. Причины «радуют» своей «оригинальностью». Например, дворец Румянцевых и Паскевичей в гомельском парке вдруг стал «стратегическим охраняемым объектом», магазин на улице, где я опрашивал людей, был ограблен парнем с похожим штативом (до сих пор не могу понять, зачем штатив при ограблении), здание больницы запретил снимать главный врач и т. д. Но самый частый повод для придирок — это требование предъявить мифическое разрешение на съемку. Причем милиционеры часто сами не знают, кто его выдает и как оно должно выглядеть. Как-то я снимал флешмоб недалеко от Гомельского центрального рынка. Ко мне подошли патрульные и попросили это самое разрешение. Спустя 15 минут бурной беседы мне пояснили, что его выдают в облисполкоме, правда, не сказали, кто. Еще через полчаса я сидел в опорном пункте милиции, где меня пытались в чем-нибудь уличить. Ничего не придумав, изъяли удостоверение журналиста для проверки на подлинность. На следующий день шутки ради я позвонил в облисполком и попытался узнать, можно ли у них получить разрешение на съемку. Но мне ответили, что таких «услуг» они не предоставляют. Коллеги говорят, что в таких случаях иногда помогают распечатанные выдержки из Закона о СМИ и Конституции Республики Беларусь.

Работа на судах

В судах каждый раз все по-разному. Во время слушания «громких» дел фотографам и операторам часто разрешают сделать «протокольные снимки» в зале заседания еще до момента прихода судьи. Но бывали случаи, когда всех с видео- и фототехникой не пускали даже во двор суда. Чтобы записать комментарий участников процесса и юристов, приходилось выходить с ними на улицу. Несколько раз в суде Центрального района Минска журналистов не пускали в зал заседания люди в штатском. Оба раза я ходил добиваться соблюдения закона к председателю суда. Первый раз всех журналистов пустили и разрешили снимать почти весь процесс. Во второй раз тот же председатель (!) сказал, что люди в штатском никакого отношения к работникам суда не имеют и разбираться с ними мы должны сами.

Работа во время акций

Работа на митингах, шествиях и других гражданских акциях в регионах и Минске — это практически две параллельные реальности. Когда я работал в Гомеле, возникло ощущение, что постоянные задержания независимых журналистов в порядке вещей, так сказать, издержки профессии. Сотрудники правоохранительных органов, видимо, в порыве «защиты» чьих-то прав постоянно не давали снимать на камеру активные действия участников акции. Закрывали рукой объектив, полчаса проверяли документы или вовсе предлагали «проследовать». Со мной случилась довольно показательная история. Около Гомельского облисполкома митинговали предприниматели, которым в очередной раз подняли налоги. Из всех присутствующих (не менее ста человек) задержали только меня. Потому что я был с телекамерой. При задержании сотрудники ОМОНа повредили мне позвоночник. Люди в штатском в здании РУВД отобрали кассету. А следователь, полистав с полчаса Уголовный кодекс, сказал, что я могу быть свободен. После, отвечая на мою жалобу, прокуратура пояснила, что силовики «действовали в рамках закона».

Еще один замечательный случай произошел в День белорусского языка. Местные активисты решили возложить цветы к памятнику Кирилла Туровского. Всех участников акции задержали около памятника. Нас, двоих журналистов, меня и Диму Кармазина, остановили в трех кварталах от памятника. Привезли в милицию, обвинили в участии в несанкционированном митинге, а потом судили. Наличие удостоверения журналиста, задержание далеко от места, где проводилась акция, отсутствие атрибутов участников акции (заклеенные рты и гвоздики красного и белого цвета) — все это не смутило судью. Все обжалования вплоть до Верховного суда ни к чему не привели. С тех пор во время гражданских акций в Гомеле я работал предельно осторожно.

Первый опыт работы в Минске меня удивил. Это были «вечера аплодисментов». В начале проведения таких акций еще никого не задерживали. Потом хлопающих стали забрасывать в автобусы, но журналистов по-прежнему не трогали. Тогда я подумал, что в Минске журналисты работают в более мягких условиях. В день, когда стало известно, что президент не помиловал обвиненных в терроризме Ковалева и Коновалова, небезразличные люди приносили цветы ко входу на станцию метро «Октябрьская». Как только возложившие гвоздики отходили от журналистов, люди в штатском их хватали и тащили в микроавтобус. Две девушки это заметили и остались с прессой до конца акции. Их так и не тронули. Эта ситуация напомнила мне абсолютно противоположную, когда в Гомеле я пытался затеряться между бастующими предпринимателями, чтобы избежать задержания.

Конечно, и в Минске не мало случаев, когда целенаправленно задерживали журналистов, но, к счастью, это больше исключение, чем правило. Хотя закрывают объектив руками, выбивают технику из рук и «случайно» задевают ноги операторов повсеместно. Поэтому оптимальный вариант — работать в паре. Когда оператор снимает картинку, а журналист прикрывает ему спину, страхует и следит за происходящим.

Когда-то мне казалось, что все проблемы с доступом к информации может решить удостоверение с надписью «PRESS» и именно оно является той волшебной палочкой, о которой я говорил в начале. Ведь каждый, кому не лень, спрашивал у меня о наличии документа.

Один матерый журналист рассказал, что уже и не помнит, когда последний раз доставал удостоверение. В тот раз я ему до конца не поверил. А теперь понимаю: когда четко знаешь, что имеешь право на сбор информации, что для тебя это — не только право, но еще и профессиональная обязанность, когда помнишь о том, что закон нарушаешь не ты, а тот, кто тебе мешает выполнять твою работу, эта мысль дает больше уверенности и силы, чем беджик с надписью «PRESS».

Фото Юлии Дорошкевич

bbc.co.uk/russian/

Правление фонда «Образованные медиа» (бывший «Интерньюс») было вынуждено закрыть тренинговый центр, который был крупнейшей школой тележурналистики в России. Директору фонда Манане Асламазян пришлось уехать из России. Пять лет назад деятельность «Интерньюс» была парализована после обысков — сотрудники Департамента экономической безопасности МВД изъяли из офиса документы и серверы.

Манане Асламазян заочно предъявили обвинение в провозе валюты сверх разрешенной нормы, и директор фонда была объявлена в международный розыск. Позже уголовное дело прекратили, Асламазян полностью оправдали, однако центр по обучению журналистов фактически прекратил свое существование.

О том, чего добивалась власть действиями в отношении «Интерньюс», о настоящем и будущем российского телевидения с Мананой Асламазян беседовала Оксана Вождаева.

Манана Асламазян:

«Быть свободным и ответственным — для меня в журналистике это вещи неразделимые»

Би-би-си: Манана, расскажите, чем Вы сейчас занимаетесь.

М. А.: Я по-прежнему пытаюсь развивать медиа — то, чем я занималась последние 20 лет своей жизни. Но делаю это сейчас в Армении, на своей родине. Единственное отличие — сейчас мы занимаемся не традиционным телевидением, а новыми медиа. СМИ в мире стремительно меняются, сейчас так много способов донести до аудитории свою информацию. Я занимаюсь проектами, которые реализует в Армении Internews Network, американская организация, в партнерстве с местными организациями, такими как «Ереванский пресс-клуб», фонд «Евразия», «Интерньюс Армения» и многими другими. Я приехала в Армению полтора года назад из Европы, где почти три с половиной года была директором Internews Europe. Это была очень интересная, но тяжелая работа. Мне казалось, что мне не хватает знаний о международной ситуации, поэтому, когда возник проект в Армении, я решила, что мне интересней на родине, где я не жила больше 40 лет. Я по-прежнему остаюсь в правлении Internews Europe, часто туда езжу.

Би-би-си: После тех событий пятилетней давности Вы бывали в России?

М. А.: Да, конечно, и не один раз. Я не приезжала в страну около двух лет, потому что мы пытались в судах доказать мою невиновность. Я хотела добиться положительного решения суда, чтобы иметь гарантию того, что никаких неприятностей не будет.

И когда через год после той пресловутой выемки документов, которая произошла пять лет назад, Конституционный суд [России] меня полностью оправдал, когда мне вернули деньги, я стала приезжать. У меня тут семья, я — российская гражданка, кроме российского паспорта, никакого другого не имею и не собираюсь получать. В Россию я приезжала неоднократно и собираюсь приезжать еще. У меня там любимый внук, сын, я каждые два месяца пытаюсь хотя бы на несколько дней вырваться на выходные.

Би-би-си: Почему Вы в то время решили уехать, а не добиваться признания невиновности в России?

М. А.: Я уезжала буквально на несколько дней, фактически без вещей, потому что адвокатам все время давали понять, что меня могут арестовать. Мне казалось, что этот абсурд вот-вот закончится. Но время шло... Даже уехав, я продолжала участвовать в обсуждении того, что будет дальше с

«Интерньюс» (решение о закрытии ведь приняли не следственные органы, а мы сами, т. е. правление фонда). Мы это очень долго и подробно обсуждали.

Продолжать деятельность было невозможно, потому что все серверы и вообще все средства связи с теми, для кого мы работали, у нас были изъяты. Мы понимали одно: даже если мы докажем свою правоту — а мы были уверены, что докажем, — мы поставим телекомпании и журналистов, которые у нас учились, в неприятную ситуацию выбора: страшно или не страшно поехать в «Интерньюс», страшно или не страшно участвовать в наших программах. Зачем же ставить людей в такое неприятное положение?

Правление приняло это трудное решение, и мы закрылись в полном соответствии с законом. Передали имущество разным российским общественным организациям, уволили всех сотрудников. У нас, кстати, остались переплаченные в бюджет налоги, которые обратно мы не получили, конечно, — некому было уже получать.

В общем, это было наше решение. Может быть, ошибочное. Я часто задаю себе этот вопрос и не нахожу правильного ответа. Но тогда надо было решать, люди ходили на работу и не понимали, что нужно делать. Им надо было получать зарплату, кормить семьи, а наша деятельность была приостановлена. На всех это действовало угнетающе.

Би-би-си: Как Вы сейчас оцениваете то, что случилось с «Интерньюс»?

М. А.: Мне кажется, это было таким показательным примером. Мы были крупными, известными, существовали много лет — в этом году нам бы исполнилось 20 лет. Это был показательный пример для других, чтобы неповадно было.

Иностранное финансирование раздражает власть, мы же все эти годы получали деньги из самых разных источников: американских, европейских, российских... Причем и из частных, и из государственных. В том числе и из российских государственных. Тем не менее в глазах многих мы были организацией, финансируемой из Штатов, потому что первые гранты были американскими.

И то, что через несколько лет после того, как мы получили эти гранты, мы научились находить разные средства, сами зарабатывали, оказывая услуги, производя телепрограммы, — это уже никого не волновало.

Сейчас многие критикуют общественные организации за то, что они получают гранты. Но мне кажется, дело не в грантах. Дело в том, что в обществе укореняется представление о том, что эти гранты служат инструментом пропаганды чуждых для России идей. И любая попытка критики воспринимается как отсутствие патриотизма.

Би-би-си: Дело только в финансировании?

М. А.: Ну, может, еще и в том, что то, чему мы учили, — ответственная, свободная, неангажированная журналистика — становилось все менее востребованным в стране. И еще в том, что мы стали каким-то центром для журналистов из провинции.

Мы же действительно строили дом, и несколько десятков тысяч человек в этом доме побывали. Это был такой центр притяжения для регионалов. У нас был лозунг: «“Интерньюс” — это дом для каждого, кто работает в региональных СМИ».

Даже если вы приезжали в Москву не на учебу, вы могли оставить у нас чемодан, выпить кофе, переночевать на диване. У нас действительно были одеяла, подушки для тех, кто не смог найти гостиницу или у кого не хватило денег. Люди жили на наших диванах. Это был такой открытый дом, 24 часа в сутки, 365 дней в году. И мы были действительно рады всем.

Би-би-си: Как по-Вашему, власти добились, чего хотели?

М. А.: Думаю, в какой-то степени — не в связи с закрытием «Интерньюс» — ситуация изменилась. Этому есть много причин, прежде всего, изменение политической ситуации в стране. Когда строилась «вертикаль», появились «наши» и «не наши». Этому, безусловно, способствовали изменение рынка и то, что на региональных рынках трудно поддерживать финансовую независимость, которая дает изданиям политическую, редакционную свободу. Все меньше и меньше региональных станций, которые существуют независимо, самостоятельно, свободно.

Сказалось и развитие больших сетей, которые скупали региональные станции. Многие региональные медиаменеджеры, которые начинали в 90-х, надеясь изменить мир, исправить недостатки и создать свое сильное средство массовой информации, с годами, разбогатев, поняли, что проще продать свое СМИ какой-нибудь сети — меньше головной боли, меньше политических скандалов с губернатором, мэром и другими товарищами.

Количество менеджеров, ушедших в другой бизнес, крайне велико, и мне от этого очень грустно, потому что фантастические ведь ребята создавали в начале 90-х телевидение в России! Без копейки денег, на двух магнитофонах, в каких-то подвалах, пиратствуя... Но они строили-строили, и многие построили довольно мощные компании, которые уже можно было дорого продать. И этот юношеский задор («мы можем перевернуть мир!») куда-то исчез.

К счастью, сейчас пришли другие ребята, которым уже не нужны магнитофоны, подвалы, большое количество сотрудников, для того чтобы

сказать обществу то, что им хочется сказать. Поэтому все, что происходит с новыми медиа, когда можно за копейку снять себя на телефон и вдруг оказаться популярным через два дня по всей стране, — это сильно меняет структуру получения информации. Время изменилось: да, ушли одни, но пришли другие. Главное, чтобы этим другим было что сказать. Вот это мне кажется сейчас основной проблемой общества.

Би-би-си: Как Вы следите за событиями в России: что читаете, смотрите, слушаете?

М. А.: Я все свободное время, безусловно, отдаю просмотру и прочтению российской информации. Даже находясь в Армении, я головой и сердцем, интересами все равно в России. Все российские каналы смотрю через интернет, у меня на компьютере создается собственный канал с собственным расписанием, куда я включаю, что хочу.

Конечно, я с теми, кто на Болотной и Сахарова, потому что поддерживаю желание среднего российского класса жить в другом обществе, где нам не врут и где нашим мнением не пытаются манипулировать. С этой точки зрения, конечно, у меня главные источники информации — телеканал «Дождь», конечно, «Эхо Москвы», Gazeta.ru, «Новая газета», Slon.ru. Но кроме этого, должна сказать, довольно много смотрю развлекательные передачи Первого канала — как бы меня за это ни ругали — мне кажется, там появилась новая природа юмора.

Читаю «Коммерсантъ», другие газеты, журналы. И Facebook, конечно, который не даст возможности что-то пропустить — у кого-то из моих полутора тысяч друзей обязательно будет выложен интересный материал.

Би-би-си: Вы заметили какие-то изменения на российских федеральных каналах за эти пять лет?

М. А.: За последний год ситуация поляризовалась. Я пропустила три года, когда жила во Франции, и, переехав в Ереван, обнаружила, что количество криминальных сериалов и программ, где стреляют, вешают, крадут, пытают, фантастически увеличилось. Просто удивительно, как много таких сериалов, судебных программ, связанных с разнообразными детективами! Такое ощущение, что в стране всех берут в заложники, у всех крадут деньги и т. п. Гораздо больше стало этого «душат-режут-давят-травят».

Что касается информационного вещания, оно стало более современным, более оперативным, больше инфографики, студии роскошные... Но суть и содержание не изменились. Правда, события на Болотной и Сахарова внесли оживление в привычный набор сюжетов. И кстати, стало понятно, что, когда весь интернет гудит по тому или иному поводу, замалчивать, не показывать событие уже просто неприлично.

Очень интересную и грустную картину представляет поведение больших каналов в связи с выборами.

Би-би-си: Эти оппозиционные митинги обострили разговоры о контроле над главными российскими каналами. Как Вам кажется, есть цензура или нет? Или — есть и такое мнение — это самоцензура журналистов, а на самом деле никто им не мешает работать свободно и профессионально?

М. А.: Мне кажется, вторая точка зрения про самоцензуру гораздо ближе к действительности. Это даже не самоцензура. Я бы назвала это правилами игры, которые диктуются владельцами и которые хорошо понимают менеджеры. И в этом смысле структура владения СМИ тоже имеет очень большое значение.

Ты идешь работать на тот или иной канал и уже знаешь, как себя вести. Даже не надо каждое слово контролировать. И отдельные «городские сумасшедшие», которые пытаются идти против течения, какое-то время еще могут сопротивляться, но, как правило, уходят с канала. Эти неписаные правила воспринимаются как норма и самой аудиторией, обществом — вот это мне не нравится гораздо больше.

Я еще могу понять журналиста, если у него дети, их надо кормить, и, может, он и думает по-другому, но продолжает делать то, что ему сказано. А то, что общество так спокойно реагирует на это, — к этому я отношусь с большим пессимизмом.

Би-би-си: В России собираются создать общественное ТВ — президент подписал указ о начале общественного вещания с января 2013 года. Что Вы об этом думаете?

М. А.: Конечно, я за этой ситуацией слежу. То, что произошло, когда был подписан указ, который не соответствует всем трем общепризнанным атрибутам общественного телевидения — программная политика, независимость руководства от государственных органов, система финансирования, — очень огорчило.

Во-первых, огорчило, что это — указ, а не закон. Любой указ можно сегодня принять, а завтра отменить. Я, честно говоря, ждала закона, где были бы прописаны четкие условия существования общественного телевидения. Это было бы гораздо более перспективным, внушало бы больше доверия.

Во-вторых, конечно, сейчас, при наличии такого количества каналов и развитии новых медиа, многие вообще ставят под сомнение необходимость наличия общественного телевидения. Если бы я, что называется, была министром, я бы попыталась изменить государственное телевидение, ВГТРК, и превратить его в общественное. Но, к сожалению, я понимаю, что это невозможно.

Даже если сейчас назначить руководителями очень хороших людей, даже если бюджет будет больше, чем сейчас, даже если это будет новый канал... Я понимаю, что в том состоянии, в котором находится сегодня российское общество, все равно все будут недовольны, все будут ждать чего-то другого от общественного ТВ, каждый будет хотеть чего-то такого, чего ему недостает на существующем коммерческом телевидении.

В общем, я не завидую тем людям, которые начнут вещать в январе 2013 года. Как за 8 месяцев можно найти людей, придумать такие программы, которые действительно были бы восприняты обществом? Это все очень трудная задача, я сильно сомневаюсь, что 1 января 2013 года мы что-то увидим.

Би-би-си: Если бы «Интерньюс» в России открылся сегодня, чему бы Вы учили молодых журналистов?

М. А.: Интересный вопрос. У нас же учителями всегда были те люди, которые работали в российском эфире, в российской журналистике, поэтому мне интересно, чему бы учил сегодня Владимир Владимирович Познер, который был одним из самых наших популярных преподавателей — сколько «Школ Познера» мы организовали! Интересно, чему бы учили Леонид Парфенов или Светлана Сорокина.

Прежде всего, конечно, двум вещам — и тогда, и сейчас — умению свободно мыслить и ощущать ответственность перед аудиторией за свое слово. Вот это основное.

Другое дело, что тогда мы учили, как ставить свет и камеры, чтобы снять интервью. Сейчас давали бы другие инструменты — телефоны, айпады — и учили бы работать с этим. Но суть — она ведь не изменилась — ты должен свободно мыслить, следить за тем, что происходит в стране, понимать происходящее и при этом ощущать свою ответственность, когда ты пытаешься что-то рассказать. Быть свободным и ответственным — для меня в журналистике это вещи неразделимые, вот этому и учили бы.

Би-би-си: Не думаете вернуться в Россию?

М. А.: Я, конечно, вернусь в Россию, я буду жить в России. Просто пару лет еще связана контрактом, но вернусь. Не хочу сказать, что вернусь и буду сидеть книжки читать. Что-то, конечно, буду делать, но уже не так активно, как сейчас. И, конечно, не буду пытаться воссоздавать «Интерньюс».

Мое поколение людей, которым за 50–60, мы потихонечку уходим, много новых, молодых. Я как-то спросила моего любимого Алексея Кирилловича Симонова: «Кирилыч, Вы с теми, кто на Болотной и Сахарова?» Он сказал: «Конечно, я туда приходил, но мы им не нужны! Они молодые, у них есть свои требования, идеалы, мы их поддерживаем, но мы им не так важны — они для нас важнее, чем мы для них». Поэтому, как говорится, дорогу молодым!

Свободные журналисты свободной Литвы

Лариса ШАПОВАЛОВА,
Вильнюс

Международная организация «Репортеры без границ» опубликовала карту свободы слова в мире в 2011 г. На ней белым цветом отмечены страны, в которых ситуация со свободой слова признана «хорошей», — это наивысшая оценка. Среди немногочисленных «чистых» стран есть и Литва. Председатель Союза журналистов Литвы Дайнюс Радзявичюс подтверждает: проблемы бывают, но довольно редко, и не такие существенные, как, к примеру, у соседей.

Дайнюс Радзявичюс

Однако сами журналисты дружно критикуют ситуацию в стране: «В Литве практически нет независимых СМИ, литовская журналистика — несвободная, тенденциозная, продажная». Тема интересная, но пока оставим скелеты мирно побрякивать в шкафу и поговорим о том, как на сегодняшний день работается в Литве журналистам-фрилансерам. А в том, что такие здесь есть, никто из представителей профессии не сомневается.

Начнем с определения. В соответствии с Законом Литовской республики о СМИ, журналист — физическое лицо, которое профессионально собирает и обрабатывает информацию с целью передачи ее средствам массовой информации на основании договора с ними и (или) является членом профессиональной организации.

Это определение узаконивает и положение журналиста-фрилансера, поясняет Дайнюс Радзявичюс. По сути, чтобы называть себя журналистом-фрилансером, достаточно быть членом Союза журналистов. Вступить же в эти доблестные ряды может любой гражданин Литвы, занимающийся какой-либо журналистской деятельностью (включая блогеров). «Но сегодня на рынке

есть и такие, которые не принадлежат к редакции или журналисткой организации и называют себя журналистами или фрилансерами, — продолжает Дайнюс Радзявичюс. — И количество их, можно сказать, увеличивается. Сегодня каждый может назвать себя журналистом. Это не проблема».

Но назваться — это еще не все, скажете вы. Каковы же реальные возможности для работы журналиста-фрилансера?

Фриланс и аккредитация

В Литве довольно просто получить информацию: все государственные службы и политики должны отчитываться перед обществом о своей работе, и не тогда, когда они готовы это сделать, а тогда, когда у них об этом спросят. Независимо от того, кто спрашивает — обычный человек или СМИ. Исключение для журналистов лишь в том, что они имеют право на быстрое получение информации (в течение рабочего дня) и аккредитацию, дающую постоянную возможность участия в каких-то мероприятиях.

— Получить аккредитацию журналисту-фрилансеру формально несложно, — объясняет Дайнюс Радзявичюс. — По закону, право аккредитовать имеют редакции, а не госструктуры. Если редакция считает необходимым послать своего журналиста, государственная структура обязана его принять. Это правило распространяется и на фрилансеров. А уже то, на каком основании сотрудничают свободный журналист и редакция, касается только их.

Аркадий Винокур:

«Лично я, работая в течение 20 лет в крупнейших медиа Литвы, никогда не хотел потерять свою независимость. Почему? Это Литва. Это значит, что у нас нет печатных (или интернетных) медиа с четко обозначенной политической идеологией или мировоззрением. Если главному редактору не нравится ваша позиция, он или она не станет публиковать ваш материал. На чем основывается это решение? Кто знает? Однажды мне сказали не критиковать друга редактора. Я послал редактора и ушел. Я могу это сделать. Многие журналисты не могут».

— Значит, фрилансеру необходимо сначала найти редакцию, которая его аккредитует?

— Не обязательно. Можно получить индивидуальный пропуск. Например, в парламент. Проще всего, если человек принадлежит к редакции или журналистской организации. Тогда пресс-служба видит, что вы — журналист по закону. Но, допустим, правительство смягчило это правило — получают аккредитацию и блогеры.

Этому решению предшествовала судебная тяжба, рассказывает председатель Союза журналистов Литвы. Блогер Лютаурас Улявичюс попросил аккредитацию в парламенте. Ему отказали на основании того, что он не является журналистом. Он подал жалобу в административный суд. Суд постановил, что аккредитовать журналиста может любое СМИ, даже если оно представляет собой блог одного человека, занимающегося журналистикой профессионально. После этого прецедента правительство само поменяло правила, решив, что блогеры также могут получать аккредитацию.

С тем, что информацию в Литве получить легко, согласен и Аркадий Винокур, фрилансер с 20-летним стажем работы в крупнейших медиа Литвы. «Запрашивая информацию, журналист должен сказать, для кого он ее получает. Но и это не обязательно», — полагает Аркадий.

В Литве право журналиста на сбор информации не может ограничиваться какими-то постановлениями, внутренними актами, аккредитационными правилами — только законом. А в Конституции совсем не много исключений, которые касаются сбора и распространения информации.

Фриланс и доходы

Занимаясь любимым делом, мало кто может позволить себе роскошь не думать о материальной стороне вопроса. Особенно это актуально для фрилансера — тут как нигде к месту поговорка «журналиста ноги кормят». Судя по всему, литовским фрилансерам особо шиковать не приходится.

Аркадий Винокур считает, что доходов, полученных от работы фрилансером, для жизни недостаточно, и надо искать дополнительный заработок.

— Проблема в том, что, если вы работаете на одно медиа, редактор не допускает вашей работы на кого-либо еще. Выходом может стать заключение договора о том, что в случае неиспользования вашего материала редакцией, вы можете отдать его в другое медиа, не являющееся конкурентом первому.

«В плане финансов журналисту, работающему в редакции, проще. Однако в Литве немного по-настоящему свободных СМИ, а значит, если журналист не желает идти на компромисс со своей совестью, портить репутацию и выполнять заказы нечестных издателей, ему, возможно, придется стать свободным журналистом...» — говорит Моника Гарбачяускайте-Будрене, главный редактор крупнейшего в Литве интернет-портала Delfi.lt.

О финансовых трудностях говорит и Гинтарас Височкас — журналист-фрилансер, редактор и собственник интернет-портала www.slaptai.lt в одном лице:

— Думаю, работать трудно всем. И свободному журналисту, и в редакции. У меня одни

проблемы, у них — другие. Никакая мощная финансовая корпорация, ни одна государственная структура или парламент не может мне указывать, что писать, как писать, за какие темы мне браться, зато мне надо думать, где получить рекламные деньги.

У свободного журналиста могут быть и другие финансовые проблемы. К примеру, фрилансеру труднее взять кредит или купить что-то в лизинг — надо собирать больше доказательств своей платежеспособности.

Отдельная группа фрилансеров — журналисты, пишущие для своих редакций, но не числящиеся в штате. Такая ситуация особенно характерна для регионов. У этих журналистов может быть (или не быть) еще какая-то деятельность, но они регулярно пишут для газеты, получают гонорары, и их заработки, хоть и не очень высокие, составляют немалую часть их общего дохода, а иногда и основную.

Фриланс и налоги

Коль скоро фрилансеры в Литве существуют и доход получают, то, как все законопослушные граждане, должны платить налоги.

Налоговая служба предлагает «свободным художникам» несколько путей официального оформления дохода. Самый распространенный способ — авторские договоры. Сейчас налоговая система такова, что и авторский договор, и трудовой контракт облагаются почти одинаковыми налогами (около 40 % — социальный и 15 % — подоходный). Отличие только в том, что на человека, работающего в редакции, оформляется страховка от несчастных случаев на работе. Для фрилансеров эта норма не действует. Но другие социальные гарантии и налоги остаются в силе. Авторский договор может заключаться для написания одной статьи или сразу на несколько материалов.

Другая возможность, которая сейчас не редкость, особенно во время экономического спада, патент (стоит около 400 евро в год) — в таком случае налоги ниже, но и социальные гарантии тоже снижаются, потому что платится только минимум страхования.

— На телевидении, к примеру, продюсерские компании могли бы и трудовой контракт оформлять, — говорит Дайнюс Радзявичюс, — но так как проекты обычно быстро меняются, то работников нанимают либо по авторским договорам, либо по лицензии на предпринимательскую деятельность. Но тут есть некоторые проблемы с налогами — по патентам нет такой деятельности, как журналистика. Поэтому по патентам могут работать фотографы или операторы, но оформляться они должны не как журналисты.

Фриланс и конкуренция

— Есть ли в Литве конкуренция между журналистами, работающими в редакциях, и свободными журналистами? — с таким вопросом мы обратились к Монике Гарбачяускайте-Будрене.

— Определенная конкуренция есть, и фрилансеру, чтобы прожить только за счет написания статей или фотографирования для разных редакций, нужно приложить действительно много усилий. Кроме того, редакции предпочитают оригинальное содержание и любят «присваивать» авторов, следовательно, не хотят, чтобы тот же самый человек писал и для конкурентов.

С другой стороны, фрилансеры и журналисты в редакции нередко дополняют друг друга.

— Мы пользуемся услугами журналистов-фрилансеров, так как у нас нет своей сети корреспондентов по всей Литве и за рубежом. Поэтому оригинальные материалы свободных журналистов становятся подспорьем, — говорит Моника. — Мы с удовольствием сотрудничали бы с большим количеством фрилансеров, однако выбор пока небольшой: часто они занимаются свободной журналистикой до тех пор, пока не найдут постоянной работы. Поэтому мы не можем рассчитывать на долговременное сотрудничество с ними.

Фриланс и тенденции

Говоря о тенденциях на рынке, Дайнюс Радзявичюс отмечает увеличение количества фрилансеров в СМИ. Свободных журналистов много в журналах, в новых СМИ, которые только появились и не хотят связывать себя обязательствами, поскольку не знают, как все пойдет. С другой стороны, в крупных, корпоративных СМИ больше становится штатных журналистов — так проще управлять процессом: физически все работники в одном месте, налоги такие же, а ответственность, контроль за правами на авторские работы проще осуществлять через трудовой контракт. Однако свободные журналисты есть во всех изданиях. И они незаменимы.

Фото автора

Сяргей ЗАКОННІКАЎ

Вясло

Ты помніш? Ноччу чорнай,
Як месяц не свяціў,
Крадком — у дзедаў човен
І наўпрасткі ў ціш.

Нас туманы хавалі,
І вецер быў нам брат.
А човен неслі хвалі
Да берага, у сад.

Там яблык самы спелы,
Стаіўшы мройны дых,
Нібы Адам і Ева,
Дзялілі на дваіх.

Світання спеў празрысты,
Ты ў ім цвіла, жыла...
Мы прыплылі на прыстань,
Ды толькі без вясла.

А дзед злуе уранні:
— Бач, чэрці, не да сноў...
І у цяньку старанна
Вясло габлюе зноў...

Ты помніш? Ноччу чорнай
Іду я за сяло...
У дзеда новы човен
І новае вясло.

Чаромхавыя вёсны

Помніцца час развітальны —
Пошчак салоўка куе,
Пахнуць чаромхай світальнай
Цёплыя вусны твае.

Неба высокае родніць
З юнай зямлёй спеўны пах —
Роснай галінкі чаромхі
Затрапятаў Млечны Шлях.

Ўслед за пялёсткавай веяй
Вёснаў нямала сплыло.
Бачыш: ізноў маладзее
Квеценню наша сяло.

Сцежкай іду асцярожна,
Згадка душу саграе...
Пахнуць світальнай чаромхай
Цёплыя вусны твае.

***

Мне сніцца мора.
Там, за валам,
Што белапенна лёг да ног,
Ты, нечаканая, паўстала,
Над галавою — рук вянок.

Трымцела радаснае цела,
Крывінкай кожнаю жыло,
Нібы ў сябе ўвабраць хацела
Усё — да кропелькі — святло.

Яно звінела, і спявала,
І цалавалася з вадой,
І свет прыціхлы хвалявала
Сваёй загадкай маладой.

І не забудзецца ніколі,
І не паўторыцца нідзе ж...
Як промень трапяткі, паволі
Ты па каменьчыках ідзеш.

***

Я не вымольваў слоў пяшчотных...
Як дождж да смяглае раллі,
Яны прыходзяць незваротна
На грэшнай і святой зямлі.

Іх нараджэння таямніца
Не падуладна адкрыццю.
Бруіць тваёй душы крыніца
Насустрач спешнаму жыццю.

І дзівіць дар яе мілосці
На свет выносіць дзень пры дні
Святло глыбіннай прыгажосці,
Пясчынкі ціхай дабрыні.

Жыццё свой круг імкліва вершыць,
Ды застаецца вечны шлях,
І шэпт, і пацалунак першы
На разгарачаных губах.

Твой спеўны голас не сціхае,
З'яднаў ён неба і зямлю.
Жыву, пакутую, кахаю
І праз цябе ўвесь свет люблю.

***

Асенняя шчымлівая дарога,
І ты — неспадзяванкай незямной.
Я пра цябе не ведаю нічога...
Пабудзь са мной.

Пабудзь са мной...
Не я шапчу, а лісце,
Што шаргаціць у сутані лясной.
Было вясёлым і яно калісьці...
Пабудзь са мной.

Якая далеч мгліцца за плячамі,
Якая высь над першай сівізной!
А мы ніколі гэтак не маўчалі...
Пабудзь са мной.

Нішто мяне не ўсцешыць і не здзівіць,
Ты будзеш самай лепшай навіной.
Вачэй тваіх адтайваюць ільдзінкі...
Пабудзь са мной.

Чым станем потым мы ў вялікім свеце:
Зямлёй,
Травой
Ці зоркаю скразной?
Прамень надзеі не згасае, свеціць...
Пабудзь са мной,
Пабудзь са мной...

***

Пранясуцца ў парыве адным дождж і снег,
Каб упасці на крэўныя гоні адчайна.
Перад воляй вышэйшай наш радасны грэх
Стане святасцю праведнай і незвычайнай.

Ці раней, ці пазней — нас абдыме зямля,
Адпускаючы душы да неба ў адведкі.
Плоць у плоць перальецца пасля спакваля,
І ад еднасці гэтай народзяцца кветкі.

Выйдуць двое сюды, каб суцішыць свой крок,
Каб адчуць, як трапеча жыццё несціхана.
Усміхнецца іх шчасцю здалёк васілёк,
Галавою прыветна кіўне закаханым.

***

За маім акном шалее вецер,
Рве з галін апошнія лісты...
Як сцюдзёна стала ў гэтым свеце,
Ведаеш пра тое толькі ты.

Ноч даўно скубе сабе надточкі,
Пацьмянеў і карацее дзень.
Ды і я, нібы сышоў упрочкі
З крэўнага жыцця... Застаўся цень.

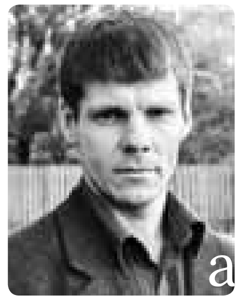
Што ні год — даўжэй вандроўка тая
Па глухім узмежку лет і зім.
Толькі ты назад мяне вяртаеш
І рукой, і позіркам сваім.

Часу холад стукаецца ў грудзі,
Як пасыльны вечнай нематы...
Што са мной было, чаго не будзе —
Ведаеш пра гэта толькі ты.

***

Спачатку — ты, а потым — я —
Такая прымаўка твая.
Каханая, даруй за тое,
Што горкіх слоў нясеш ты крыж,
Што часам крыўды ў сэрцы тоіш,
Маўчыш, пакутуеш, не спіш.
За непрынесеныя кветкі
І занядбаны хатні гуж,
Як і за тое, што ў суседкі
Надзвычай дамавіты муж.
За тое, што не годзіш модзе,
Што ў іншых больш убораў ёсць,
Што, як дажджы, як снег, праходзяць
Твае краса і маладосць.
Зрэдчас падумаецца жартам —
Так — я і грэшнік, і святы,
Ды ўсё ж, калі чагосьці варты,
То вінавата ў гэтым — ты.
Спачатку — ты, а потым — я...
А прымаўка ў цябе — мая!

Сяргей ШАПРАН

Рыгор Барадулін: *«Гэта вялікая адказнасць — называць сябе паэтам. Я проста пішу вершы»*

Выбраныя старонкі з кнігі Сяргея Шапрана «Тры мяхі дзядзькі Рыгора, альбо Самнасам з Барадуліным»

Працяг.
Пачатак у № 1 (92), 2 (93) 2012 г.

Пачатак
І цяпер ва Ушачах
завуць мяне проста
«Кулінін малец».
І гэтым ні росту майго, ні заслуг не маляць.
Са мной заўсёды
вітаюцца ветліва.
І нават, што вершы пішу я,
многія ведаюць.

— У Вашым эсэ «На таку майго веку» сустракаецца згадка пра тое, як Вы, дзядзька Рыгор, яшчэ ў школьныя часы пісалі вершаваныя лісты дзяўчатам, да таго ж была мара выдаць свае гумарыстычныя вершы, «назваўшы зборнічак надта ўжо арыгінальна — «Жалезная вяхотка». Пэўна ж, тыя першыя паэтычныя спробы не захаваліся?

— Не, канешне.

— У Вас жа ёсць вершы, якія ніколі не друкаваліся і аўтарства якіх будзе цяжка вызначыць?

— Канешне. Справа ў тым, што некаторыя мае вершы прыпісваюць іншым, а некаторыя — мне, хоць тое бывае непажадана. Дапусцім, мне некалі прыпісалі тую ж самую паэму «Лука Мудзішчаў», але я тлумачыў: калі б яе напісаў я, дык напісаў бы лепш, я б такой слабіны сабе не дазволіў. А па-другое, я і не пісаў яе хоць бы таму, што там ёсць асобы, пра якіх я не хацеў бы пісаць. Нашто мне гэта? Для чаго? Дый лоўля ветру гэта. Гэта ўсё пустое.

— Гэта, мабыць, тое, пра што так добра сказаў у сваім слове пра Вас Васіль Быкаў: «На працягу дзесяцігоддзяў натхнёнае паэтычнай працы ён заставаўся верным праўдзе народнага жыцця, сялянскага побыту, зямных чалавечых радасцяў. Але не палітыцы, якая, мабыць, занадта абрыдзела яму ў паўсядзённым жыцці, каб весці яе ў святы храм паэзіі, дзе павінны ўладарыць толькі сумленне і талент».

— Канешне! Палітыка — гэта брудная справа. Я некалі пісаў:

Палітыка — тая ж здабыча жука,
За ім палез — і ў дзярме рука.

Дарэчы, у свой час быў такі паэт Лукша, ён працаваў і на радыё, і ў «Чырвонцы», і практычна

кожны раз, калі запускаўся чарговы спадарожнік, пісаў з гэтай нагоды верш і падпісваў за мяне. Справа ў тым, што тады існавала такая практыка, што журналіст мог падпісацца, дапусцім, замест нейкага ўдарніка працы з якога-небудзь завода. Ну ў Лукшы пад рукой быў я… Я і цяпер не заўсёды чытаю газеты, і тады таксама. А пасля гляджу, што радуюся і вітаю запуск аднаго спадарожніка, другога… Я гавару Лукшу: «Колькі спадарожнікаў я запусціў?! Запускай цяпер сам, мне гэта больш не трэба. Я ўжо стаміўся».

— Стаміліся радавацца.

— Так-так! Стаміўся радавацца, добра сказалі… *(Смяецца.)* Ці, помню, заходжу неяк у «Звязду»… Наогул у савецкі час здараліся такія кур'ёзы, якія нармальнаму чалавеку ў галаву не ўкладаюцца! Дык вось, сядзяць хлопцы і думаюць, як падтрымаць павышэнне цэн.

— Пазвонім даярцы такой-та — яна падтрымае, — гавораць. — З падшыпнікавага завода такі-та таксама падтрымае. Можа, і ты напішаш? — пытаюцца.

— Магу, — адказваю.

— А як?

— Давайце вершам.

І тады я экспромтам зрабіў:

У заўтра мы крочым нязменна,
У грошай мы не рабы.
Калі павышаюцца цэны,
Павышаецца дабрабыт.

Яны гавораць: «Ідзі ты к чорту!» *(Смяецца.)* Дайшло да іх!.. Дарэчы, прыгадалася, як мой выдатны сябра маладых гадоў Сымон Блатун (ён быў добрым журналістам) рыхтаваў для газеты «Звязда» выступленне старшыні прэзідыума Вярхоўнага Савета Васіля Іванавіча — прозвішча не трэба называць. Гэта было яшчэ ў часы Хрушчова. Вось вязуць Сымона Блатуна на машыне на лецішча цёзкі Чапаева, а там усё засаджана кукурузай — кветак няма, кукуруза нават на клумбах. *(Смяецца.)* Гарачыня, лета. Васіль Іванавіч прымае Блатуна ў альтанцы і частуе бярозавікам з журавінамі, гаворыць: «Вось мне з Палесся прыслалі некалькі бочак. Баюся, што да новага соку не хопіць». Гэта была ўся гутарка Блатуна з Васілём Іванавічам. Сымон вяртаецца ў рэдакцыю, там нешта піша, і назаўтра ці паслязаўтра яго вязуць на машыне на тое ж самае лецішча, і зноў яго сустракаюць кукуруза і Васіль Іванавіч у альтанцы, які частуе госця бярозавікам з журавінамі і па-ранейшаму жаліцца, што бярозавы сок канчаецца, да новага, пэўна, не хопіць. А затым пытаецца:

З жонкай Валянцінай. 1963 г.

— Ну што я там напісаў?

— Дык чытаць? — пытаецца Блатун.

— Не, не чытай. Дзе распісацца?..

Вось так рыхтавалася выступленне старшыні прэзідыума Вярхоўнага Савета!

— А Вам калі-небудзь прапаноўвалі пісаць падобныя выступленні?

— Ды не, ведалі, што не буду рабіць гэта. Я ж не ўваходзіў у наменклатуру. І калі тры ці чатыры месяцы працаваў у «Советской Белоруссии», дык там я рыхтаваў літаратурную старонку і адказваў на пісьмы… Я толькі пісаў нейкія лозунгі, дакладней — заклікі. Напрыклад, у той час было вядомае такое двухрадкоўе:

Тот, кто кофе утром пьет,
Целый день не устает.

І раптам з'яўляецца беларускі пераклад:

Той, хто ўранні каву п'е,
Цэлы дзень не ўстае.

Але па-беларуску «не ўстае» — значыць, не падымаецца. Дык я зрабіў такі:

Выпі зранку шклянку кавы —
Будзеш цэлы дзень рухавы.

Ну гэта так… Ці неяк пайшоў у бальніцу, і мне прыйшло ў галаву зрабіць такую рэкламку ў акенцы:

Браточкі хворыя, сюдой!
Здавайце першы свой надой!

Альбо калі ў Саюз пісьменнікаў пачалі цэлымі статкамі заганяць, дык я зрабіў такі кароценькі лозунг:

Аюсь, аюсь, усе ў саюзь!

Я вось такія любіў.

— Неяк падчас гутаркі з крытыкам Алай Сямёнавай Вы сказалі: «Асабіста мяне па чарзе захаплялі і гэтым самым патрабавалі пэўнага пераймання Андрэй Вазнясенскі і Яўген Еўтушэнка, Эдуардас Межэлайціс і раптоўна абноўлены на пачатку 60-х Леанід Мартынаў, незвычайны сваёй празаічнасцю Барыс Слуцкі і амерыканец Роберт Фрост, класічная кітайская і японская паэзіі, Булат Акуджава, што загучаў адразу і на ўсю краіну, і латыш Ояр Вацыеціс, загадкава прываблівы сваім лірызмам, і, вядома ж, свае, родныя — заўсёды непрадказальны Пімен Панчанка і класічна-стрыманы Аркадзь Куляшоў. Пяшчота і пакора, дзёрзкасць і ўпэўненасць. Усё ішло прылівамі і адлівамі. Ды вечнымі ў сваёй

нязменнасці былі, застаючыся недасяжнымі, зусім простыя на першы погляд, незатлумныя Аляксандр Пушкін і Максім Багдановіч, Янка Купала і Сяргей Ясенін». Карыстаючыся Вашым вызначэннем, спытаю: ці ёсць сёння нехта, кім Вы, даўно ўжо хрэстаматыйны паэт, захапляецеся і хто тым самым патрабуе пэўнага перайманння? Канстанцін Федзін гаварыў, што адчувае перад Чэхавым сорам. «Я нейкі несапраўдны перад ім», — прызнаваўся Федзін. Ці бывае ў Вас такое ж самае адчуванне і ў дачыненні да каго?

— Усё жыццё лічыў дый цяпер лічу, што іншыя пішуць лепш за мяне. Ну, вядома, за выключэннем графаманаў і надта ўжо самаўпэўненых і самазакаханых. А так заўсёды адчуваў сябе ніякавата перад сапраўднымі паэтамі — мне было

Пачаткоўцы з Якубам Коласам. Падчас нарады маладых пісьменнікаў 21 верасня 1955 г.

сорамна перад імі. Ужо не кажу пра паэзію Усходу, хоць яна з'явілася практычна дзве тысячы гадоў таму, аднак такое адчуванне, быццам па першым снезе птушкі прайшлі — такая светласць на душы ад кітайскай і японскай паэзіі! І, канешне, мне ніякавата перад нашымі класікамі: перад тым жа самым Багдановічам, Купалам ці Коласам з яго «Новай зямлёй» — гэтай беларускай сагай, гэтым падмуркам беларускасці, беларускага духу, бо без «Новай зямлі», таксама як і без купалаўскай лірыкі, нацыі не было б.

Маладыя — яны заўсёды смелыя. Я, стары чалавек, не хачу нікога папракаць, але заўсёды гавару, каб маладыя помнілі, што за імі будучыня і старасць… Я вось нядаўна чытаў аднаго маладога адукаванага паэта (ён, дарэчы, цікава пераклаў Лорку), дык у вершы «Няверная жонка» ён напісаў: «Я падарыў ёй кросны». Ён ведае, што такое кросны? Як гэта можна ў полі падарыць кросны?! Гэты паэт проста не ведае нашага побыту. І разам з тым ён жа піша: «Хрыстос — чырвоны нос»! Я магу зразумець нашых цёмных савецкіх «хунвэйбінаў», якія ў 1920-я гады ішлі супраць Бога, браліся загрудкі з Богам, але на двары XXI стагоддзе! Вы ж ведаеце замежныя мовы, чытаеце ў арыгінале еўрапейскую паэзію, як жа можна так пісаць: «Хрыстос — чырвоны нос»?! Гэта ні ў якія рамкі не лезе. Гэта дужа танная эпатажнасць. А яшчэ ж і такое — наракаюць на Купалу, што той пісаў пра Сталіна. Дык ты спачатку пабыў бы ў становішчы Купалы! У якіх умовах ён пісаў тое!.. Калі б не было Купалы, не было Коласа, калі б іх знішчылі, тады закрылі б і пытанне пра Беларусь. А цяпер здзекавацца з Купалы? Здзекавацца з Бога? Час ім яшчэ аддзячыць.

— Гэта, канешне, умоўны лад, але, калі б не было Багдановіча, Купалы, Коласа, ці быў бы Барадулін-паэт?

— Безумоўна, не было б, але гаварыць, што я — паэт… Ведаеце, я ніколі… Ну калі гаварыць умоўна, што я паэт…

— Ну скажам: Ваш асноўны занятак.

— Так, як асноўны занятак. Калі б не было Купалы, Багдановіча, Коласа і асабліва беларускага фальклору, калі б не было маёй мамы, якая ведала песні і казкі беларускія… Бо ў той час, калі я пачынаў пісаць, шэдэўры Багдановіча і Купалы даваліся абмежавана, паэзія толькі чыста савецкая існавала. І ў гэтым становішчы ратоўваў якраз фальклор, бо менавіта там былі захаваныя беларуская мова і беларускі дух. Да прыкладу, цяпер звычайна гавораць: «жанчына», «мужчына», — аднак у народзе кажуць: «чалавек», «маладзіца». Жанчына — гэта ўжо нешта біялагічнае…

— Калі ў грамадскім транспарце ці ў краме так звяртаюцца, гэта гучыць неяк абразліва.

— Ну канешне, абразліва! А калі сказаць «маладзіца», дык у любым узросце малодзіш чалавека, падымеш яму настрой. Ці можна яшчэ сказаць «дзядзька» або «цётка» — гэта ўжо як свае, як родныя. «Баба» — гэта якая бабіла, якая ўнукаў гадавала. А жанчына — гэта тое ж самае, што таварыш. Дарэчы, мне падабалася, як мае сябрылатышы тлумачылі, што такое таварышы: гэта «тавар», «ішчы», «ішчы тавар». *(Усміхаецца.)* А ёсць жа ў нашай мове такое слова, як «спадар», — тут ужо падкрэслена, што чалавек не люмпен, ён — гаспадар.

Падчас сустрэчы з Юрыем Гагарыным (Рыгор Барадулін другі злева)

Ва ўніверсітэцкім скверы. Стаяць (злева направа): Р. Барадулін, А. Клышка, В. Зуёнак, А. Вярцінскі, Г. Бураўкін. Сядзяць: Ю. Свірка, М. Арочка, К. Цвірка. 1955 г.

— А калі б Вам самому давялося пісаць прадмову да сваёй кнігі, што б Вы напісалі ў першую чаргу?

— Напісаў бы, відаць, коратка — падзякаваў бы ўсім, хто прачытае маю кніжку.

— А асабіста пра сябе?

— Пра сябе... Пра сябе напісаў бы: што мог, тое і зрабіў... У мамы было цікавае слова: не «самалюбівы», а «самалюбімы». Такі самалюбімы і мог бы пісаць сам пра сябе, а я не ўмею. Вось пра іншага — калі ласка.

— Вы ўжо даўно пішаце літаратурныя партрэты, успаміны і эсэ. У Вас ніколі не ўзнікала думка ўсур'ёз заняцца прозай?

— Не, на жаль, у мяне цярпення не хопіць — як першакласніку цяжка ўседзець на ўроку, таксама і мне цяжка за прозай. Я заўсёды, як папуас на камп'ютар, гляджу на празаіка, які піша вельмі таўстыя кнігі. У мяне першабытная глыбокая павага да яго, таму што якая ж уседлівасць трэба! У Змітрака Бядулі ёсць такі жарт — мужык глядзіць на пана і кажа: «Гэта ж якое здароўе трэба мець, каб нічога не рабіць і жыць!» А я думаю: гэта ж якое здароўе трэба мець, каб столькі напісаць! Гэта, канешне, дар.

— Між іншым, не першы год заўважаю, што Вы нават паэтам сябе не называеце.

— Баюся я, гэта дужа адказна гаварыць, што я — паэт... Ну я пішу вершы. Гэта хай той, хто прачытае іх, скажа, што я — паэт, а сам... Я не ламаюся ці, як гэта гавораць, какетнічаю... Гэта вялікая адказнасць — называць сябе паэтам. Хай другія так сябе называюць. А я проста пішу вершы.

Бываюць моманты, калі напішаш радкі і думаеш: «Вой, нармальна атрымалася». А пасля думаеш: «А ці нармальна? А ці трэба? Ці так напісана?..» Самалюбавання ў мяне няма і ніколі не было — ні ў маленстве, ні ў маладосці. У мяне было толькі імкненне напісаць лепш, дый цяпер засталося, я кожны раз думаю: «Можа, я лепш напішу?» А вось такога, што напісаў і ўжо ўсё — вяршыня! — такога няма. Не ведаю, колькі мне засталося, але ніколі ўжо не будзе, каб я быў задаволены, — увесь час думаецца, што нешта яшчэ напішу. Можа, з такой думкай і адыду.

— Такім чынам, у Вас ёсць адчуванне, што ў паэзіі Вы яшчэ не сказалі нечага галоўнага?

— Калі б я такое сказаў, не трэба было б больш пісаць. Я ўсё жыццё думаю, што ўсё-ткі некалі напішу нешта лепшае.

— Аднак, калі Вы толькі пачыналі пісаць, ці задумваліся пра паэтычных папярэднікаў? Ці пісалі, што называецца, з аглядкай на іх?

— На голым месцы нічога не ўзнікае. Я заўсёды адчуваў, што перада мной былі лепшыя. І ніколі не было адчування, што вось іх няма і таму я цяпер лепшы за ўсіх! Папярэднікі — яны былі і ёсць. Гэта, паўтаруся, Купала, Багдановіч. Таксама наймагутнейшая паэзія — наш фальклор.

— А калі браць у большай, сусветнай рэтраспекцыі, — ці ёсць у Вас нейкая сувязь, скажам, з грэчаскай і рымскай паэзіяй? Ці з паэзіяй Усходу, якую Вы таксама перакладалі? Бо наўрад ці ў XX—XXI стагоддзях быў бы магчымы Барадулін, калі б у старажытнасці не было Гамера.

— Без класічнай антычнай і асабліва без усходняй паэзіі я таксама не існаваў бы, бо тая ж паэзія Усходу — гэта проста нейкі цуд, быццам бы прадыктаваны небам!

— Яна Вам бліжэйшая за антычную?

— Нечым бліжэйшая, бо дужа ўражвае. Антычная — яна трошку халаднаватая, але халаднаватая ў добрым сэнсе. Яна — як тыя мармуровыя калоны, высокія і непахісныя, якія таксама ўражваюць. А ўсходняя паэзія — гэта як маланкі, якія б'юць па небе і па табе.

— Аднак можна гаварыць, што і Вы — частка гэтага сусветнага тысячагадовага літаратурнага працэсу?

— Я там якраз маленькая дажджынка. Я ж не выжыў з розуму, каб адчуваць сябе часткай гэтага працэсу! Таму і адчуваю сябе толькі маленькай кропляй.

Працяг у наступным нумары

Происходит обыдление элит

Писатель Владимир Сорокин — о языке власти, литературы, телевидения

Владимир Сорокин родился в 1955 году в подмосковном поселке Быково. По специальности — инженер-механик. Работал в журнале «Смена». Сорокин занимался живописью, графикой и концептуальным искусством, иллюстрировал книги. Но, по собственному признанию, его «всегда завораживал только текст». В 1985 году в Париже был издан роман Сорокина «Очередь», в 1990-е увидели свет написанные в советское время «Норма» и «Тридцатая любовь Марины», где высмеивались штампы соцреализма и нарушались всевозможные табу. После выхода романа «Голубое сало» (1999) молодежное движение «Идущие вместе» обвинило писателя в распространении порнографии. Своеобразным ответом им стал «День опричника» (2006). Сорокин — член русского ПЕН-клуба, пишет также пьесы и киносценарии.

— Когда читаешь вашу «Метель», ждешь по привычке, что сейчас текст начнет разрушаться или люди — исчезать. Но ничего формально ужасного не происходит, есть только скрытая угроза, о которой догадываешься. «Метель» — это о том, что появилась некая новая версия зла, 0.2 или 0.3, трудно описуемая?

— Наверное, это ужас русской метафизики в том числе. Но к ней можно относиться поразному. Она может и напугать, и вдохновить на что-то. «Метель» — это такая попытка сделать главным героем пространство. В котором, как известно, от мысли до мысли тыщу верст скакать. И которое, в принципе, невозможно ни преодолеть, ни окультурить. Само действие происходит не во времени, а в пространстве, именно в русском. Я давно вынашивал идею написать простую и безнадежную русскую повесть. Вот как бы так — просто и... безнадежно.

— «Метель» ощущается еще и как передышка, перепутье. Каждый писатель время от времени оказывается в тупике, не знает, как двигаться дальше, чтобы перейти на новую ступень.

— Я скажу честно, после «Метели» уже два года как не пишу крупную форму. Только рассказы. Но у меня такое уже было: я написал в 1991 году «Сердца четырех» и потом семь лет не писал романов. А затем вдруг неожиданно написалось «Голубое сало»...

— Да, я помню, вы сравнили это с бурной эякуляцией.

— Да. А вот сейчас, видимо, процесс обратный — накопление семени. На самом деле это проблема известная. Я в принципе не пишу одну и ту же книгу, как большинство писателей, а стараюсь каждый раз все начинать с белого листа. Хочу удивить себя и читателя. И нырнуть в какое-нибудь новое пространство. А нынче его найти непросто. Во многом это, кстати, связано с реальностью современной России, которую в чистом виде уже как-то и не хочется описывать. Концентрация провинциального гротеска и самопародийности в путинской России такова, что она как бы уже и сама по себе литература. Чего это еще и описывать? Достаточно посмотреть новости... Кстати, обратите внимание, что все попытки описать нынешнюю российскую реальность напрямую, языком суровой прозы неубедительны. Не получается серьезного романа о современности. Нужны особый взгляд, особый язык. Такое вот время. С другой стороны, я вижу, что многие писатели лихо выдают каждый год по роману. А результат — пшик... Все-таки надо уметь и не писать.

— У кого вы учились... не писать?

— Научила жизнь. Это же биологический процесс. Мне легче, потому что, к счастью, я работаю в других жанрах. Например, сейчас мы заканчиваем с Александром Зельдовичем новый сценарий. Довольно трудоемкий, сложнее, чем «Мишень». Есть еще и другие занятия. В конце

концов, можно навести порядок в библиотеке. Разбирать чужие шахматные партии, читать чужие книги. Съездить куда-нибудь. Что-то делать по дому. Колоть дрова, готовить, выгуливать собак. Рутина жизни. Не надо превращаться в литературного наркомана, иначе ты перестанешь делать открытия.

— Если прежний язык — соцреалистический или классический — можно было разрушить, и в этом разрушении была своя очистительная энергия, то нынешний язык — язык попсы и власти — настолько прост, что его бессмысленно разрушать?

— Тема современного языка для меня болезненна. Я часто об этом думаю. Современный разговорный русский на меня производит удручающее впечатление. Это форменное убожество. А круг людей, говорящих на нормальном культурном русском, невероятно сузился. Я был недавно в Калифорнии и там общался с нашей интеллигенцией, которая уехала в начале 1980-х. Я получил колоссальное лингвистическое удовольствие, потому что они продолжают говорить на языке интеллигенции 1970-х. Услышать этот язык на улице теперь очень сложно. Да и не только на улице... Включи телевизор — и польется словесное убожество. Тот волапюк, на котором говорят верхушка власти и телевидение, передается низам в качестве нормы, и массы обыдляются еще сильнее. Этот язык тянет за собой хамство, этику подворотни. Вероятно, поэтому и описывать этот мир не очень-то хочется.

— И как бы жить на этом языке не хочется, да?.. Филологи Александр Асиновский, Михаил Эпштейн высказывались на эту тему в «Огоньке». Они тоже говорят о конце языка, но в том смысле, что это неизбежная болезнь роста. Потому что, например, советско-интеллигентское гладкоговорение воспринимается нынешней молодежью как приглашение ко лжи. И поэтому они сознательно огрубляют речь, чтобы... не врать.

— Это да. Но речь — о языке подворотни, который становится государственным. Я, видимо, уже пожилой человек, мне противно на нем говорить. Подворотню я никогда не любил... Одному молодому режиссеру я дал почитать «Метель». Он начал ее читать и говорит: «Владимир, я чувствую, что этого доктора в конце нахлобучат». И что мне ответить? «Нахлобучат, сто пудов?» Мне противно изъясняться на таком языке. Ведь проблема не в языке, а в его носителе. Люди тем самым размывают этику. Парадокс: если все советское время шло обыдление масс, то сейчас идет обыдление элит. Я бываю в разных компаниях, но мне как-то все меньше и меньше хочется общаться с нынешними нашими элитами, потому что люди становятся какими-то плоскими. То есть не то чтобы они материалисты — среди них есть и верующие, и мистики,— но все меньше и меньше по-настоящему интеллигентных людей.

— Нынешняя установка власти — с декларируемой практичностью, приземленностью, юридизацией — способствует стиранию людей.

— Личности стираются. Остается профессиональный функционализм. Да, в конечном счете раздражает этот функционализм. Тем более ценишь людей внутренне свободных. В 1990-е годы наша русская телега куда-то покатилась, и неясно было — куда, но была эта дорога как степень свободы. Свобода была в людях прежде всего. А потом дорога схлопнулась и стала плоской. Сам СССР — это труп великана-людоеда, который не был похоронен. Если сравнивать с послевоенной Германией, там, конечно, Запад помог вырыть могилу и свалить туда все это нацистское прошлое. А у нас в ельцинские годы труп забросали опилками и сказали, что он сам догниет, а нам надо двигаться вперед. Потом выяснилось, что миазмы совка отравили наше настоящее. И мы не можем никуда двигаться, обойти это. Ты хочешь обустроить жилище, покупаешь цветы, платье жене, торт, а тут в углу тухлятина лежит. Что ни делай, а вонь стоит в доме. Включаешь телевизор — лезут эти советские песни, шуточки, фильмы про героических чекистов, мракобесы, восхваляющие Сталина... Стагнация в чистом виде. И все это напоминает 1984 год, Черненко. Это тоже был тошнотворный гипергротеск, и на месте будущего стояла бетонная стена. Двигаться было некуда совершенно. Люди запирались в мастерских, слушали «Голос Америки», впадали в пьянство. А сейчас едут на Мальдивы, там впадают в пьянство, возвращаются и чертыхаются в пробках: «Что за страна?!»

— Я хотел вас расспросить об отношении к политизации общества, которая происходит с декабря прошлого года. Я до сих пор, например, не знаю, что думает по этому поводу писатель Сорокин. Какие чувства испытываете?

— Главный положительный момент — у людей накопилась усталость от путинского режима. И это прорвалось. Надоело и этически, и эстетически. Но что с этим коллективным чувством делать, — никто не знает. Это еще не артикулировано должным образом. И будет ли? Эти массовые митинги — прекрасно, конечно, но проблема в том, что большей части населения абсолютно все равно. За 70 лет здесь вырастили биомассу. И она жива, здорова, и ее, как темной материи во Вселенной, у нас 90 процентов. Некоторые лозунги митингов вызывают недоумение. Например: «За честные выборы». Ну какие честные выборы?! Это мне напоминает, например: люди

играют в вист, заходит известный шулер, вынимает колоду, садится. Игроки говорят: «У него крапленая колода». Он отвечает: «Господа, не переживайте, колода крапленая, но я играю честно. Вы можете даже поставить видеокамеры». А по радио идет оживленное кудахтанье: «За кого вы будете голосовать во втором туре: за Путина или за Зюганова?» Делайте свой выбор, граждане...

— Тут важнее, что люди изменились, вышли на площадь.

— Да, это здорово. Но пока это лишь такое радостное, эйфорическое бормотание. Способно ли оно что-то сдвинуть в народном сознании? Не знаю... В любом случае этот режим недолговечен, потому что он уже выродился в самопародию. И у меня, признаться, больше пессимизма, чем оптимизма. Режим может гнить по-разному. Возможно, нас еще ждет разгул опричнины.

— Что вы скажете о языке лидеров оппозиции? Мы наблюдаем разделение выступающих на политическую часть и этическую. Если политики выдвигают конкретные требования, то некоторые — Парфенов, Акунин, Быков, Троицкий — предъявляют к власти прежде всего этические претензии. Можем ли мы назвать эту революцию этической?

— Назвать ее можно как угодно. Важно ведь не что говорят, а кто. Слова все давно известны, суть этой криминально-чекистской власти — тоже. Пока только один процесс есть — это усталость и оскомина от этой власти, от ее формы и содержания. Никаких других конструктивных идей нет. Пока. Хочется увидеть новых людей с новыми идеями.

— Владислав Сурков фактически отстранен от формирования идеологии. Вы были первым объектом для испытаний...

— ...Этого незатейливого оружия.

— Испытываете чувство удовлетворения?

— Смех испытывал и испытываю... Понимаете, нежизнеспособность, провинциальность этой идеологии была ясна с самого начала. Например, у «Идущих вместе» была идея обменивать книги Сорокина, Ерофеева и других «плохих» писателей на «хорошие». Долго думали, а? Они открыли обменники, а наш сообразительный народ попер туда детективы дешевые менять на классику. А потом нацболы принесли туда свежую биографию Путина, целую стопку, сказали: вот, мол, плохая литература, обменяйте. Началась потасовка. И на следующий день обменники были закрыты.

— Лет 5–6 назад, когда вас приглашали на беседу в Бутырку, система казалась вполне жизнеспособной...

— Да, мы были там с Генри Резником. При этом молодые следователи просили у меня автографы. Все это, в общем, гротеск, а он не может быть мейнстримом развития государства. И то, что сейчас люди стали выходить на улицы, уже говорит, что они прежде всего устали от гротеска. Потому что они ездят на Запад, видят, как там живут. И спрашивают себя: почему мы у себя живем в каком-то провинциальном театре абсурда?

— Поколение моих родителей говорило: «Если в СССР опубликуют «Красное колесо» Солженицына — сове конец». Когда я читал «Очередь» и «Норму», мне тоже казалось, что эти книги способны разрушить систему. Но вот в 2000-е появляется ваш «День опричника», и власть сама эту книгу радостно цитирует, смеется, то есть она по-постмодернистски способна это в себя вобрать, переварить и идти дальше...

— «Архипелаг ГУЛАГ» я прочитал в 1979 году, и он, кстати, во многом и сформировал мой антисоветизм. Это вдвойне действовало, потому что это была подпольная литература. За нее давали срок. Сейчас запрещенной литературы нет. Но я не думаю, что «День опричника» шибко приятен этой власти. Эту книгу все-таки больше цитируют противники нынешнего режима... В сущности, здесь одна надежда, что все-таки Россия по определению самоизолироваться от мира не может. Сейчас невозможно выставить железный занавес. Дело в том, что Россия всегда зависела от Запада — и при Черненко, и сейчас. И тогда тоже казалось, что да — дурная бесконечность, что страной управляют живой труп и сенильные старцы из Политбюро. Но прошло время, и эта нежизнеспособная система сама завалилась. И сейчас то же самое. Вопрос лишь, как долго это продлится.

— Кино для русского писателя никогда не было основным занятием. Тем не менее у вас серьезный роман с кино: недавно вышла совместная с Зельдовичем «Мишень», и вы же писали сценарий «Дау», который уже шесть лет экранизирует Илья Хржановский. Это ведь байопик, описание жизни реального человека.

— Нет, это не о человеке, а о XX веке. Мы с Хржановским как раз хотели выломаться из этого жанра, просто биографию не так интересно делать. Это вообще о тех людях, о научной элите XX века, которая верила в науку и прогресс как в нового бога. Они создали атомное оружие. При этом будучи абсолютными фриками. Вот парадокс XX века! Точно так же, как безумный и больной Ницше, скажем, породил культуру и эстетику XX века. И еще, конечно, это антропологический этюд о советской цивилизации, о советском ученом. Но мне трудно об этом говорить, потому

что я уже года два Илью не видел. Он снимает. Я знаю, что там идет какой-то удивительный процесс. Что он построил в Харькове модель Советского Союза и так, видимо, вжился в эксперимент, что не хочет расставаться с этим. Вероятно, он таким образом решает какие-то свои личные проблемы... Но мне хочется дождаться фильма. А над сценарием я работал с огромным удовольствием и интересом. Мне пришлось вспомнить и курс физики, который у нас в институте читал, кстати, ученик Ландау.

— В вашей «Норме» есть эпизод о том, как норму в том числе жрут советские шахматисты. Ваш Дау еще не хлебнул советской нормы? Он ведь приехал в СССР из-за границы...

— Да. В оранжевом пиджаке. С золотыми пуговицами. Он ее, норму, и не ел на самом деле никогда. Потому что он был фриком. Он нормой жонглировал, мазал стены, писал ею формулы. Таким образом он преодолевал советскую реальность.

— Чтобы сохраниться при системе, нужно быть психом?

— Психу было легче. Он, например, на пляже к плавкам пришпилил звезду Героя Соцтруда и пошел знакомиться с девушками. Можете себе представить, что это было по тем временам? Невероятно! Это был его метод борьбы с окружающим. Но, повторяю, это фильм не только о нем.

— Философ Нелли Мотрошилова утверждает, что оттепель началась с физиков — задолго до 1960-х. Физики должны были сделать бомбу. Для успешной работы власть вынуждена была дать им больше свободы. И 60-е начались еще в конце 40-х, это уже было, собственно, крахом идеологии...

— Да, это закономерность. У Чингисхана была вертикаль власти покруче, чем в России. Жесткое подчинение. Но у него была группа людей, которые подчинялись лично ему. Это были китайцы, которые обслуживали стенобитные машины. Их главная работа была — сокрушать стены. А что они там делают в жизни, во что верят, когда просыпаются, как одеваются — это власть не интересовало. В принципе, у физиков наших в советское время было такое же положение. Им даже позволяли быть антисоветчиками. Только пусть сделают ядерный щит! Их дети становились первыми диссидентами. Но сам Ландау как раз не был диссидентом. Он был просто фриком.

— Как появилась идея написать о Ландау?

— Все идеи киносценариев приходят ко мне ногами режиссеров. Пришел Илья Хржановский, сказал, что он прочитал книгу мемуаров жены Ландау и что его это зацепило. Книга замечательная. Весь этот безумный бульон вокруг этой фигуры. Я знал, конечно, о Ландау, о его причудах. Но, повторяю, что это не про безумного Дау. Это про безумный XX век. И Хржановский мне интересен, он очень талантливый человек. До этого я написал ему сценарий «4», фильм получил множество призов на разных кинофестивалях. Вообще, я люблю работать с новым материалом. Это обновляет. Новое — это хорошо.

Беседовал Андрей АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
www.kommersant.ru

Пресс-служба:

мифы, которые надо немедленно развенчать

Александр КОКТЫШ

Что такое эффективная пресс-служба? На этот вопрос можно попытаться ответить, хотя бы с большего разобравшись с мифами, которые существуют вокруг этой службы.

Сразу скажу, в этом тексте присутствует немало субъективизма. Но без него здесь очень сложно обойтись. Даже когда говоришь про пресс-службы негосударственных организаций. Про аналогичные службы организаций государственных нужно говорить в другом тексте и довольно долго.

Миф № 1
Большая пресс-служба — гарантия успеха

Осенью прошлого года состоялась серия тренингов с информационными группами четырех из существующих в Беларуси партий. Численность представленных этими партиями сотрудников пресс-служб зашкаливала за 15–17 человек.

На деле оказалось, что как таковых пресс-служб с обязательными медиастратегиями, четким распределением обязанностей между сотрудниками, базой данных по журналистам и руководителям СМИ, с которыми работается и предстоит работать, с регулярным подсчетом индекса цитирования нет ни у одной партии…

Между тем некоторые партии перешагнули 15-летний рубеж своей деятельности.

Можно было привести на тренинги и тридцать партийцев. Но только что бы от этого кардинально изменилось?

Вряд ли нужно по этому поводу беспощадно критиковать партии, активисты которых сидели и сидят в тюрьмах, заняты стратегиями акций протеста, пытаются донести слово правды до максимально большего числа белорусских избирателей.

Просто хочется сказать, что рассказывать о своей деятельности можно эффективнее. И для этого совсем не обязательно создавать информационные группы из 15–17 человек.

Достаточно 2–3 регулярно работающих сотрудников пресс-служб. А вот сеть корреспондентов и информаторов из рядов своих же партий, конечно, в этой работе не помешает.

Миф № 2
Шеф всегда прав

В свое время — где-то с 2006 года — среди людей, называющих себя большими политиками, стало модно и престижно иметь свои пресс-службы.

Правда, что это такое и с чем это «едят», большинство политиков не догадываются и теперь. Мой друг стал пресс-секретарем одного такого деятеля, имя которого до сих пор на слуху. Прошло несколько месяцев, и друг признался, что не получается построить со своим биг-боссом конструктивные отношения.

Я посоветовал ему собрать все касающиеся шефа вырезки из газет, журналов, посчитать количество упоминаний в электронных средствах массовой информации, составить медиаплан и пр.

Все это друг сделал блестяще и в срок. Договорились они с биг-боссом на деловую встречу — для обсуждения текущего момента, перспектив продвижения и укрепления слабых сторон.

День встречи был назначен на понедельник. 11 утра. Пресс-секретарь вошел к своему шефу с огромной папкой, полной нужной инфы, аналитических записок, вырезок из газет, распечаток, прогнозов и т. д. Готовый к обсуждению всех проблем, связанных с закреплением в медийном пространстве страны и за ее пределами имени шефа-лидера и ркуоводимой им структуры.

Биг-босс с опухшим лицом посмотрел на пресс-секретаря, его папку, на часы… И произнес только одну фразу: «Эх, мне бы сейчас женщину…» На этом обсуждение перспектив завоевания медийного пространства страны по большому, да и по маленькому счету закончилось.

Так и не начавшись.

Безусловно, выстраивать отношения со своим боссом надо в любой профессии. Но если вы в самом начале видите полную беспросветность такого выстраивания, лучше его и не начинать.

В этом плане крайне комфортно было работать с Виктором Гончаром и с Василием Леоновым. Гончар был эталоном элегантности, подтянутости и

галантности. Наверное, и за это его так любили журналисты. Популярный политик не постеснялся как-то признаться, что часами перед зеркалом тренировался произносить некоторые речи, моделируя свой стиль поведения перед воображаемой аудиторией. Может, потому многие помнят спичи Гончара в Овальном зале парламента перед камерами и диктофонами, просто перед людьми, собравшимися его послушать.

Леонову в свое время кое-что советовали стилисты, и он их, надо отдать ему должное, слушался. И выглядел убедительно. И внешне, и на словах, и в делах.

Если ваш шеф ходит в «подстреленных» штанах или просто не может членораздельно озвучить даже простейшие вещи, то это в первую очередь ваша вина.

Посему пресс-служба (пресс-секретарь) должна, подчеркиваю, обязана указывать своему шефу на:

- его внешний вид;
- артикуляцию (четко и членораздельно фразы у нас строят, скажем так, далеко не все политики);
- выражение лица во время общения с публикой, в том числе и с журналистами;
- косноязычие (а оно встречается, как правило, у всех публичных лиц);
- жесты и другие многочисленные «мелочи».

На мой крайне субъективный взгляд, по всем этим позициям наиболее убедительны лидер Объединенной гражданской партии Анатолий Лебедько и председатель партии «Справедливый мир» Сергей Калякин.

Миф № 3

Журналисты — для политиков, а не политики — для журналистов

Здесь наломано много копий, написана масса гневных спичей с обеих сторон.

В этой связи будет уместно вспомнить тренинг с информационной группой Белорусской социал-демократической Громады. Один участник этой группы пожаловался, какие журналисты — бяки: пишут не «председатель областного исполнительного комитета», а губернатор и т. п. Мол, надо ставить всю эту пишущую братию на место. Я выступающего довольно резко оборвал.

Сказал, во-первых, что «губернаторы» давно и прочно вошли в речевой обиход. Пускай и пишутся в некоторых изданиях в кавычках.

Во-вторых, заметил, что журналисты писали, пишут и будут писать, как им удобно.

В-третьих, журналистам стоит делать замечания со стороны пресс-служб или информационных групп партий, движений и объединений только тогда, когда для этого есть серьезный повод. Причем замечания должны быть выдержаны в спокойной, конструктивной и даже доброжелательной манере. В противном случае журналист или целое издание, которое он представляет, просто забудут про политика, партию, движение, выбравших конфронтационный путь отношений со средствами массовой информации.

Примеров тому предостаточно.

Недавно один довольно раскрученный и уважаемый политолог позволил себе не совсем корректное поведение в отношении известного корреспондента из БелаПАН. Разгневался потому, что в журналистском тексте было уделено столько же места, сколько его персоне, коллеге-политологу, но только рангом пониже... В общем, серьезно досталось на орехи корреспонденту. И что? Это агентство потом долго просто обходило стороной многоуважаемого политолога.

Ситуация получилась — сам себе враг!

В соседних с нашей и в дальних цивилизованных странах сотрудничество политиков, общественных деятелей и прочих публичных фигур с отдельными журналистами и целыми изданиями, компаниями, радиостанциями, сайтами и т. п. подчинено правилу: не журналисты — для политиков, а политики — для журналистов.

Миф № 4

Пресс-служба — структура «второго сорта»

Все лидеры и ведущие лица партий хотят, чтобы о них писали, снимали и т. п. побольше и почаще.

И при этом толком не представляют, как их желание зависит от деятельности собственной пресс-службы и почему она важна. Некоторые предпочитают сами выступать в роли колумнистов, фельетонистов, аналитиков и пр. Все это получается иногда весьма читабельно, но по крайне мере недальновидно подменять своим хобби прямые функции пресс-службы. Между тем последняя для того и создается, чтобы раскручивать в медиапространстве (пиарить) свою организацию максимально эффективно.

Есть довольно четко прописанные алгоритмы работы пресс-службы. Они апробированы на практике везде, вплоть до Антарктиды.

В том числе в отдельных политических партиях, движениях и общественных организациях нашей страны.

Есть прекрасная команда известной общественной организации «Ахова птушак Бацькаўшчыны». Тексты ее пресс-службы регулярно печатаются как в государственных, так и в негосударственных средствах массовой информации. Ребята из «Аховы птушак» не стесняются учиться, идут в редакции, сами стараются давать приличный информационный продукт и, что самое приятное, постоянно создают достойные информационные поводы.

Тексты пресс-службы Объединенной гражданской партии также часто используются информационными ресурсами страны. Очень активна в этом плане демократическая коалиция Брестской области, которая находится в постоянном контакте с корреспондентами информационных агентств, газет, интернет-ресурсов, радиостанций, телеканалов и пр.

Есть и другие приятные примеры успешной работы пресс-служб партий и общественных организаций.

Секрет успеха банален — эти пресс-службы четко знают, что, для чего и для кого они делают. Не дуются на «заносчивые» СМИ, которые «упрямо» не хотят писать про них, «красивых», а идут к журналистам, руководителям средств массовой информации, налаживают диалог, убеждают полезностью постоянного или хоть бы разового сотрудничества. Так поступают во всем мире.

Почему же у нас надо в таком случае изобретать велосипед?

Миф № 5
Провести пресс-конференцию — раз плюнуть

Что так думает большинство как руководителей партий и организаций, так и сотрудников разных структур, репортеры убеждались, увы, не раз.

И не раз уходили с таких «прессух», сетуя о зря потраченном времени.

Правило тут одно: пресс-конференция созывается по действительно важному поводу. Когда есть что сказать. Когда есть кому говорить.

При таком условии к вам в организацию сбегутся все! А задача пресс-службы — сделать так, чтобы каждому из пришедших репортеров работалось комфортно. И чтобы каждому захотелось прийти на следующее пресс-мероприятие этой партии, организации или структуры.

Миф № 6
Чем больше пресс-релиз, тем лучше

Что это не так, вам скажет любой из журналистов, вынужденных продираться в поисках информации по пространным «полотнам», подготовленным «для прессы». Часто такие «полотна» остаются невостребованными именно по причине их «невытканности».

Пресс-релиз создается по устоявшимся в мире правилам, во многом — в соответствии с известной журналистам формулой написания новости (КТО (ЧТО), ГДЕ, КОГДА). Добавить к этой формуле КАК и ПОЧЕМУ — значит, выразить позицию, дать оценку партии (или иной структуры) по тому или иному поводу.

Миф № 7
Технологии решают всё

Информационные технологии развиваются семимильными шагами. Затрагивает это, безусловно, и работу пресс-служб.

Теперь уже практически никто не рассылает пресс-релизы факсом, не раздает снимки на фотобумаге, не посылает курьеров предупредить руководство того или иного издания о грядущей пресс-конференции.

Все максимально ускорилось, оптимизировалось, сжалось. Можно мгновенно получить пресс-релиз по электронке с готовыми снимками и даже видеороликом. Можно в Skype взять комментарий у нужного эксперта, по сотовому телефону уточнить у сотрудников пресс-службы или руководителя партии, где бы они ни находились, какие-то крайне оперативные вещи.

Но даже в наш крайне продвинутый век ничто и никто не заменит личные контакты при работе со СМИ и журналистами.

Вот один из личных примеров. Летом 2001 года мне довелось проводить пресс-конференцию Владимира Гончарика (тогда единого кандидата от демократических сил на предстоявших президентских выборах). На той пресс-конференции были впервые представлены журналистам документы по делу крайне загадочно исчезнувших Юрия Захаренко, Виктора Гончара и Анатолия Красовского.

Накануне позвонил Василий Леонов, один из главных активистов штаба Гончарика, и сказал мне назначить пресс-конференцию на завтра. Он не захотел озвучивать по сотовому телефону ее тему. Но очень настойчиво просил собрать журналистов...

Мне пришлось просить прийти знакомых журналистов — обещал, что будет точно интересно. Назавтра пришли все 17 приглашенных — сработали личные контакты.

Такие контакты не сможешь наладить, начитавшись умных и полезных книг про организацию пресс-служб, окончив хоть пять самых престижных вузов.

Их надо выстраивать довольно долго и кропотливо. Не роняя собственного достоинства и не придираясь по поводу и без повода к тем, кто про тебя пишет, снимает, озвучивает в медийном пространстве.

Надеюсь, моя попытка развенчания мифов поможет организаторам пресс-служб. Может, тогда у журналистов будет меньше претензий к политикам по поводу точности, оперативности и эксклюзивности их информации. А у политиков станет меньше претензий к журналистам.

Падарожжа да Паўночнага мора

з лекцыйным дадаткам

Ганна
ГАРАЧКА

Усё ў гэтым свеце ўзаемазалежнае… Можна знайсці адпаведную цытату ды спаслацца на кагосьці з вялікіх, але кожны, відаць, рабіў гэта «адкрыццё» самастойна.

Зрэшты, можна назбіраць аўтарытэтных меркаванняў і пра абсалютную выпадковасць усяго, што адбываецца.

Але жыццё непазбежна прымусіць хоць аднойчы высвятляць, што з чаго вынікае, як адно на адно ўплывае і… куды рухаецца гэты свет.

«Новая зямля» для нямецкай лінгвісткі

Марозным студзеньскім вечарам мы сядзім на мінскай кухні і гутарым пра беларускую літаратуру з нямецкай лінгвісткай Гун-Брыт Колер, якая прыехала сюды на стажыроўку. І дзіўная рэч, яна кажа, што ёй падабаецца не толькі ў Мінску, але і тут, ва Уруччы. У забудаваным шэрымі панэльнымі дзевяціпавярховікамі мікрараёне, дзе жыхароў амаль столькі ж, колькі і ў яе падобным на цацачны Ольдэнбургу, дзе і зімы значна цяплейшыя, і лад жыцця непараўнальна іншы. Але спадарыня Колер сцвярджае, што ў нас тут ёсць самае галоўнае для працы — цішыня. Яна піша кнігу па літаратуразнаўстве.

Гун-Брыт Колер: *Пакуль я не магу сказаць, хто з беларускіх пісьменнікаў падабаецца мне больш, хто менш, бо не прачытала яшчэ дастаткова твораў, каб склалася дакладнае меркаванне. Пакуль стараюся прачытаць канон. Але з таго, што паспела прачытаць, мне ўсё было цікава!*

Спачатку я прачытала па-нямецку анталогію беларускай прозы, якая была выдадзеная яшчэ ў былой ГДР. Па творах з гэтай анталогіі беларуская літаратура выглядала дастаткова «чорнай»… Такая сумная, што проста жах! Доўга чытаць гэта цяжка. Але зараз я бачу, што яна не такая сумная. Я ў гэтым упэўнілася, калі прачытала «Новую зямлю» Якуба Коласа, а гэта мне было вельмі цяжка, бо там такая лексіка, якой няма ў беларуска-нямецкім слоўніку. «Новая зямля» — таксама твор сумнай тэматыкі, але ён такі прыгожы! Там такі тонкі гумар.

Мне вельмі зразумелая асноўная ідэя твора, бо мая мама — з Аўстрыі, а там мець свой маёнтак, сваю зямлю — гэта самае важнае. Мне вельмі блізкае гэта жаданне. Узяць, напрыклад, крэдыт у банку і набыць уласнасць, каб ні ад каго не залежаць. Цікава, што мая калега з Усходняй Германіі, калі мы пра гэта пачалі размаўляць, выказала абсалютна супрацьлеглае меркаванне. Яна ўвогуле не разумела, навошта набываць ва ўласнасць кавалак зямлі! Нават дом або кватэру. Для яе ўласнасць не з'яўляецца каштоўнасцю.

Спадарыня Колер не толькі чытае, але і выдатна размаўляе па-беларуску. Яна — лінгвіст, а яе спецыялізацыя — славістыка. Яна валодае таксама

рускаю, славенскаю, харвацкаю, польскаю мовамі, а цяпер вывучае яшчэ і ўкраінскую.

Мы пазнаёміліся з Гун-Брыт у чэрвені 2011 года на навуковым семінары ў Ольдэнбургу, куды прыгожы белы экспрэс з шырокаю чырвонаю паласою ўздоўж усіх вагонаў прывёз нас з Берліна.

Берлін транзітам

У нямецкай сталіцы мы затрымаліся на некалькі гадзін, у асноўным каб... разбурыць сваё стэрэатыпнае ўяўленне пра навек разбураны Рэйхстаг і пра векапомныя руіны з кадраў кінахронік.

Для гэтага трэба было разлічыць маршрут. І разлічыць дакладна, літаральна па хвілінах. Давялося спачатку старанна «павандраваць» у віртуальнай прасторы, па карце. А віртуальная вандроўка небяспечная, бо з'яўляецца ўражанне, што ўжо ўсё пабачыў, дык не варта і бегаць ад «аб'екта» да «аб'екта». Варта! Менавіта за ўражаннямі. Берлін уразіў магутнасцю.

Вось — каму спатрэбіцца — маршрут для праходкі даволі хуткім крокам на 4–5 гадзін. Канешне, ад Цэнтральнага вакзала (Berlin Hauptbahnhof) сюды найчасцей прыбываюць і камандзіровачныя, і вольныя вандроўнікі.

Падняцца наверх, знайсці S-Bahn. Квітка не трэба, бо адну гадзіну дзейнічае білет на цягнік.

Выйсці на трэцяй станцыі — «Заалагічны сад» («Zoologischer Garten»).

Далей пешкі...

6 хвілін да Мемарыяльнай царквы кайзера Вільгельма. Уваходы ў разбураную і новую цэрквы знаходзяцца адзін насупраць аднаго.

5 хвілін да «Еўропа-Цэнтр» са знакамітым вадзяным гадзіннікам. Ваду зліваюць а 13-й і а 1-й уночы.

9 хвілін да гандлёвага цэнтра KaDeWe. Прадуктовы аддзел на апошнім паверсе занесены ў кнігу рэкордаў Гінеса.

Далей ёсць два варыянты.

Першы варыянт — па парку (Zoologischer Garten). 51 хвіліна да Брандэнбургскіх варот (Brandenburger Tor) паўз Калону Перамогі (Siegessäule) на плошчы Вялікая Зорка. 6 хвілін да Рейхстага. Тут бяруць мясцовы падатак у выглядзе штрафу з тых, хто выпрабоўвае пільнасць паліцыі ды задзірае правую руку з вядомым воклічам.

Другі варыянт — па вуліцах. 39 хвілін да Патсдамскага пляца (Potsdamer Platz). 12 хвілін да Брандэнбургскіх варот. 30 хвілін да велічнага кафедральнага сабора па бульвары Унтер-ден-Ліндэн, які з'яўляецца візітоўкаю Берліна. 3 хвіліны да Аквадома (AquaDom), дзе месціцца гатэль «Рэдысан», з найбольшым у свеце акварыумам са шкляным ліфтам для экскурсантаў усярэдзіне. 17 хвілін да Александэрпляца. Знакамітая, падобная на Астанкінскую, тэлевежа і Чырвоная ратуша.

44 хвіліны да Цэнтральнага вакзала праз Хакскія двары, Новую сінагогу і знакаміты Тахелес, дзе працуюць і выстаўляюць свае творы мастакі, сярод якіх ёсць і беларус — Аляксандр Родзін.

Ольдэнбург

Шчыра кажучы, Рэйхстаг ды іншыя «аб'екты», традыцыйна найбольш цікавыя для турыстаў, знаходзяцца побач з вакзалам. Але, калі прабегчыся па гэткім вялікім крузе, «стомленасць» ад Берліна гарантаваная!

А ў Ольдэнбургу легкадумная беганіна і мітусня заклапочаных турыстаў (каб чаго не прапусціць!) замяніліся на няспешныя праходкі па ўтульных вулічках прыгожага мястэчка ды на салідную атмасферу грунтоўнай навуковасці.

Усё пазнаецца ў параўнанні

Сёлета ў чэрвені тут мае адбыцца навуковая канферэнцыя на тэму «Спецыфіка і тыпалогія "малых" літаратур ва ўсходне-заходнееўрапейскім параўнанні». Падрыхтоўка да канферэнцыі пачалася ўжо летась, калі на семінар у Ольдэнбург прыехалі філолагі з шасці краін: Украіны, Польшчы, Галандыі, Англіі, Германіі, а таксама і з Беларусі — разам з імі мне давялося паблукаць па нямецкім мястэчку.

Ольдэнбург знаходзіцца ў Ніжняй Саксоніі, амаль на мяжы з Галандыяй. Старажытнасць яго аўтэнтычная, падчас вайны тут амаль не было бамбардзіровак. Гэта адно з самых зялёных мястэчак Германіі, якое захапляе прыгожымі палісаднікамі вакол кожнага дома. А свой уласны дамок мае больш за 70 % жыхароў.

Па прыгожых вулачках Ольдэнбурга, забудаваных падобнымі на казачныя рознакаляровымі дамамі, перамяшчацца лепш за ўсё на ровары. Адмысловыя дарожкі, здаецца, і пракладзеныя тут для зручнасці не тых, хто ходзіць пешкі. Гэта пацвярджае таксама шмат станцый пракату і безліч ровараў каля будынкаў. Апроч звыклых турыстычных прынадаў, такіх як Ольдэнбургскі замак або музей выдатнага нямецкага мастака Хорста Янсена, можна наведаць яшчэ і музей камп'ютараў, які быў адкрыты ў 2008 годзе. Напачатку вясны ладзіцца кветкавае шоу, у

верасні — вінны фэст, а ў лістападзе Ольдэнбург варта наведаць дзеля кніжнага кірмашу.

Маленькі, нібы «дачны», цягнік з чатырох вагончыкаў хутка давязе да Паўночнага мора, дзе вада летам праграваецца да тэмпературы сырадою. Праўда, можна трапіць на бераг падчас адліву і да вады давядзецца брысці, угрузаючы ў чорным іле, затое можна пабачыць, як па беразе скачуць дзікія зайцы.

Некалі Ольдэнбург быў знакаміты развітою прамысловасцю: шматлікімі ткацкімі ды тытунёвымі фабрыкамі, металургічнымі, машынабудаўнічымі ды шклозаводамі, але гэта ўжо ў мінулым. Цяпер гэта ўніверсітэцкі гарадок, слаўны сваімі бібліятэкамі.

Гісторыя з медалямі

Ольдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага (Carl von Ossietzky Universität Oldenburg), дзе адбываўся навуковы семінар, — адзін з самых маладых у Нямеччыне, ён быў заснаваны ў 1973 годзе.

Нямецкі пацыфіст, антыфашыст Карл фон Асецкі — легендарная асоба. У 1936 годзе ён не змог атрымаць Нобелеўскую прэмію міру, бо знаходзіўся тады ў турэмным шпіталі. Адзначаны Асецкі быў за «гарачую любоў да свабоды думкі, за веру ў неабходнасць свабодна спаборнічаць ва ўсіх галінах духоўнага жыцця, за павагу да каштоўнасцяў іншых народаў». Гэта прэмія была таксама асуджэннем палітыкі нацыстаў. Тагачасныя ўлады Нямеччыны забаранілі прымаць Нобелеўскую прэмію не толькі Асецкаму. Нямецкім лаўрэатам у галіне фізікі Максу фон Лаўэ ды Джэймсу Франку давялося хаваць свае ўзнагароды. Каб прадухіліць канфіскацыю, іхнія залатыя медалі растварылі, а пасля вайны золата экстрагавалі, вярнулі Шведскай каралеўскай акадэміі навук, там адлілі новыя медалі і паўторна ўручылі фон Лаўэ і Франку.

Гісторыю з медалямі ды самога Карла фон Асецкага ізноў прыгадалі ў 2010 годзе. 10 снежня, калі звычайна ўручаецца Нобелеўская прэмія міру. Імя Асецкага пачалі актыўна згадваць у навінах, бо за 109 гадоў свайго існавання прэстыжная ўзнагарода другі раз не магла быць уручаная. Лаўрэат таксама знаходзіўся ў турме. Гэтым разам — кітайскі змагар за дэмакратыю Лю Сяабо.

Ва ўніверсітэце імя Карла фон Асецкага, дзе беларушчына даўно ўжо ў пашане, беларускія філолагі чыталі свае даклады.

«Малыя» літаратуры

Старшыня Нямецкага камітэта славістаў Герд Генчэль, які адначасова ўзначальвае і Інстытут славістыкі гэтага ўніверсітэта, даўно супрацоўнічае з Міжнароднай асацыяцый беларусістаў ды ладзіць цікавыя моваазнаўчыя праекты з беларускай тэматыкай. У Інстытуце славістыкі ўсяго 10 студэнтаў і 10 дактарантаў, але сярод іх ёсць і адна (пакуль адна!) беларуска. Хто б спадзяваўся, што са сваімі выкладчыкамі, якія прыехалі на семінар, выпускніца філфака БДУ Наталля Краўчанка сустрэнецца тут, ажно на ўзбярэжжы Паўночнага мора! Пад кіраўніцтвам прафесара Генчэля дзяўчына займаецца беларускаю «трасянкаю» і піша дысертацыю.

А дасведчаная нямецкая лінгвістка і літаратуразнаўца Гун-Брыт Колер, якая атрымала адукацыю ў Сарбоне і пачынала сваю навуковую кар'еру як раманістка, адчула цікавасць да славістыкі і змяніла сваю спецыялізацыю, а цяпер выразна пачала аддаваць перавагу менавіта беларускай літаратуры.

Гун-Брыт Колер: *Калі б я хацела атрымаць чыста эстэтычнае задавальненне, дык шукала б гэта, канешне, у рускай літаратуры, бо яна мела іншыя ўмовы і магчымасці для развіцця. Але мяне цікавяць іншыя нюансы. Напрыклад, пытанне, як такая «малая літаратура», як беларуская, спраўляецца са спецыфічнымі праблемамі, як яна рэагуе на жыццё, што яна ўкрывае... Мне гэта цікава! І эстэтычнае задавальненне мне гэта таксама дае.*

Але ўражвае іншае. Для мяне было шокам даведацца, што амаль кожны беларускі аўтар не перажыў 30-х гадоў мінулага стагоддзя. Яны, аўтары, свой лёс добра разумелі, яны гэта бачылі! Але яны працягвалі пісаць свае творы. І гэта не былі такія «чорныя», такія змрочныя творы, як можна было б падумаць. Гэтыя творы прасякнутыя гумарам, прыгажосцю... Гэта для мяне было адкрыццём.

Літаратура заўсёды, хочам мы гэтага або не хочам, з'яўляецца сацыяльным фактам. Французскі сацыёлаг П'ер Бурд'ё[1] *выказаў вельмі цікавае меркаванне, што аўтар стварае поле, але і поле стварае аўтара. І гэта варта даследаваць: чаму ў пэўны час больш чытаюць аднаго аўтара, а ў іншы час — іншага. Чаму часта так здараецца, што аўтара прызнаюць толькі праз нейкі час, але не ягоныя сучаснікі. Гэта тыя сацыяльныя феномены, якія варта вывучаць на прыкладзе «малых» літаратур.*

Век жыві, век вучыся! Здавалася б, што незразумелага можна пачуць на навуковым семінары, прысвечаным літаратуры? Але вось, аказваецца, нават тэрмін «"малыя" літаратуры» азначае зусім не тое, што нібы здаецца відавочным. «Малымі» літаратуры лічацца не па колькасці носьбітаў мовы або тыражоў кніг.

Гэта тыя літаратуры, што не ствараюць новых мадэляў, а выступаюць у ролі спадкаемцаў

[1] П'ер Бурд'ё (Pierre Bourdieu; 1 жніўня 1930 г. — 23 студзеня 2002 г.) — французскі сацыёлаг і філосаф,стваральнік тэорыі сацыяльнага поля.

паэтыкі і эстэтыкі «вялікіх» літаратур. Напрыклад, нямецкую літаратуру лічаць «вялікай», бо менавіта там зарадзіўся рамантызм, і гэта мадэль пачала потым выкарыстоўвацца іншымі літаратурамі.

На навуковым семінары ў Ольдэнбургу для параўнання разглядаліся ўкраінская, беларуская і нідэрландская літаратуры. Прафесар Арнольд Макмілін заняўся пытаннем аўтаноміі беларускай літаратуры. Даклад прафесара Міколы Хаўстовіча быў прысвечаны беларускамоўнай і польскамоўнай плыням у літаратуры Беларусі. Доктар навук Сяргей Кавалёў разглядае новую беларускую драматургію паміж нацыянальным дыскурсам і расійскай школай. Дацэнт Павел Навуменка ўзяў тэму «Літаратурныя аб’яднанні 20-х і эстэтычная барацьба паміж імі як заканамерная з’ява».

А тэмаю навуковага даклада Гун-Брыт Колер былі псеўданімы — на прыкладзе беларускіх аўтараў. Прафесар з Галандыі ван Рыз абапіраўся ў сваіх навуковых разважаннях на тэорыю поля П’ера Бурд’ё, якая прапаноўвае апісваць літаратуру з улікам усіх фактараў: постаці самога пісьменніка, яго паходжання, узаемадзеяння ды ўзаемаўплыву з іншымі агентамі на гэтым полі. Паводле тэорыі літаратурнага поля, распрацаванай славутым сацыёлагам, усё, што адбываецца і ў літаратуры, і ў грамадстве трэба разглядаць у сукупнасці.

П’ер Бурд’ё між усім

Адным з вынікаў навуковага семінара ў Ольдэнбургу для беларускіх навукоўцаў было сумнае ўсведамленне таго факта, што айчыннае літаратуразнаўства ўсё яшчэ знаходзіцца на падрыхтоўчым этапе. Арганізатары прасілі, каб беларускія навукоўцы таксама дастасавалі свае даклады да добра вядомай у свеце тэорыі поля П’ера Бурд’ё. Але даследаваць матэрыял з дапамогаю новай для іх літаратуразнаўчай тэхналогіі беларускім філолагам, якія да гэтае пары займаліся пераважна зборам і сістэматызацыяй матэрыялу, было досыць складана.

Сацыёлаг П’ер Бурд’ё вядомы тым, што ён ігнаруе міждысцыплінарныя падзелы. У ягоных доследах спалучаюцца падыходы і прыёмы з галіны антрапалогіі, гісторыі, лінгвістыкі, паліталогіі, філасофіі, эстэтыкі, якія ён выкарыстоўвае для вывучэння гэткіх разнастайных сацыялагічных аб’ектаў, як сялянства, мастацтва, беспрацоўе, адукацыя, права, навука, літаратура, шлюбныя стасункі, класы, рэлігія, палітыка, спорт, мова… І журналістыка!

Гэтак нібы выпадкова (але ж усё трэба разглядаць у сукупнасці!) я апынулася паміж… «універсітэцкім эзатэрызмам і журналісцкім экзатэрызмам»… Надта «навуковымі» гэтымі тэрмінамі, выхапленымі з тэкстаў П’ера Бурд’ё, здаецца, можна было б вызначыць мае месца на тым семінары ў Ольдэнбургскім універсітэце, які скіраваў увагу да добра вядомых ва ўсім свеце працаў французскага сацыёлага.

Словы «эзатэрызм»і «экзатэрызм» лепш пашукаць у слоўніку, а ў дачыненні да журналістыкі гэтыя паняцці навуковец выкарыстаў, шукаючы адказ на пытанне, як сумясціць неабходнасць «некамерцыйнага» аспекту, асноўнага для рознага кшталту навуковай ды інтэлектуальнай дзейнасці, якая адбываецца ў вузкім коле адмыслоўцаў, з дэмакратычным імкненнем зрабіць яе вынікі даступнымі для найбольшай колькасці людзей.

Менавіта гэта пытанне П’ер Бурд’ё задае ў сваіх крытычных развагах «Пра тэлебачанне». І крытыкуе тэлебачанне ён менавіта на тэлебачанні! Пра ўдзел у звычайнай тэлеперадачы, абмежаванай часам і пытаннямі вядучага, не магло быць нават размовы. Навуковец згадзіўся выказаць свае меркаванні толькі ў форме лекцый. Патлумачыў, што мае жаданне выйсці да больш шырокай публікі, чым тая, што звычайна наведвае лекцыі Калеж дэ Франс.

З экрана тэлевізара слынны сацыёлаг абвясціў, што… «тэлебачанне — не самае добрае асяроддзе для выказвання думак».

Лекцыйны дадатак[2]

…Паміж спешкаю і працэсам мыслення існуе адваротная негатыўная сувязь. Яшчэ Платон супрацьпастаўляў філосафаў, якія маюць шмат часу, тым людзям, што знаходзяцца на гарадской плошчы і павінны хутка прымаць рашэнні. Спехам думаць немагчыма!

Адным з галоўных пытанняў, якія ставіць тэлебачанне, з’яўляецца праблема дачыненняў паміж мысленнем і хуткасцю. Ці можна мысліць на хуткасці? Ці не ставіць сябе тэлебачанне, даючы слова мыслярам, якія нібыта здольныя мысліць у прыспешаным тэмпе, у такое становішча, што заўсёды мае справу толькі з «fast-thinkers» — «хуткадумамі», думка якіх хутчэйшая за іх уласны цень?

Варта паразважаць, чаму яны здольныя адпавядаць гэтым асаблівым умовам, чаму ў іх атрымліваецца мысліць ва ўмовах, пры якіх ніхто ўжо не мысліць. Адказам, мне здаецца, з’яўляецца тое, што яны мысляць «гатовымі ідэямі». «Гатовыя ідэі», пра якія казаў Флабер, — гэта ідэі, засвоеныя ўсімі, банальныя, агульныя, якія не выклікаюць пярэчанняў. Таму няма праблемы з успрыняццем іх.

Калі гаворка ідзе пра нейкае выступленне, пра кнігу або паведамленне, дык галоўная задача камунікацыі — адпавядаць умовам успрыняцця, дзеля чаго неабходна ведаць, ці мае той, хто слухае, код, каб расшыфраваць, пра што ў дадзены

[2] Вытрымкі з двух лекцый П’ера Бурд’ё, якія прагучалі на тэлеканале «Пары Прэм’ер» у маі 1996 года.

Удзельнікі канферэнцыі аглядаюць Ольдэнбург

момант гаворыцца. А калі падаюцца «гатовыя ідэі», ніякай праблемы няма. Камунікацыя ўзнікае імгненна, таму што ў нейкім сэнсе яе не існуе. Яна ўяўная.

Перавагаю «агульных месцаў», якія адыгрываюць вялікую ролю ў штодзённым камунікаванні, з’яўляецца тое, што ўсе здольныя іх успрымаць і ўспрымаць імгненна. У адрозненне ад банальнасцяў, думка з’яўляецца падрыўной, яна пачынаецца з разбурэння гатовых ідэй, а потым павінна прывесці свае доказы. Гэта займае нейкі час…

Калі на тэлебачанні лічаць за лепшае мець справу з пэўнай колькасцю «fast-thinkers», якія прапануюць культурны fast-food, то бок загадзя percатраўленую і перадуманую духоўную ежу, дык гэта ў выніку неабходнасці аператыўнасці. Журналісты нават маюць у сваім распараджэнні нататнікі, у якіх адны і тыя ж нумары тэлефонаў (для перадачы пра Расію трэба запрасіць спадара X, пра Германію — Y). Існуюць ужо гатовыя суразмоўцы, гэта вызваляе ад неабходнасці шукаць кагосьці, каму, насамрэч, ёсць што сказаць. Да таго ж «невядомых» трэба яшчэ пашукаць, а пад рукою заўсёды ёсць прывычныя, гатовыя даць інтэрв’ю…

Поле журналістыкі валодае адной асаблівасцю — яно значна больш залежыць ад знешніх сіл, чым іншыя палі вытворчасці культурнай прадукцыі: матэматычнае, літаратурнае, юрыдычнае, навуковае… Яно наўпрост залежыць ад попыту і падпарадкаванае рынкавым санкцыям плебісцыту нават мацней, чым палітычнае поле.

Агюст Конт казаў: «Навука — гэта магчымасць прадбачання, а прадбачанне — магчымасць дзеяння». Сацыяльная навука мае права, як і іншая, на такую амбіцыю. Калі сацыёлаг апісвае такую прастору, як прастора журналістыкі, спачатку ўкладваючы ў гэта свае пачуцці, няясныя памкненні, палкасць, а потым сублімуючы іх у працэсе аналітычнай працы, ён мае надзею на эфектыўнасць. Напрыклад, даводзячы да свядомасці дзеянне механізмаў, ён можа садзейнічаць павелічэнню свабоды журналістаў або тэлегледачоў, маніпуляваных гэтымі механізмамі.

Я лічу, што, калі журналісты змогуць прыслухацца, яны прыйдуць да разумення, што я даю ім інструмент вызвалення, ясна выказаўшы тое, пра што яны здагадваюцца, але ў чым не надта жадаюць сабе прызнавацца…

У кожным полі, універсітэцкім полі, полі гісторыкаў і г. д., ёсць тыя, хто валадарыць і хто падпарадкоўваецца; гэта вызначаецца згодна з унутранымі каштоўнасцямі поля. «Добрым гісторыкам» лічыцца той, каго добрыя гісторыкі лічаць добрым гісторыкам. Гэта непазбежнае кругавое вызначэнне. Але бывае, што не матэматык пачынае выказваць сваю думку пра матэматыкаў або нехта, не прызнаны гісторыкамі (але хто лічыцца гісторыкам на тэлебачанні), атрымлівае магчымасць выказаць сваё меркаванне пра гісторыю і быць пачутым. Ці можна сабе ўявіць, каб навуковая спрэчка паміж двума матэматыкамі, біёлагамі або фізікамі магла быць вырашаная ў выніку рэферэндуму? Але СМІ ўвесь час умешваюцца і выносяць свае вердыкты. Улюбёны занятак штотыднёвікаў — падводзіць вынікі: назваць 10 самых…

Антыінтэлектуалізм, які з’яўляецца сталай структурнай велічынёй (лёгка вытлумачальнай) свету журналістаў, прымушае іх перыядычна падымаць пытанне пра памылкі інтэлектуалаў і пачынаць дыскусіі, здольныя зацікавіць толькі інтэлектуалаў-журналістаў. Адзінае прызначэнне такіх дыскусій — дазволіць гэтым інтэлектуалам паказацца ва ўсёй красе і існаваць у медыяпрасторы. Гэткія ўмяшанні звонку вельмі небяспечныя, бо яны ўводзяць у зман прафанаў, якія валодаюць пэўнаю ўладаю, бо вытворцам культурнай прадукцыі неабходныя спажыўцы: слухачы, гледачы, чытачы. Набываючы прадукцыю, яны аказваюць уплыў на выдаўцоў, а праз выдаўцоў — на магчымасць будучых публікацый…

Журналісцкія маніпуляцыі могуць быць і больш дасканалымі, у выглядзе траянскага каня, то бок праз увядзенне ў пэўны ўніверсум чужых гэтаму ўніверсуму вытворцаў. Пры падтрымцы знешніх сіл яны набываюць славу, якую не змаглі б атрымаць сярод роўных сабе. Яны — пісьменнікі для ўсіх, апроч пісьменнікаў, філосафы для ўсіх, апроч філосафаў, — будуць мець рэйтынг на тэлебачанні і вагу ў журналісцкім свеце, якія не адпавядаюць іх спецыфічнай вазе…

Калі вытворца праграмы на радыё або на тэлебачанні запрашае даследчыка, ён аказвае яму гонар, які да нядаўняга часу расцэньваўся як кампрамат. Усяго 30 гадоў таму здольнасці да ўніверсітэцкай дзейнасці Раймона Арона былі пастаўленыя пад сумненне праз тое, што ён меў дачыненне да СМІ ў якасці журналіста «Le Figaro». Сёння расклад сіл змяніўся. Удзел у перадачы, станоўчая ацэнка ў ілюстраваных часопісах або з'яўленне на вокладцы ствараюць канкурэнцыю меркаванню калег па полі.

Журналісты з глыбокім задавальненнем адзначаюць, з якім нецярпеннем людзі з універсітэцкага асяроддзя імкнуцца трапіць у СМІ, жадаюць рэцэнзій і скардзяцца, што застаюцца ў цяні. Гэта палохае, бо прымушае сумнявацца ў аб'ектыўнай незалежнасці пісьменнікаў, артыстаў, навукоўцаў. Неабходна прызнаць, што залежнасць ад СМІ існуе, і зразумець прычыны такой залежнасці.

Трэба высветліць, хто менавіта супрацоўнічае са СМІ, хто з'яўляецца калабарацыяністам. Я знарок ужываю гэта слова. У часопісе «Actes de la recherche en sciences sociales» мы нядаўна надрукавалі артыкул, прысвечаны французскаму літаратурнаму полю часоў акупацыі. Мэта аналізу была не ў тым, каб сказаць, хто быў, а хто не быў калабарацыяністам (і такім чынам рэтраспектыўна звесці рахункі), але зразумець, чаму ў той ці іншы момант тыя ці іншыя пісьменнікі выбралі той ці іншы лагер, зыходзячы з пэўнага набору пераменных. У двух словах можна сказаць, што, чым больш пісьменнікі былі прызнаныя сярод роўных сабе і адпаведна багатыя на спецыфічны капітал, тым больш яны схільныя да супрацiву. І наадварот, калі іх літаратурныя практыкі былі чужародныя полю, то бок калі надта прывабным быў для іх камерцыйны аспект, тым хутчэй яны схіляліся да супрацоўніцтва з нацысцкімі ўладамі.

Чым больш незалежны вытворца культурнай прадукцыі, тым багацейшы ён на спецыфічны капітал, звернуты да вузкага рынку, на якім кліентамі з'яўляюцца яго ўласныя канкурэнты. І тым больш схільны ён да супраціўлення. І наадварот, калі ён (эсэіст, пісьменнік-журналіст, раманіст-канфарміст) прызначае сваю прадукцыю для шырокага рынку, то ён у большай ступені схільны супрацоўнічаць з цяперашняю ўладаю: дзяржаваю, царквою, партыямі, а таксама і з журналістамі, падпарадкоўваючыся іх патрабаванням. Мне запярэчаць, што супрацоўнічаць са СМІ — гэта не тое самае, што з нацыстамі. Натуральна, не. І я не асуджаю разнастайныя формы супрацоўніцтва з газетамі, радыё і тэлебачаннем. Але з пункту гледжання фактараў, якія схіляюць да калабарацыянізму, — а гэта падпарадкаванне прымусу, што разбурае ўласныя нормы незалежнага поля, — дадзенае падабенства ўражвае.

І калі навуковае, палітычнае і літаратурнае палі знаходзяцца пад пагрозай у выніку моцнага ўздзеяння СМІ, дык гэта таму, што ўнутры гэтых палёў знаходзяцца чужародныя элементы, мала прызнаныя, або, кажучы проста, «няўдачнікі». Або тыя, хто на шляху да гэтага. Такія людзі зацікаўленыя ў пошуку знешняга прызнання (хуткага, няспелага, эфемернага), якога яны не атрымалі ва ўласным полі. Яны да таго ж знаходзяцца на добрым рахунку ў журналістаў, бо гатовыя падпарадкавацца любым патрабаванням. Мне падаецца неабходным абвесціць вайну чужародным інтэлектуалам, бо яны — гэта траянскі конь, яны з дапамогаю чужароднасці, то бок крытэрыяў камерцыйнай выгады, трапляюць у поле.

Тэлебачанне стварае дваісты эфект. З аднаго боку, яно зніжае плату за ўваход у некаторыя палі: філасофскае, юрыдычнае і г. д.; яно можа спрыяць прызнанню ў якасці сацыёлагаў, пісьменнікаў, філосафаў і г. д. людзей, якія «не заплацілі за ўваход» з пункту гледжання ўнутранага вызначэння прафесіі. З іншага боку, яно здольнае закрануць шырокія колы гледачоў. Мне цяжка апраўдаць факт, што, спрабуючы знізіць «плату за ўваход» у поле, нехта прысвойвае сабе права на пашырэнне ўласнай аўдыторыі. Мне могуць запярэчыць, абвінавачваючы ў элітарнасці, у абароне крэпасці вялікай навукі і высокай культуры і нават у намеры зачыніць нешта для народу. Але я абараняю ўмовы, неабходныя для вытворчасці і распаўсюджання самых высокіх твароў чалавецтва. Каб пазбегнуць альтэрнатывы паміж элітарнасцю і дэмагогіяй, неабходна адначасова падтрымліваць і нават падвышаць плату за права на ўваход у палі культурнай вытворчасці...

Мы можам і павінны весці барацьбу супраць рэйтынгу ў імя дэмакратыі. Гэта можа здавацца парадаксальным, бо тыя, хто абараняе ўладу рэйтынгу, сцвярджаюць, што няма нічога больш дэмакратычнага. Рэйтынг — гэта санкцыя з боку рынку і эканомікі, а значыць, знешняга чыста камерцыйнага парадку...

Фота аўтара

Артыст з Божае ласкі

Алесь ГОРБАЧ

Пры шматгадовых даследаваннях жыцця і творчасці спевака Міхася Забэйды-Суміцкага я неаднойчы сустракаў імя баса-барытона Паўла Пракапені. Прызнацца, да пэўнага часу не звяртаў на гэтае імя асаблівай увагі, пакуль не высветлілася, што Пракапеня — гэтаксама мой зямляк, з Ружаншчыны, нарадзіўся ў вёсцы Заполле.

Звестак аб ім, што праўда, пападалася мала, хутчэй гэта былі эпізадычныя згадкі ва ўспамінах, таму скласці які-кольвек творчы партрэт артыста, ацаніць маштабнасць і глыбіню ягонага таленту было цяжка.

Так, у прыватнасці, у № 3 часопіса «Калоссе» за 1937 год Рыгор Шырма, робячы агляд віленскага канцэртнага жыцця, паведамляў пра два канцэрты Паўла Пракапені, што адбыліся ў Вільні — тагачасным цэнтры культурнага і нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі. Канцэрты былі 4 мая і 2 чэрвеня. Шырма адзначаў, што «малады спявак мае свежы і моцны голас, відаць музычная школа», пры гэтым, як сапраўдны крытык, паказаў і заганы, галоўную з якіх ён бачыў у «надужыванні стыхіяў голасу для бісавых эфектаў». «Праўда, гэта ў Пракапені чужое, наноснае, зусім непатрэбнае, — зазначаў Шырма. — Чым хутчэй ён пазбавіцца ад такіх прыёмаў спеву, тым хутчэй знойдзе сам сябе, стане на ўласныя ногі, здабудзе публіку і без пасрэднікаў». Найлепшымі нумарамі, на думку Шырмы, у праграме Паўла Пракапені былі «Грэнадзёры» і «Бурлакі».

Даўшы маладому артысту некалькі парадаў, Рыгор Раманавіч выказваў надзею, што з часам пра спевака без агаворак можна будзе сказаць: «Пракапеня — гэта артыст з Божае ласкі». Як высвятляецца сёння, Шырма не памыліўся.

Але калі я напрыканцы 2006 года публікаваў у прэсе свой першы невялікі артыкул пра Паўла Пракапеню, мне было цяжка меркаваць, наколькі той апраўдаў высокую шырмаўскую ацэнку свайго таленту. Тады ў мяне не было надзеі знайсці нават фотаздымак спевака, не кажучы ўжо аб тым, каб пачуць ягоны голас.

Але з часам высветлілася, што Пракапеня быў сапраўды спеваком ад Бога, спеваком, па праве можна сказаць, сусветна вядомым. Ягонае імя назаўсёды ўпісана ў гісторыю试 опернага мастацтва, ведаюць і шануюць нашага земляка як прафесіяналы, так і аматары оперы ва ўсім свеце (звесткі аб ім, у прыватнасці, мне давялося сустрэць нават на інтэрнэт-сайце аматараў оперы Замбіі). І знайшлося шмат і фотаздымкаў, і запісаў ягоных песень, і ўспамінаў пра спевака, фрагментаў ягонай біяграфіі. А кружэлкі Пракапені, афішы і праграмкі ягоных канцэртаў і па сёння прадаюцца ў многіх краінах на аўкцыёнах.

Узлёт

Даводзіцца часта сутыкацца з недакладнасцямі і блытанінай у біяграфіі Паўла Пракапені. У прыватнасці, некаторыя расійскія крыніцы падаюць, што артыст нарадзіўся ў Наваградку. Аднак насамрэч пад Наваградак ён трапіў, як пайшоў батрачыць. У Заполлі яшчэ жывуць людзі, якія памятаюць свайго знакамітага земляка. Ды і польскія крыніцы падаюць месца яго нараджэння як «Zapole na Polesiu».

Да слова, пісьменнік Янка Саламевіч, малая радзіма якога мяжуе з Ружаншчынай, чуў пра Пракапеню яшчэ ад свайго дзядзькі, якому за польскім часам давялося працаваць разам з будучым спеваком на тартаку. Паводле ўспамінаў, будучую оперную зорку, а тады яшчэ падлетка, рабочыя часта прасілі паспяваць, папярэдне пусціўшы па тартаку шапку і сабраўшы «ганарар». Гэтыя «канцэрты» юнага баса-самародка, як узгадваў Саламевічаў бацька, рабілі на прысутных надзвычайнае ўражанне: ад гукавой вібрацыі святло ў

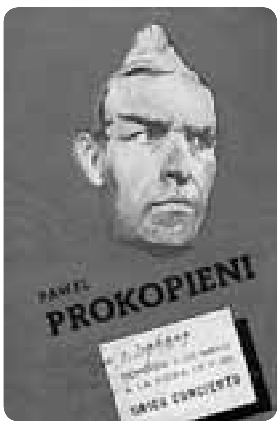
Павел Пракапеня, 1930-я гг.

лямпах дрыжала, здавалася, што вось-вось шыбы з акон павылятаюць.

Што да даты нараджэння спевака, то і тут ёсць некаторая блытаніна. Паводле адных крыніц, ён нарадзіўся 18 жніўня 1908 г. (у прыватнасці, так кажа яго пасведчанне аб сацыяльным страхаванні, што захоўваецца і па сёння ў адным з архіваў ЗША). Паводле іншых, з'яўленне артыста на свет адбылося на два гады пазней, таго ж дня ў 1910 годзе. Больш праўдападобным выглядаў бы менавіта 1908 год, бо інакш надта ж ужо раннім атрымліваецца творчы ўзлёт Пракапені як артыста. З іншага боку, даводзіцца сустракаць звесткі аб тым, што Павел Пракапеня прыехаў у Варшаву вучыцца ў 1926 годзе шаснаццацігадовым юнаком, «маючы пры сабе толькі прыгожую знешнасць ды бас-барытон Шаляпіна». Паводле гэтай версіі атрымліваецца, што ў 2010 годзе было стагоддзе з дня нараджэння нашага славутага земляка.

Дарэчы, што да творчага ўзлёту, то і тут шмат розных версій. Раней мне даводзілася сустракаць звесткі аб тым, што пад Навагрдкам юнак Пракапеня працаваў на панскіх кухнях. Заўважыў яго непаўторны глыбокі голас пан, ягоны гаспадар, які і адправіў хлопца ў Варшаву да Яна Кепуры вучыцца.

Аднак польскі пісьменнік і кампазітар Яраслаў Абрамаў-Няверлі піша пра адкрыццё таленту Паўла Пракапені наступнае: «...працаваў ён пасыльным у ваяводскім упраўленні (Навагрдскім. — *А. Г.*) і ў паліцэйскай камендатуры... разносіў лісты... У чырвонай фуражцы хадзіў ён з сумкай і заўсёды спяваў. На гэтыя спевы звярнула ўвагу жонка камісара паліцыі... У захапленні ад ягонага чароўнага голасу яна адправіла яго вучыцца ў Варшаву. Хутка Пракапені стаў вядомым спеваком, басбарытонам, які ў Кракаве спяваў з самім Янам Кепурам з даху аўтамабіля».

Праграма канцэрта П. Пракапені з ягоным аўтографам

Забягаючы трошкі наперад, дадамо апісанне Абрамава-Няверлі, як Пракапеня, ужо будучы вядомым спеваком, у другой палове 1930-х гадоў прыехаў на гастролі ў Навагрудак. Канцэрт быў у кіназале: «Калі Пракапені заспяваў на беларускай мове народную песню "Лявоніха", апладысментам не было канца».

Але вернемся да моманту, калі Пракапеня патрапіў у Варшаву. Дык вось, паводле некаторых польскіх крыніц, з першага праслухоўвання ў вядомага тэнара Яна Кепуры, якое адбылося ў 1926 годзе, нічога не атрымалася, узыходная зорка польскай оперы толькі паціснуў Пракапеневу руку і пажадаў юнаку ўсяго найлепшага ў ягонай будучай кар'еры.

Хлопец стаў зарабляць сабе на пражыццё спевамі ў барах ды рэстаранах, наведвальнікамі якіх былі прадстаўнікі вышэйшага свету польскай эліты ды рускія белыя эмігранты. Падчас аднаго такога выступу ў бары гатэля Пракапеню і пачуў яшчэ адзін вядомы артыст Варшаўскай оперы, барытон Тадэвуш Орда-Залеўскі, якога крытыкі, да слова, называлі найвыбітнейшым мастаком свайго часу. Сам Орда-Залеўскі на той час, калі пазнаёміўся з нашым земляком, з прычыны хваробы лёгкіх развітваўся са сцэнай, а праз пару гадоў вымушаны быў развітацца і з жыццём. Аднак, зачараваны непаўторным голасам юнака, ён зрабіў усё, каб Паўла Пракапеню залічылі ў хор пры Варшаўскай оперы. А гэта, у сваю чаргу, дало хлопцу права на двухгадовае навучанне ў школе спеваў Рышарда Урагі, які адразу прызнаў рэдкі Пракапенеў талент.

Як беларус стаў італьянцам

Рышард Урага пасля двух гадоў навучання рэкамендаваў Пракапеню князю А. Радзівілу, які выдаткаваў хлопцу грошы (стыпендыю) на далейшае навучанне ў Італіі. На працягу трох гадоў Пракапеня займаўся ў Мілане і Рыме. Дарэчы, з гэтага перыяду сваё прозвішча ён стаў пісаць на італьянскі манер — Prokopieni, менавіта ў такой трансфармацыі яно і засталося ў гісторыі опернага мастацтва. Мы ж дазволім сабе называць нашага земляка на наш манер, нам больш звыклы.

На Міжнародным конкурсе маладых вакалістаў у Вене Пракапеня выйграў першы прыз і дыплом. Пасля гэтага з поспехам выступаў у Аўстрыі.

Падчас свайго знаходжання ў Італіі ў 1933–1935 гадах ён даў каля 100 канцэртаў на радыёстанцыях у Рыме і са сцэны, выступаючы ў самых прэстыжных тэатрах Мілана і Рыма. У гэты час спявак атрымліваў шмат розных цікавых запрашэнняў, меў вялікае турнэ па Еўропе, але ў 1936 годзе вярнуўся ў Польшчу. Вярнуўся, безумоўна, з трыумфам — яго імя ведала ўся Еўропа.

І тут лёс звёў яго са сваім першым няўдалым «імпрэсарыа» — Янам Кепурам: яны сапраўды разам спявалі ў знакамітым канцэрце на 12 тысяч слухачоў, што адбыўся ў Вавелі ў Кракаве. Увогуле, за два гады пасля вяртання з замежжа Пракапеня ўзяў удзел больш чым у 250 канцэртах, у тым ліку дабрачынных. Мяркуем, што ў гэтую лічбу ніхто не залічваў канцэрты на радзіме для землякоў, у Заполлі і суседніх вёсках. Прынамсі, пра адзін такі канцэрт у нашай вёсцы мне даводзілася чуць ад відавочцаў.

Палякі Паўла Пракапеню шанавалі за папулярызацыю польскай культуры па ўсім свеце. Ён

Канверт кружэлкі П. Пракапені з рускімі песнямі

меў шмат афіцыйных узнагарод, пазней за выдатнае выкананне польскіх вайсковых песень атрымаў ордэн за заслугі ад прэзідэнта Масціцкага, а таксама ад генералаў Сікорскага і Андэрса. Таму ведаюць і шануюць нашага слыннага земляка ў Польшчы і сёння.

Тым не менш крытыкі справядліва называюць Паўла Пракапеню спеваком трох славянскіх культур: беларускай, польскай і рускай.

За што Пракапеню любяць у Расіі?

Імя Паўла Пракапені сапраўды добра вядомае сёння і ў Расіі. Мы, канешне ж, не вядзем тут гутарку пра масавага слухача, аматара гэтак званай папсы, хоць знакамітыя «Очи черные» ў Пракапеневым выкананні мне давялося нават пабачыць у адным прыватным інтэрнэт-каталогу пад рубрыкай «Блатны шансон».

Справа ў тым, што ў 20–30-х гадах мінулага стагоддзя ў Польшчы назіраўся сапраўдны бум на рускія песні і рамансы, па ўсёй краіне з поспехам разыходзіліся кружэлкі з іх запісамі ў выкананні спевакоў, што жылі ў Польшчы ці выступалі тут з канцэртамі, такіх як Ніна Беліч, Вольга Каменская, Вара Ласка, Юрый Марфесі, Аляксандр Вярцінскі, Рыгор Сямёнаў, Пётр Лешчанка. Не апошняе месца ў гэтым шэрагу займала і імя нашага земляка Паўла Пракапені.

У ягоным рэпертуары акрамя польскіх і беларускіх былі рускія народныя песні. Яны і па сёння захаваліся як у Польшчы, так і ў Расіі ў прыватных калекцыях на старых кружэлках фірмы «Syrena-Electro» запісу 1933 года: «Ах, ты доля, моя доля», «Байкал», «Бродяга», «Ванька-парень», «Веревочка», «Волга-Волга», «Во саду ли, в огороде», «Два гренадера», «Двенадцать разбойников», «Блоха», «Дубинушка», «Лучинушка», «Любовь разбойника», «Молись, кунак», «Семеро зятьев», «Утес», «Ухарь-купец», «Черные гусары», «Эй, ухнем».

Як бачым, у спевака быў фактычна шаляпінскі рэпертуар, таму ў некаторых крыніцах даводзіцца часам сустракаць параўнанні Пракапені з вялікім Шаляпіным, і, як правіла, адзначаюцца не толькі ягоныя выдатныя вакальныя здольнасці, надзвычайны дыяпазон і глыбіня голасу, але і арыгінальнасць выканання.

Згадваюць сёння расійскія даследчыкі Паўла Пракапеню і сярод зорак рускай эміграцыі Злучаных Штатаў Амерыкі пасляваеннага часу.

Чырвоныя макі на Монтэ-Касіна...

Зноў вернемся ў 1930-я гады. Напрыканцы 1938 года Павел Пракапеня выехаў на гастролі па балканскіх краінах. Трэба так разумець, што там яго і застаў трагічны верасень 1939-га, бо далей маем толькі звесткі, як ён праз Румынію прабіраецца ў Польшчу і запісваецца добраахвотнікам у Войска Польскае, прымае ўдзел у баях з немцамі пад Львовам.

У гэты час многія польскія эстраднікі — спевакі, музыканты, кампазітары, — шукаючы ратунку ад нямецкай акупацыі, кінуліся якраз у Львоў, які хутка адышоў Савецкаму Саюзу згодна з сакрэтным пратаколам да пакта Молатава — Рыбентропа. Пасля завяршэння баявой кампаніі апынуўся тут і Павел Пракапеня. Трэба было неяк жыць у новых абставінах, і людзі займаліся тым, што ўмелі — сваёй прафесіяй. Аднак «нядоўга музыка іграла» — у хуткім часе многія з іх як «нямецкія шпіёны» пайшлі этапам у сталінскі ГУЛАГ. Не выключана, што такі ж лёс напаткаў і нашага земляка, бо, калі Германія напала на Савецкі Саюз, Пракапеня апынуўся ўжо ў Куйбышаве (цалкам магчыма, што на этапе, аднак дакладных звестак пакуль не маем).

У хуткім часе па дамоўленасці Польскага ўрада ў выгнанні з савецкай дзяржавай на поўдні СССР пачалася арганізацыя польскай арміі пад кіраўніцтвам вызваленага з Лубянкі генерала Уладзіслава Андэрса («Армія Андэрса»). Корпус

фарміраваўся з польскіх грамадзянаў, што трапілі ў савецкі палон у 1939 годзе, а таксама тых, што былі дэпартаваныя ў 1939–1941 гадах у глыб СССР. Андэрс хоць і крайне негатыўна ставіўся да савецкага рэжыму і не жадаў супрацоўнічаць са Сталіным, аднак скарыстаў прапанову савецкага ўрада, каб вызваліць з нявол як мага больш сваіх суайчыннікаў. Дарэчы, нацыянальны склад Арміі Андэрса быў неаднародным, акрамя палякаў каля 30 % складалі яўрэі, украінцы, беларусы.

У армію Андэрса трапіў і Павел Пракапеня. Яго залічылі ў склад артыстычнага ансамбля Карпацкай брыгады. На працягу ўсёй вайны ён даў шмат канцэртаў для арміі, саграваючы сэрцы польскіх салдат сваім спевам і ўздымаючы іх баявы дух. Гэтым часам карта яго выступаў супадае з картай перадыслакацыі Арміі Андэрса, і акрамя таварышаў па зброі Пракапеню слухалі жыхары Ірана і Лівіі, Палесціны і Італіі.

У 1943 годзе Павел Пракапеня як спявак быў задзейнічаны ў здымках фільма «Шатландская мазурка». Гэты фільм (каляровы, працягласць 16 хвілін), па сутнасці, быў прапагандысцкім, ён здымаўся па заказе Польскага ўрада, што знаходзіўся на эміграцыі ў Лондане, і меў на мэце паляпшэнне ўзаемадачыненняў паміж шатландскай грамадзянскай супольнасцю і польскай арміяй, якая ў той час дыслакавалася ў Шатландыі. У фільме паказаны польскія салдаты (на баявых і спартыўных занятках, у вольны час), рэканструявана сцэна атрымання салдатамі пошты, ёсць пастановачныя сцэны сустрэчы палякаў і шатландцаў у сельскай мясцовасці, рамантычныя ўзаемадачыненні вайскоўцаў з мясцовымі дзяўчатамі. У адной са сцэн польскі вайсковы хор спявае ў вузкай горнай даліне, а мужчыны і жанчыны выконваюць традыцыйныя польскія танцы (адсюль і назва фільма).

Падчас вайны як на тэрыторыі акупаванай Польшчы, так і за яе межамі ў польскіх вайсковых фарміраваннях была вельмі папулярнай песня польскіх партызан «Rozszumiały się wierzby płaczące» («Расшумеліся ніцыя вербы») на матыў вядомага марша «Развітанне славянкі». Польскі тэкст напісаў школьны настаўнік музыкі Раман Слензак яшчэ ў 1937 годзе — «Rozszumialy się brzozy płaczące» («Расшумеліся ніцыя бярозы»). У 1943 годзе невядомы аўтар тэкст актуалізаваў, ніцыя бярозы былі замененыя на вербы, і менавіта гэты варыянт замацаваўся і ў далейшым набыў вялікую папулярнасць.

Кружэлка (фрагмент) фірмы «Syrena-Electro» запісу 1933 г. з рускімі песнямі ў выкананні П. Пракапені

Падчас Другой сусветнай вайны гэтая песня была фактычна гімнам галоўнага польскага партызанскага фарміравання — Арміі Краёвай. А ў Арміі Андэрса яна гучала ў выкананні Паўла Пракапені (захаваўся пазнейшы, пасляваенны запіс).

Кружэлка з песнямі «Расшумеліся ніцыя вербы» і «Чырвоныя макі на Монтэ-Касіна» ў выкананні П. Пракапені (запіс паваеннай пары, прыблізна 1940-я гг.)

Але найбольшую вядомасць артысту прынеслі такія песні, як «Карпацкая брыгада» і асабліва «Чырвоныя макі на Монтэ-Касіна» (музыка А. Шутца, словы Ф. Канарскага).

Бітва пад Монтэ-Касіна, у якой браў удзел Павел Пракапеня, вядомая ў гісторыі Другой сусветнай вайны яшчэ як Бітва за Рым. Гэта серыя з 4 кровапралітных вайсковых аперацый, у выніку якой войскі саюзнікаў прарвалі з поўдня лінію нямецкіх умацаванняў, вядомую як «Лінія Густава», і завалодалі Рымам. Са студзеня па май 1944 года ўмацаванні «Лініі Густава» беспаспяхова штурмаваліся тры разы. 11 мая пачаўся чацвёрты штурм, у якім браў непасрэдны ўдзел і 2-гі Польскі корпус (Армія Андэрса). Праз тыдзень пасля цяжкіх баёў «Лінія Густава» была прарваная на ўчастку ад кляштара Монтэ-Касіна да ўзбярэжжа. 18 мая польскі атрад узняў над кляштарам, што быў ператвораны гітлераўцамі ў крэпасць, свой нацыянальны бела-чырвоны сцяг.

Штурм Монтэ-Касіна для палякаў стаў сімвалам гераізму, а подзвіг і мужнасць польскіх салдат была ўслаўлена ў песні «Чырвоныя макі на Монтэ-Касіна». Першыя куплеты гэтай песні былі напісаныя яшчэ падчас штурму, а літаральна 19 мая ля паднożжа гары Монтэ-Касіна Тэатр Салдата Польскага ўпершыню выканаў гэтую песню (спяваў Гвідон Баруцкі). Першы запіс яе ў тым жа годзе зрабіў другі спявак — Адам Астан. Ну а сваю найбольшую папулярнасць песня набыла, асабліва ў пасляваенны час сярод польскай эміграцыі ў ЗША, у значнай ступені дзякуючы выкананню Паўла Пракапені.

Песня «Чырвоныя макі на Монтэ-Касіна» для палякаў сёння, можна сказаць, культавая, яе слухаюць стоячы.

Пасля бітвы пад Монтэ-Касіна Армія Андэрса на працягу года ваявала ў Італіі і скончыла свой баявы шлях у красавіку 1945 года. Да 1946 года корпус заставаўся ў складзе акупацыйных сілаў у

Італіі, затым быў перакінуты ў Вялікабрытанію і там расфарміраваны.

Большасць вайскоўцаў, як і сам Уладзіслаў Андэрс, не пажадалі вяртацца ў камуністычную Польшчу, застаўшыся на эміграцыі. Дарэчы, тых беларусаў і ўкраінцаў — ветэранаў Арміі Андэрса, што вярнуліся, разам з сем'ямі (агульнай колькасцю каля 4,5 тыс. чалавек) у 1951 годзе саслалі на спецпасяленне ў Іркуцкую вобласць, дзе яны прабылі да жніўня 1958 года.

На далёкай чужыне

Павел Пракапеня, як і большасць яго таварышаў, не вярнуўся на Бацькаўшчыну, пераехаў на сталае жыхарства ў ЗША.

Ужо 27 сакавіка 1947 года амерыканскі музычны штотыднёвік «The Billboard» паведамляў аб тым, што на працягу тыдня ў студыі «RCA Victor» выйдзе кружэлка Паўла Пракапені і Польскага аркестра з двума запісамі: «Чырвоныя макі на Монтэ-Касіна» і «Паланез Агінскага».

Фота П. Пракапені з аўтографам

Як мы ўжо згадвалі, спявак меў вялікі поспех, з канцэртамі аб'ехаў паўсвету, выступаў на самых вялікіх і прэстыжных канцэртных пляцоўках не толькі ЗША, але і Францыі, Аргенціны, Бразіліі, дзе яго голасам як у сольных партыях, так і ў операх захаплялася шматлікая публіка. Ёсць звесткі, што ў той час Пракапеня выступаў разам з Беньяміна Джылллі, вядомым італьянскім оперным спеваком і акцёрам, якога называлі «спадкаемцам» Энрыка Каруза.

А шлях у Польшчу яму быў зачынены, заслугі Арміі Андэрса доўгі час, фактычна да падзення камуністычнага рэжыму, не прызнаваліся. Пра Савецкі Саюз, часткай якой была Беларусь, і казаць ужо няма чаго. Можна толькі ўявіць, што перажываў заполец Павел Пракапеня ў далёкім выгнанні, спяваючы на сцэне перад улюблёнай у яго публікай:

Далеко село родное,
В нем хотел бы побывать,
Повидать все дорогое
И обнять старушку мать.
(«Ах ты, доля, моя доля»)

Пракапеня жыў у Нью-Ёрку, на Манхэтэне. Абрамаў-Няверлі так апісваў яго знешнасць таго часу: «Каржакаваты бландзін з бадзёрым тварам, што выдаваў схільнасць да чаркі...» Аднак заўважаў, што спявак падтрымліваў добрую форму на працягу многіх гадоў.

Што да характару артыста, то сучаснікі падкрэслівалі яго надзвычайную сціпласць, нават некаторую сарамлівасць, чароўнасць, дзівіліся з таго, што, будучы шырока вядомым спеваком, ён цалкам быў пазбаўлены ўсякіх капрызаў «вялікай зоркі». Адну ягоную рысу лічылі за дзівакаватасць і нават за слабасць: дабіўшыся ў жыцці ўсяго сам, ён моцна ганарыўся сваімі ўзнагародамі, медалямі і ордэнамі як даваеннага часу, так і тымі, што атрымаў у Арміі Андэрса; адзяваў іх заўсёды, нават калі пазіраваў для рэкламных плакатаў.

На жаль, нам невядомая пакуль поўная дыскаграфія Паўла Пракапені, аднак з тых звестак, што маем на сёння, вядома, што ў 1966 годзе з нагоды тысячагоддзя польскай дзяржавы выйшла яго кружэлка з салдацкімі і патрыятычнымі песнямі: «Pierwsza brygada», «Karpacka Brygada», «Czerwone maki na Monte Cassino», «Rozszumiały się wierzby płaczące», «Serce w plecaku», «Warszawo ma», «Boże, coś Polskę», «Modlitwa obozowa», «Żal» (Fryderyk Chopin), «Hulanka» (F. Chopin), «Kozak»« (Stanisław Moniuszko), «Pieśń rycerska» (S. Moniuszko), «Pieśń flisaków» (Władysław Dan-Daniłowski), «Peleryna», «Wańka», «Czerwone jabłuszko», «Krakowiak».

Памёр спявак раптоўна ў ноч з 9 на 10 кастрычніка 1976 года ў Нью-Ёрку. Пахаваны на польскіх могілках у Дойлстаўне (штат Пенсільванія).

Радзіма на свайго славутага сына даўно забылася.

На крыльце своего дома

Анатолий ГУЛЯЕВ

деревенский детектив

Стилистические тонкости

...Майора обидели. Он подавленно матюгался, натыкался на офисную мебель и хотел сочувствия:

— Ничего не было, правда, Эдвардович! И сама эта Людка такая... Только сиськи...

— Бюст! — сказал Эдвардович.

— Что? — не понял майор.

— Сиськи у коровы. У женщины бюст. Так культурней. Спроси журналиста, он знает...

Председатель местного большого колхоза (по-теперешнему — СПК) Олег Эдвардович Дорожко (по паспорту, между прочим, Адольф, но в общении Олег — Олегом в послевоенной Беларуси жить было проще) любит иногда высказаться изящно. Правда, слово «культурнее» он произносит с окончанием на «й» и ударением на «е» — культурней...

Все посмотрели на меня:

— Конечно, бюст — культурней, — подтвердил я. Спорить с Эдвардовичем по поводу «культурней», «извиняюсь» и прочих аграрных словесных ужасов никаких моих сил уже не хватает.

— Ладно — бюст, — согласился майор.— Они... то есть он, у Людки — ого!

И показал, какое это «ого». Причем его добродушная физиономия с аккуратно подстриженными светлыми усами приобрела выражение потрясенного восхищения, с каким знатоки оценивают бессмертную улыбку Моны Лизы.

— А она сразу в морду!

— Кто в морду — Людка?

— Какая Людка? Валька моя...

— А Валька тут причем?

— Так она же зашла в это время. И сразу в морду!

— Кому?

— Ну мне, мне! Что тут непонятного?

— За что?

— Я же говорю... Людкины эти... бюст...

Я наконец понял:

— Ты что, Францевич, ее лапал за эти... за бюст?

— Ну я же и говорю... Не так чтобы сильно... И Людка ничего... А Валька зашла как раз. И в морду сразу!

Эдвардович счастливо заухмылялся. Я тоже: мы оба знаем майорскую жену «Вальку-магазинщицу» — в смысле заведующую местным магазином сельпо. Своего мужа — нашего давнего приятеля и параллельно местного участкового, которого окружающие привычно зовут «урядником», — она содержит в строгости. А этот самый муж вчера, оказывается, на свадьбе племянницы соседки, будучи сильно навеселе, неосмотрительно засмотрелся на бюст другой соседки. И даже более того, в момент, показавшийся ему удобным, протянул руки... Но Валька зорко охраняет свое «движимое имущество», известное склонностью к протягиванию рук. И международной женской способностью появляться в самый неподходящий момент владеет виртуозно. Именно в этот момент она и появилась, восприняв посягательство «имущества» на чужой бюст как личное оскорбление. Тем же вечером ушла ночевать к матери на другой конец деревни. Предварительно, да от всей возмущенной женской души, влепив майору совершенно полковничью по силе оплеуху!

— Ладно, — сказал Эдвардович. — Помиришься. Не первый раз...

— Вам легко говорить! — огрызнулся Францевич.

— Что легко? Моя Ольга тоже может...

Аргумент был сильный — Ольга «может», это мы знаем! И потому перешли от эмоций к делу.

Корова... И козельчик

— Так ты считаешь, Францевич, это «брателa» свел корову?

— И козельчика, — уточнил майор. — Хорошая такая корова: ведро молока за раз дает как нефиг делать... За нее 1000 долларов можно взять...

— За тысячу никто не купит! — засомневался я.

— Расскажи мне! Четырехлетка, килограммов 500 живого веса — купят! А если через границу перевести — хохлы тем более купят.

— Это же ее надо еще перевести...

Францевич, смирившийся, наконец, с личной трагедией, начал объяснять:

— Что тут водить — десяток километров. А с коровой вообще просто: если на погранцов напорешься, всегда можно сказать, что корова потерялась, а ты ее искал...

— А может, цыгане свели корову? С козельчиком... — выдвинул версию Эдвардович. — В Новоселках их сколько семей, майор? Пять? Семь?

— Пять, две семьи съехали куда-то. Может, и цыгане, — согласился майор. — Нам в райотдел статистику присылают по Беларуси: цыгане, в большинстве, крадут скот и перегоняют в Россию, в Украину... Выгодно! Но я все же думаю, что это «братела»!

Все замолчали. «Братела» — мужичок по фамилии Игнатович: темные с кучерявинкой волосы, крупный нос, усы, сипловатый крикливый голос... Он действительно просто напрашивался на подозрения, потому как, проживая в Новоселках, нигде толком не работал долго, а все больше тусовался там, где собиралось больше трех человек. И всегда навеселе, всегда при деньгах, всегда злой и настырный.

А у колхозной пенсионерки бабушки Марии вчера, в то самое время, когда майор получал свою оплеуху, свели корову и козу, которых она навязывала на цепь за деревней. А как иначе: на пенсию в 600 тысяч, назначенную щедрой социальной державой, прожить нельзя.

— Ладно, начните с цыган, езжайте к Шишкову, — сказал Эдвардович. — Борис — он такой, своих не сдает, но врать не будет. Я бы сам с вами поездил, да комиссия... — обреченно произнес Эдвардович. Ему очень не хотелось сидеть в своем кабинете и ждать комиссию.

— Опять?

— Да за...ись оно! — Эдвардович непринужденно переключился на ненормативную лексику. — Есть аж 48 государственных организаций, которые имеют право проверять мою работу — мою, избранного народом руководителя негосударственного предприятия. Мы же СПК называемся теперь — кооператив! А все как лезли, так и лезут, суки...

Он легко встал и, разминая ноги, прошелся по просторному кабинету. Синеватый летный комбинезон, кожаная летная куртка шли ему, как и хромовые сапоги, — комплект, который он носил в любую погоду. Что делать: с детства хотел стать летчиком, а судьба коварно вывела в председатели колхоза. «Уже 18 лет общего колхозного режима!» — обычно говорит он, когда с кем-то знакомится.

На прощание Эдвардович произнес неизящное, но в его устах органичное пожелание членам

комиссии отправиться в пеший эротический тур и добавил:

— Журналиста возьми с собой — он потом фельетон напишет, на бабушкиной корове гонорар заработает... Долларов сто...

— Сто я даже на тебе, Эдвардович, не заработаю. Не то, что на корове... Гонорары теперь — как моя доля...

— Как моя! — авторитетно сказал председатель СПК. — Едьте уже, не мешайте ждать комиссию.

И мы с майором двинулись к цыганам: искать корову и козу, которую в деревне почему-то называли «козельчиком», то есть козлом. Просто гомосексуализм какой-то...

Майор ехал по обязанности, я — из интереса...

Цыгане

...Цыгане в Новоселках жили не компактно, а в нескольких отдельных домах, разбросанных по окраинам этой большой деревни — скорее, даже поселка. Когда-то их было больше — еще до Эдвардовича. Колхоз тогда жил от кредита до кредита, а их в советское время возвращать было совсем не обязательно. Но заработки колхозников выглядели жалко. Народ разбегался.

Пришел Эдвардович, понасоздавал подсобных производств: шитье дубленок, джинсовых курток, алюминиевое литье для какого-то из столичных заводов, и как-то сразу появились деньги. Потом появился молочный завод — совершенно уникальный... Сегодня у него вдоль большой дороги работает кафе с гигантскими порциями мяса на второе. Там же вдоль дороги разместился загон со страусами...

— Этот Борис — он кто?

— Он молодец. Когда-то закончил культпросвет в Минске, а теперь у Эдвардовича страусами занимается. Шишков — его фамилия, а имя правильно звучит — Баро. В переводе с цыганского — «важный». Он у них авторитет, вроде барона.

«Авторитет» вышел к нам из вагончика, расположенного у входа в загон для страусов: высокий, плотный, чисто выбритый, доброжелательно улыбающийся цыган. В лице что-то пронзительное от киногероя Михая Волонтира, а от нас, «тутейших», — что-то такое толерантно-снисходительное.

— Ты, Францевич, давно не был у нас... Неужели в Новоселках ничего не воруют больше?

— Не вижу логики... — обиженно сказал майор.

— Логика простая: как что украли, так ты к нам приезжаешь... А что на этот раз украли?

— Украли корову у бабушки Марии. И козельчика.

— Правду тебе скажу: наши не занимаются такими делами. Не там ты ищешь... — Баро извлек из кармана кожаной жилетки пачку красного «Мальборо». Майор принял предложенную сигарету, они с удовольствием закурили.

— А где искать? Помоги — спасибо скажу...

— Спасибом пуза не поможешь — так у вас говорят.

— Зря ты так, Баро. Мое спасибо дорого ценится. И спасибо от председателя тебе будет тоже...

— Сразу два таких «спасибо»? — Баро был уверен в себе и слегка ироничен. — Но помочь не могу, не знаю ничего. Могу только погадать... на табачных кольцах...

Баро одно за другим выпустил изо рта несколько колец дыма, проткнул их тонким длинным пальцем и заговорил голосом базарной гадалки:

— А езжай ты, добрый человек, в пущу. И глубоко не забирайся, посмотри по окраинам, ближе к опушке. Может, там, на какой-нибудь поляне и ожидает тебя твое нелегкое милицейское счастье...

— А твое цыганское счастье где тебя ожидает? — опять готов был обидеться майор, склонный сегодня обижаться на всех вообще.

— Тут оно у меня, в загоне со страусами. А ты в мое гадание поверь. И ручку позолотить не забудь. А то не сбудется...

Майор порылся в кармане милицейских штанов и достал 10-рублевую купюру. Баро взял ее, разорвал на мелкие кусочки и пустил по ветру:

— Теперь сбудется!

Мы распрощались.

Пуща

...Пуща начинается сразу за Новоселками. Хорошо укатанный проселок ведет мимо нескольких мощных дубов прямиком в мягкий сумрак, где вековые деревья помнят не только бунтовщика Кастуся Калиновского и гетмана Константина Острожского, но и их предков. В открытые окна подпрыгивающего на корнях милицейского УАЗа льется аромат хвои — совершенно неповторимый целебный аромат, рядом с которым любые другие запахи «не плавали» близко. Да что там... Я служил в Туркмении и Казахстане, хорошо помню эти агрессивные пустынно-степные запахи, которые не мог перебить даже сладковатый дурман отработанной солярки танковых дизелей. Но тут все иначе, все мягче, все...

— Запах чувствуешь? Костер где-то... — прервал мои стилистические изыскания майор, до того сурово молчавший.

И точно, явственно тянуло дымком.

— Сейчас мы их возьмем на горячем! — кровожадно радовался майор, нажимая на акселератор и проверяя на ходу кобуру со штатным «Макаровым». Похоже, его сильно «грела» перспектива передать кому-то дальше Валькину оплеуху. — А ты не лезь, сиди в машине! Тут, знаешь, какие мужики? Сначала из своих «дубальтовок» стреляют, а только потом спрашивают: «Кто?»

УАЗ свернул налево на еле заметную колею, прибавил ходу и вылетел на поляну, где горел костер, рядом с которым громоздилось нечто массивное — по виду явно не корова.

Майор резко тормознул, выкатился из кабины:

— Стоять всем!

И, поводя пистолетом из стороны в сторону, остановился в стойке, которую когда-то изобрел шериф одного из американских

городов и которая теперь по его имени называется «стойкой Вивера»: ноги в полуприсяде, левая рука поддерживает правую с пистолетом… Думаю, он себе очень нравился в этой пижонской стойке…

Веером «брызнувшие» от костра несколько мужиков резко остановились, нерешительно поворачиваясь и поднимая руки.

— Ко мне все, быстро! Руки на виду!

Мужики нехотя приближались к майору — грозному и неумолимому, как глава Шкловской районной администрации. И то — побитый накануне и униженный Францевич, наконец, мог взять реванш, сам править свой бал: командовать, унижать других… Может быть, ради именно таких моментов люди надевают погоны, служат по уставу и терпят хамство вышестоящих…

Но тут один из мужиков — почтенного возраста, в брюках знаменитого милицейского цвета «маренго» и камуфляжной куртке — внезапно остановился. Затем уверенно переместил руки из положения «руки вверх» на пояс, в положение стандартного колена «Лявонихи»: приседание с одновременным выбрасыванием ноги. Но приседать не стал.

— Витька, ты это?

Майор растерянно опустил «Макарова».

— Ты… на батьку с пистолетом?

Майор поспешно сунул пистолет в карман.

— Посмотрите, люди: на батьку с пистолетом!

Люди оживились, поняв, что главные дураки тут — не они.

— А что вы тут делаете, батька? — заюлил Францевич, не первый раз за последние сутки плюхаясь с горных высот всевластия прямо в багну полесских болот. Как если бы Моисей, публично вскарабкавшийся на гору Синай для интервью с Богом, кубарем слетел обратно, получив публичный отказ в интервью по причине тупости не согласованных заранее вопросов. — Это ж батька мой, — поспешно объяснял он мне.

— Не видишь, хлебную гоним?

…Здесь во многих деревнях процветает кооперация. То есть местные мужики давно поняли, что нерентабельно держать на семью отдельный самогонный аппарат. И потому изготавливается один на всю деревню, но мощный: на 200–300 литров заправки, с использованием токарных и сварных работ. И именуемый «завод». И выглядит, как миниатюрная доменная печь времен первых пятилеток.

Он устанавливается где-то в пуще, и народ коллективно производит себе напиток необходимой крепости.

Отец и сын разговаривали уже вполне мирно:

— Батька, наш же «завод» не тут стоял…

— Ну а теперь тут. Тут и поляна хорошая, и криничка… Вода из кринички — первое дело! Да вы, хлопцы, попробуйте…

Нам в руки уже совали куски хлеба с крупно порезанным салом, очищенные головки лука, стаканы тепловатого, только из аппарата, самогона.

— Мы на службе, батька… — нерешительно сказал Францевич.

Народ заулыбался. Францевич понял, что сказал глупость.

— Ну быть добру!

Мы выпили. Самогон пошел легко — без отвратительной водочной мерзопакостности, без присущей спирту невозможности потом вздохнуть, без приторности фабричных коньяков… Но я знал, что, если выпить еще пару стаканов, при ясной практически голове ноги перестанут ходить. Потребуется перерыв, а потом ноги, скорее всего, оживут, и опять можно будет «жахнуть» этого удивительно напитка. Здесь его зовут «мамина». Бутылочку такой самогонки мать может дать в дорогу сыну — на всякий случай. Как, на всякий случай, престарелый гасконец Д’Артаньян вручал своему сыну — забияке и будущему маршалу Франции — помимо некоторого количества экю еще и флакон приготовленного матерью целебного бальзама.

— Мы тут корову ищем. У бабушки Марии свели. И козельчика.

Народ запереглядывался. Франц, майорский отец, подытожил:

— Ночью тут что-то мекало.

— Где? — насторожился майор.

Нам популярно объяснили и сказали, что ждать там кого-то пока рано. Ворюга если и придет, то к ночи. А потому мы можем спокойно посидеть еще с ними. Что мы и сделали. Параллельно «жахнув» еще по стакану (или по два?) «маминой».

Засада

…Майорский УАЗ опять полз по хорошо укатанной лесной дороге. Сгущались сумерки, но фары мы не включали. Какая же засада с фарами? Потом выбрались из машины и, продираясь через густой подлесок, двинулись туда, где, предположительно, что-то «мекало». И точно: скоро оказались на поляне — такой ничего себе, площадью с танцверанду в Новоселках. А на ней действительно «мекало». И мычало: большая чернопестрая корова повернула к нам голову, не прекращая жевать свою вечную жвачку. Опять густо, как паровоз серии ФД перед началом движения, доброжелательно «му-у-у-кнула» и отвернулась в поисках не выщипанной еще травы.

Рядом белел упомянутый выше козельчик.

— Никуда они не делись! — удовлетворенно сказал майор, доставая мобильник, набирая номер:

— Эдвардович, нашли корову… И козельчика… А как комиссия? Что? От суки!.. Так приезжайте к нам тогда, мы тут…

Он объяснил, где это «тут», спрятал мобильник.

— Комиссия отказалась от ужина!

Дело было плохо. Когда комиссия из вышестоящих органов отказывается ужинать с проверяемым, это значит, что у проверяемого будут проблемы. А Эдвардович, при всей его уникальной полешуцкой (то есть почти армянской!) приспособляемости к любому начальству, мог иногда продемонстрировать очередному районному «батьке» незаурядную полешуцкую же «упартость». За что и бывал сильно бит.

Эдвардович приехал через пару часов. Было уже совсем темно. Мы пристроили машины в густых хмызах у подножия громадной сосны и притихли, потому что — засада же... Да и хотелось помолчать: кончался день — по-своему бестолковый для каждого из нас. Находились, наговорились, надергались...

Вдруг в полной тишине захрустел кустарник, замекал козельчик, и сиплый голос посоветовал ему заткнуться, упомянув при этом популярное польское слово «курва». Но мы уже были на ногах, и майор опять уверенно вырвался вперед:

— Стоять всем!

В ночи, как брешь в темной стене, образовалась пауза... Потом, как 115-милиметровая танковая пушка, бабахнула «дубальтовка»! Потом раздался громкий майорский вопль, потом — раз за разом выстрелы из «Макарова», потом — опять «дубальтовка». Потом треск хмызов, по которым, похоже, рванул от поляны дикий кабан...

В полной темноте мы кинулись на помощь. Эдвардович тут же споткнулся о лежащего на земле майора, упал, покатился... Травматический пистолет в его правой руке сам собой бабахнул — не хуже «Макарова»! Майор воспринял падение Эдвардовича как нападение ворюги и браво открыл огонь из штатного оружия: бах! бах! бах!

Тут же неестественно пронзительно, даже с некоторой долей сатанинского злорадства, взмекнул козельчик и замолк. Как потом выяснилось, насовсем...

Постепенно диспозиция стала проясняться. Ворюга (или ворюги?) исчезли во тьме ночи и догнать их, не говоря уже о том, чтобы персонифицировать, не было никакой возможности. Майор был ранен, как потом выяснилось, четырьмя дробинами в верхнюю треть бедра. Как опять же потом выяснилось, страшного ничего, но неприятно!

Козельчик принял мученическую смерть от табельного оружия — 9-милиметрового пистолета Макарова — и кроме как на мясо ни на что уже не годился. А виновница всего этого переполоха — стоящая 1000 долларов корова-четырехлетка, дающая за раз ведро молока, — осталась невредима, как чаще всего и бывает с возмутителями спокойствия. Естественно, понервничав во время перестрелки и пометавшись на цепи по периметру поляны. Остается только благодарить Бога и трепетно удивляться, что эти полтонны живого веса, снабженные рогами и копытами, не соприкоснулись ни с кем из действующих лиц.

Эдвардович позвонил кому-то, скоро приехал фургон, в который погрузили корову и принявшего геройскую смерть козельчика — то есть козочку. Я за баранкой майорского УАЗа, Эдвардович в своей машине — мы тронулись. Первым делом приехали к бабушке Марии. Она уже спала, но быстренько вышла на крыльцо и кинулась обнимать выгруженную из фургона корову. Насчет козельчика мы бессовестно соврали, что его (то есть ее) убили воры в перестрелке. Сама перестрелка выглядела у нас как нечто эпическое, вроде сражения с немцами во время операции «Багратион» под Бобруйском. Но бабушка была так рада вернувшейся корове, что только махнула рукой...

К «брателе» решили не ехать — а толку? Майор пообещал взять его в следующий раз. Мы ему поверили, поскольку, по сути, это была клятва на крови.

Потом поехали к майору. Там на крыльцо вылетела нежданно вернувшаяся от матери «Валька-магазинщица», не дождавшаяся того, чтобы муж-майор пришел упрашивать и потому запредельно агрессивная. Словно египетская царица, ни один из поклонников которой не согласился отдать жизнь за ночь в ее постели. Мы вышли, майор пока остался в кабине.

— А где мой? — грозно сказала Валька.

— В машине, — ответил Эдвардович.

— Что, пьяный уже?

— Не, он раненый, — сказал Эдвардович.

— Из ружья, — зачем-то добавил я.

Валька медленно сползла вдоль дверного косяка — сомлела! Из машины выполз майор и, сильно припадая на правую ногу, заспешил к крыльцу:

— Валечка, я живой! Валечка...

Майор вскарабкался на крыльцо и неуклюже опустился рядом с женой. Валька припала к нему и безутешно рыдала, а руки гладили его взлохмаченную голову. Собственно говоря, что значит какая-то Людка... Какие-то движения руками по сравнению с тем, что муж Виктор, Витя вернулся, что он живой. Они ведь скоро три десятка лет вместе. Конечно, детей Бог не дал! Но они все равно не могут друг без друга, так ведь? А то, что она ушла к матери, так и она же человек, и ей неприятно. А теперь они вместе!

Так мы их и оставили — обнявшихся на крыльце своего дома.

Беларусь у ліку пяці найгоршых ворагаў свабоды прэсы

Вольныя і незалежныя СМІ ёсць толькі ў адной трацiне краiнаў на зямлi. Гэта сцвярджае сёлетні штогадовы даклад арганізацыі Freedom House.

У дакладзе «Свабода прэсы 2012: Глабальны агляд незалежнасці СМІ» адзначаецца, што з ліку 197 краінаў і тэрыторый, у якіх вывучалася свабода выказванняў, 66 (33,5 %) належаць да катэгорыі «свабодных», 72 (36,5 %) — да «часткова свабодных» і 59 (30 %) — да «несвабодных».

Беларусь у гэтым рэйтынгу традыцыйна фігуруе сярод краінаў, дзе стан свабоды СМІ найгоршы, — яна займае 193-е месца з агульнага ліку 197 краінаў і тэрыторый. Горай са свабодай прэсы, чым у Беларусі, толькі ў Эрытрэі, Узбекістане, Туркменістане і Паўночнай Карэі.

Пра краіны, названыя ў дакладзе «найгоршымі з найгоршых», аналітыкі Freedom House адзначылі: «У гэтых дзяржавах незалежныя СМІ альбо не існуюць, альбо ледзь могуць дзейнічаць, прэса з’яўляецца рупарам рэжыму, доступ грамадзян да аб’ектыўнай інфармацыі строга абмежаваны, а іншадумства задушанае пры дапамозе турмаў, катаванняў і іншых формаў рэпрэсій».

З постсавецкіх краінаў «свабоднымі» прызнаныя Эстонія (22-е месца), Літва і Латвія; у лік «часткова свабодных» патрапілі Грузія, Малдова і Украіна. Арменія, Кыргызстан, Таджыкістан, Азербайджан, Расія, Казахстан, як і раней згаданыя Беларусь, Узбекістан і Туркменістан, прылічаныя да «несвабодных».

Беларускія журавіны. Фота Сяргея БАЛАЯ